

СТО ЛЕТ СССР

СТО ЛЕТ СССР

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 International
(«С указанием авторства 4.0 Всемирная»).

Описание и полный текст лицензии доступны по адресу
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**СТО ЛЕТ СССР :
СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ**

Сборник обзоров и рефератов

**МОСКВА
2024**

ББК 63.3(2)6
УДК 94(47+57)«1917–1991»
С 81

Печатается по решению ученого совета ИНИОН РАН

Ответственный редактор –
канд. ист. наук И.К. Богомолов

Редактор-составитель –
канд. ист. наук М.М. Минц

Сто лет СССР : современная историография :
С 81 сборник обзоров и рефератов / отв. ред. И.К. Богомолов ;
ред.-сост. М.М. Минц ; ИНИОН РАН. – Москва, 2024. –
162 с.

ISBN 978-5-248-01090-5

В сборнике рассматривается современная российская и зарубежная историография Советского Союза. Анализируются факторы создания СССР, новейшие исследования его политической системы, национальной политики, экономики, культурной сферы, науки и образования.

Для специалистов по истории советского периода, студентов, аспирантов и широкого круга читателей, интересующихся отечественной историей.

ББК 63.3(2)6
УДК 94(47+57)«1917–1991»

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Аишенфельд Ф., Трекер М.</i> От Людендорфа к Ленину? Первая мировая война и истоки советского экономического планирования.....	10
<i>Уиллимотт Э.</i> Время, проведенное дома: Октябрьская революция и советское понятие времени (Реферат).....	14
<i>Уайт Дж.Д.</i> Лев Троцкий и советская историография русской революции (1918–1931) (Реферат)	19
<i>Дьюкс П.</i> Русская революция в «Британской энциклопедии» (Реферат).....	25
<i>Любин В.П.</i> Рец. на кн.: XV Плехановские чтения: Советский Союз в геополитических условиях 1927–1941 гг.: проблемы, цели и результаты в области внутреннего и внешнеполитического курсов строительства государства : материалы международной конференции, 23–25 сентября 2022 г. / под ред. Т. И. Филимоновой. – Санкт-Петербург : РНБ : Ниц Арт, 2022. – 297 с.	30
<i>Апанасенок А.В.</i> Как безбожие попыталось стать религией	41
<i>Баттис М.</i> На общей почве: советская национальная политика и австромарксистский замысел (Реферат)	48
<i>Петрухина Д.В.</i> Национально-культурная политика БССР в 1920-е годы: проблемы и значение (Обзор).....	53
<i>Бабенко О.В.</i> Новые зарубежные публикации о советско-польских отношениях межвоенного периода (2022–2023) (Обзор).....	70

<i>Емельянова Е.Н.</i> СССР и Африка в 1920-е –1930-е годы: зарубежная и российская историография (Реферативный обзор)	80
<i>Микенберг Дж.Л.</i> Американки в Красной России: в погоне за советской мечтой / пер. с англ. Т. Азаркович. – Москва : НЛЮ, 2023. – 448 с. – (Гендерные исследования). (Реферат)	95
<i>Миц М.М.</i> Советский Союз во Второй мировой войне: за пределами истории боевых действий (Реферативный обзор).....	102
<i>Бабенко О.В.</i> Деятельность фронтовых художественных бригад и театров в годы Великой Отечественной войны (Обзор)	124
«Советская древность»: люди, учреждения, книги и наука о древности в СССР / отв. ред. С.Г. Карпюк. – Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2021. – 493 с. (Реферат).....	137
<i>Сьвидер К.</i> Экономические причины и механизмы распада Советского Союза (Реферат).....	146
<i>Салливэн Ч.Дж.</i> Родина: советская ностальгия в Российской Федерации (Реферат)	151
Сведения об авторах	161

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Союза Советских Социалистических Республик привлекает внимание широкого круга специалистов-гуманитариев – не только историков, но и социологов, политологов, культурологов, лингвистов, философов. Масштабность, сложность и многомерность истории СССР такова, что у исследователей нет необходимости «подстраивать» изучение этого периода под «юбилейные» даты и мероприятия. Тем не менее столетие образования СССР стоит особняком, так как выпало на время очередных кардинальных перемен в мире. Многочисленные военные и дипломатические кризисы символизируют фактический демонтаж миропорядка, сложившегося после окончания Второй мировой войны, неотъемлемой частью которого был Советский Союз. Поистине революционные изменения происходят в мировой экономике, международных отношениях, демографии, культуре и науке. Понять, что мир изменился и уже никогда не станет прежним, всегда легче через углубленное изучение и лучшее понимание важнейших атрибутов, символов и образований уходящей эпохи.

В этом смысле неудивительно, что всестороннее исследование СССР – уникального явления в истории XX в. – набирает обороты как в России, так и за рубежом. С каждым десятилетием историография Советского Союза разрастается, появляются новые направления и научные школы, не утихают споры о проблемных вопросах советской истории. В данном сборнике обзоров и рефератов предпринимается попытка осмыслить основные тенденции в развитии современной историографии, наметить ее проблемы и перспективы.

Сборник организован по проблемно-хронологическому принципу. Открывают его четыре реферата И.К. Богомолова на статьи зарубежных авторов о различных проблемах раннесоветской истории. В статье Ф. Ашшенфельда и М. Трекера сравнива-

ются подходы в экономическом планировании, которые разрабатывали в конце XIX – начале XX в. лидеры партии большевиков и теоретики марксизма в кайзеровской Германии. Основное внимание уделено практикам централизации экономики, планирования и распределения в Германии времен Первой мировой войны, а также влияние этого опыта на взгляды большевиков после революции 1917 г. В статье Э. Уллимотта рассматриваются вопросы организации раннесоветского быта и общественного пространства в 1920-е годы. Несмотря на исчезновение городских коммун при И.В. Сталине, многие аспекты их организации повлияли на быт советских граждан в последующие десятилетия. Дж. Уайт подробно анализирует влияние сочинений Л.Д. Троцкого на развитие советской историографии российской революции. Хотя имя Троцкого с конца 1920-х годов старательно вычеркивалось из истории Октября, его концепция развития революционной ситуации стала фактически неотъемлемой частью общепринятого в СССР взгляда на революцию 1917 г. Освещение Октябрьской революции в энциклопедии «Британника» в 1920-е годы проанализировал П. Дьюкс. Автор показал, что на этом этапе развитие концепции и кратких характеристик 1917 г. осложнялось тем, что специалисты по этому периоду русской истории сами зачастую были ее участниками (П.Г. Виноградов, Л.Д. Троцкий).

В 2010-е годы значительно возросло внимание отечественных и зарубежных историков к раннесоветскому периоду. Во многом это было следствием падения интереса к теме российской революции (а в ряде случаев – расширения ее хронологических рамок до конца 1920-х годов), развития концепции «советской модерности» и встраивания процессов в СССР в общемировой контекст¹. С другой стороны, Большой террор и Великая Отечественная война в последние десятилетия поглощали львиную долю внимания исследователей. Ныне фокус смещается на 1920–1930-е годы, во-первых, из-за слабой изученности многих сюжетов. Характерный пример – монография Дж. Микенберг, посвященная массовому «паломничеству» американцев в Советский Союз в 1920–1930-е годы (автор реферата – Ю.В. Дунаева). Во-вторых, обращению к межвоенному периоду способствует активизация попыток рассматривать ключевые события XX в. (в том числе революцию 1917 г. и Вторую ми-

---

¹ Подробнее см.: *Богомолов И.К.* Великая российская революция в современной зарубежной историографии // *Российская история.* – 2021. – № 5. – С. 114–131.

ровую войну) в разрезе глобальных процессов мировой истории. Это хорошо видно и на примере прошедших в Санкт-Петербурге 23–25 сентября 2022 г. XV Плехановских чтений (обзор подготовлен В.П. Любиным). На этот раз чтения были посвящены развитию СССР в «геополитических условиях 1927–1941 гг.», то есть от прихода Сталина к власти и до начала Великой Отечественной войны. Общей идеей докладов была тесная увязка внутренних процессов в Советском Союзе с внешними условиями и тенденциями развития межвоенной Европы.

Традиционное, но весьма важное место в историографии занимает изучение религиозной политики в СССР. В этом смысле выход монографии В. Смолкин стал, безусловно, значимой вехой и показал, что тема не теряет своей актуальности и имеет большие перспективы. В рецензии на эту книгу (автор – А.В. Апанасенок) рассматривается феномен советского атеизма, который стал одним из центральных элементов советской идеологии и одновременно «полем битвы» теории и практики, примером столкновения мировоззрений и скрытой идеологической борьбы в советских социально-политических условиях.

Национальная политика в СССР – еще одна тема, интерес к ней только увеличивается по мере отдаления советской эпохи. Многочисленные межэтнические и меконфессиональные конфликты на постсоветском пространстве и по всему миру заставляют историков обращаться к советскому опыту, к решениям советского руководства, влияние которых на современность не только не уменьшается, но с годами проявляется все более остро. В поисках истоков советской национальной политики М. Баттис в своей статье (автор реферата – И.К. Богомолов) рассматривает влияние на взгляды большевиков австромарксистской концепции национальной автономии и государственности. Видные теоретики австромарксизма К. Реннер и О. Бауэр не считали, что для каждой нации свойственно стремиться к созданию государственности, и рассматривали национально-культурную автономию как приемлемую форму самовыражения и самосохранения для большинства народов. Сталин неизменно критиковал взгляды австромарксистов на национальный вопрос, однако, как показывает Баттис, именно в сталинскую эпоху национальная политика СССР заимствовала многое из теории Реннера и Бауэра. Исследования практической реализации советской национальной политики на примере Белорусской ССР рассматривает в своем обзоре Д.В. Петрухина. Особенностью БССР было то, что коренизация и «беларусизация»

происходили в уже существующем государстве (в виде советской республики), в то время как в подавляющем большинстве случаев созданию государства предшествовал интенсивный процесс националистического строительства.

Продолжились в последние годы и исследования советской внешней политики в межвоенный период. В обзоре О.В. Бабенко проанализированы работы В. Влодаркевича, П. Уайтвуда и С. Лацного по истории советско-польских отношений в 1920–1930-е годы. В. Влодаркевич, рассматривая деятельность польской разведки, приходит к выводу, что Варшава к 1939 г. оказалась в затруднительном положении, считая угрозой и Германию, и СССР, но так и не найдя нужного баланса для обеспечения безопасности страны. П. Уайтвуд в своей статье рассматривает попытки Москвы организовать коммунистическую пропаганду среди польских военнопленных в начале 1920-х годов. По его мнению, именно поражение в советско-польской войне и неудача в пропаганде в Польше стали для большевиков переломным моментом и предопределили их фактический отказ от идеи мировой революции. С. Лацный, анализируя образ Польши и поляков в советском довоенном кино, показывает, что основным мотивом пропаганды был многовековой гнет украинцев и белорусов под властью польского государства. При этом подчеркивалось, что Польша, раздираемая внутренними противоречиями, не имеет той идейной основы, которую получили после Октябрьской революции советские народы.

Актуальная ныне тема отношений СССР и Африки отражена в обзоре Е.Н. Емельяновой, сфокусированном на работах последних лет о советско-африканских отношениях в 1920–1930-е годы. Большинство современных историков отмечают, что зарождение африканистики в СССР во многом было связано с интересом Коминтерна к распространению своего влияния в мире. Угроза со стороны фашистского блока требовала изменения тактики в 1930-е годы: создания народных фронтов, отказа от поддержки революционных восстаний. Приверженность Коминтерна и первых африканистов «левому» подходу 1920-х годов привела к репрессиям против них в период Большого террора и сворачиванию африканских исследований до второй половины 1950-х годов.

Многочисленные исследования истории СССР в годы Великой Отечественной войны заслуживают отдельного сборника, поэтому М.М. Минц в своем обзоре сознательно ушел от собственно военной тематики и сосредоточился на «небоевых» аспектах (повседневность на фронте и в блокадном Ленинграде, выживание

советских граждан в нацистских концлагерях, оккупированные территории СССР в 1941–1944 гг., Холокост, советский тыл и отношения Москвы с союзниками по антигитлеровской коалиции). Растущую популярность и разнообразие «небоевых» сюжетов иллюстрирует обзор О.В. Бабенко, где подробно анализируются современные работы по истории фронтовых художественных бригад и театров в годы Великой Отечественной войны.

Историю советской исторической науки в сборнике представляет реферат коллективной монографии об изучении в СССР античности (автор реферата – А.Е. Медовичев). Антиковедение в Советском Союзе прошло несколько этапов, во многом отражавших общественно-политические тенденции в стране: формирование «костяка» историков-античников в 1920-е годы, заложение институциональных основ изучения и преподавания древней истории и «реабилитацию» дореволюционного образования в 1930–1940-е годы, ослабление административных и идеологических ограничений в период «оттепели».

Экономические причины распада СССР рассмотрены в статье Л. Сьвидера (автор реферата – О.В. Бабенко). Сьвидер основное внимание уделяет реформам периода перестройки и приходит к выводу, что замысел и реализация реформ впервые в советской истории зависели не только от экономической, но и от политической конъюнктуры. За политическим распадом Советского Союза последовал и распад экономических и хозяйственных связей, а также перераспределение собственности, которое, по мнению Сьвидера, вполне следовало ленинской логике «экспроприации экспроприаторов».

Завершает сборник реферат книги Ч.Дж. Салливана о ностальгии по СССР в современной России, подготовленный Т.М. Фадеевой. Особенностью работы Салливана является его обращение к массовым настроениям в российском обществе; он также рассматривает социально-экономические и культурные причины «советской ностальгии», ее влияние на современную российскую политику.

И.К. Богомолов

Ашшенфельд Ф., Трекер М.
ОТ ЛЮДЕНДОРФА К ЛЕНИНУ?
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ИСТОКИ
СОВЕТСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ
(Реферат)

Asschenfeldt F., Trecker M. From Ludendorff to Lenin? World War I and the origins of Soviet economic planning // Europe-Asia Studies. – 2023. – DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2023.2259635>.

Историки Ф. Ашшенфельд (Принстонский университет, США) и М. Трекер (Институт истории и культуры Восточной Европы, Лейпциг, Германия) анализируют взаимосвязь между войной и экономическим планированием, рассматривая интеллектуальную историю экономического планирования во время и после Первой мировой войны. В центре внимания авторов – вопрос о влиянии мобилизации экономики в 1914–1918 гг. на развитие социалистической мысли в целом и, в частности, на развитие советской экономики. Прослеживая историю военного планирования в Германии и России, авторы предлагают новую интерпретацию роли немецкой военной экономики в политике большевиков.

Ашшенфельд и Трекер сосредоточили внимание на сравнении дебатов о планировании среди российских левых и дебатов о планировании в Германии военного времени. В Германии экономическое планирование рассматривалось промышленниками, такими как В. Ратенау, а также военными деятелями, такими как генерал Э. Людендорф, «не просто как необходимое зло в военное время, но и как способ оживить немецкое общество после войны» (с. 2). За этими дискуссиями следили в России, в том числе экономист Ю. Ларин (Михаил Лурье, 1882–1932), который после рево-

люции стал «одним из самых радикальных сторонников планирования». Авторы отмечают, что до прихода к власти большевики в основном обращали внимание на динамику капитализма на периферии и не заглядывали далеко вперед в прогнозах о форме и организации социалистической экономики. Но в ходе Первой мировой войны «русские левые интеллектуалы начали видеть следы социализма в мерах, принятых воюющими державами, особенно в военной экономике Германии» (с. 2). Особое внимание авторы уделили влиянию работ Р. Гильфердинга (1877–1941), подробно рассмотревшего процесс картелизации промышленности во второй половине XIX – начале XX в. По мысли Гильфердинга, процесс картелизации и концентрации власти в руках финансового капитала в конечном счете должен был привести к возникновению общего картеля (*Generalkartell*), который планировал бы все экономические отношения в данном обществе. Экономические процессы в Европе этому лишь способствовали. Фактическая отмена свободной конкуренции в 1870-е годы потребовала от буржуазии большего взаимодействия с государством. Поскольку контролируемую конкуренцию было легче осуществлять в границах одного политического образования, картели, как правило, развивались по национальному признаку, стремясь расширить сферу своего влияния за пределы национальных границ, чтобы увеличить прибыль. Этот механизм, утверждал Гильфердинг, мог бы объяснить геополитическую напряженность начала XX в.: несколько национальных картелей боролись за мировые рынки, имея ограниченные ресурсы и территории, и стремились их расширить, используя военную мощь государства (с. 8).

Среди большевиков интерпретация войны как апогея картелизации была впервые предложена Н.И. Бухариным, он в книге «Империализм и мировая экономика» (1915) утверждал, что начало мировой войны привело к появлению нескольких «национальных марксизмов» и борьбе между различными регионами. Он «пошел дальше Гильфердинга, утверждая, что преобразование национальной экономики в один гигантский трест – процесс, начавшийся в Германии в 1870-х годах, – представляет собой важную предпосылку социализма» (с. 8). Первая мировая война рассматривалась как конфликт между государственно-капиталистическими картелями, контролируемые правящими классами, которые стремились насильственно продвигать свои интересы на мировом рынке.

Для Ленина, Бухарина и Ларина картелизация военного времени («государственный капитализм») представлялась лишь про-

межучетным шагом в неизбежном развитии общества к социализму. Ларин до 1917 г. также часто ссылался на работы Гильфердинга, анализируя военную экономику Германии. Он отмечал, что банки, участвуя в финансировании войны, были вынуждены сокращать конкуренцию, что в свою очередь приводило к созданию отраслевых монополий. Таким образом, война должна была укротить «хаотические» процессы рынка путем картелизации, породив более рациональный экономический порядок. В 1915 г. Ларин писал на страницах «Вестника Европы», что «сегодня Германия представляет собой самую интересную социальную лабораторию человечества» (цит. по: с. 10). В октябре 1917 г., когда он стал одним из главных советников Ленина по экономическим вопросам, именно это видение военной экономики послужило основой для первых шагов к экономическому планированию и тотальной национализации.

На Ленина, «по-видимому, произвела особое впечатление военная экономика Германии, которая служила свидетельством мощи централизованного планирования и расширенного влияния государства. Однако, учитывая, что Ленин сделал очень мало зафиксированных замечаний о военной экономике Германии, ее влияние на него не следует преувеличивать» (с. 10). Большевистское экономическое планирование было не просто попыткой подражать немецкой модели. Скорее, утверждают авторы, здесь есть «избирательное сходство с другой высокоцентрализованной и принудительной моделью экономического управления». Можно выделить лишь набор «этатистских и нелиберальных убеждений, разделяемых немецкими военными планировщиками и экономистами в большевистской России» (с. 3). Влияние немецкой политики военного времени на конкретную политику большевиков трудно проследить, особенно с учетом того, что немецкая военная экономика «не разделяла сильного акцента большевиков на национализацию и конфискацию» (с. 10).

На более глубоком уровне внимание большевиков к немецкой военной экономике указывает на «набор общих ценностей и черт сходства, которые, как это ни парадоксально, разделяли российский революционный режим и немецкие реакционные правые». Стремление большевиков к неограниченной исполнительной власти «отражало стремление Людендорфа подчинить всю экономическую деятельность военному командованию для целей тотальной войны» (с. 11). Таким образом, военная экономика Германии привлекала большевиков как модель хорошо организованной «буржуазной диктатуры», пример силы принуждения. Именно по

этой причине к концу 1920-х годов многие видные представители немецкой правой интеллигенции, «отвергая большевизм, были очарованы экономической организацией Советского Союза». Такое «избирательное восхищение, несмотря на идеологический разрыв, уходит корнями в Первую мировую войну» (с. 11).

В целом, заключают Ашшенфельд и Трекер, во время Первой мировой войны все воюющие державы были вынуждены так или иначе усилить вмешательство государства в экономику. Такое развитие событий «вдохновило интеллектуалов, как левых, так и правых, на продолжение политизации экономической жизни в стремлении к более справедливому порядку после войны». В наиболее экстремальной (большевистской) форме это повлекло за собой «тотальное планирование», отражавшее мечту об интеграции всех социальных сил в государстве и достижении полного контроля над экономической жизнью. Таков был утопический идеал, стоявший за военным коммунизмом и «командно-административной системой», построенной в СССР при Сталине. Но существовали и другие, более умеренные взгляды на послевоенное экономическое планирование, которые «основывались на расширении сотрудничества между бизнесом и государством». Эта «смешанная экономика» была, по сути, тем, что предложил Ратенау, и «в какой-то степени нашла выражение в ленинском нэпе и ранней фазе Октябрьской революции. Фактически многие страны Запада приняли аналогичные меры планирования после Великой депрессии» (с. 15).

И.К. Богомолов

Уиллимонт Э.

**ВРЕМЯ, ПРОВЕДЕННОЕ ДОМА:
ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
И СОВЕТСКОЕ ПОНЯТИЕ ВРЕМЕНИ
(Реферат)**

Willimott A. Time at home: the October Revolution and Soviet temporalities // History. – 2023. – Vol. 108, N 383. – P. 528–555.

Э. Уиллимонт (Лондонский университет королевы Марии, Великобритания) в новой статье продолжает свои многолетние исследования организации быта в раннесоветский период. В данной работе автор рассматривает коммуны и историю «нового быта» в контексте изменяющегося ощущения времени, характерного для российского общества в революционную эпоху.

Немецкий историк Р. Козеллек определил концепцию линейного прогресса как определяющую черту современности. Линейные, прогрессивные представления о времени все больше превосходили предположительно циклические представления о времени и истории. Многие человеческие действия и изобретения со времен Просвещения, как отметила П. Сатия, основывались на «убеждении, что история – это обязательно история прогресса» (цит. по: с. 531). Новые представления о человеческом существовании изменили значение «революции» с «чего-то, связанного с циклом времени или закономерностями движений, на механизм изменений или разрыва, ведущий к неопределенной трансформации общества» (с. 531).

Дом стал главным объектом пропаганды ключевой утопической идеи, долгожданного «нового быта», рассматривавшегося как более высокое состояние жизни, как «новый кодекс поведения,

норм и привычек, который повысит сознание индивида и тем самым будет способствовать прогрессу человечества благодаря еще нереализованному коллективному потенциалу и социальной гармонизации» (с. 534). Ленин «осыпал презрением» тех, кто, по его мнению, заходил слишком далеко в предположениях, что новая пролетарская культура «откроет дверь к биологическому, интеллектуальному и социальному совершенствованию человечества» (с. 534). Тем не менее лидер большевиков понимал необходимость утопии, знал, что развитие революции будет зависеть в том числе от появления авангарда молодых людей, готовых реализовать ее идеалы. В 1919 г. он писал, что «победа над нашим собственным консерватизмом, недисциплинированностью, мелкобуржуазным эгоизмом, победа над привычками» будет еще труднее, чем победа над классовым врагом (цит. по: с. 534).

Представление о неукротимом, целеустремленном и позитивном авангарде, безусловно, стало основой большевистского революционного видения. Коллективизм рассматривался как отличительная черта России, нетронутая капитализмом. Крестьянскую общину, «бастион русской социальной и светской традиции», большевики хвалили за то, что она сохранила свои основные коллективные структуры и ритмы на протяжении веков. Российские «радикалы, восходящие к Александру Герцену, увидели в этой черте “российской отсталости” незапятнанный дар прошлого – ключ, позволяющий открыть историю и прыгнуть вперед, минуя трудности европейского капитализма, прямо в лучшее будущее» (с. 530).

После 1917 г., публикуя советы в молодежной прессе, А.И. Коллонтай наставляла читателей отвергать «буржуазную мораль» и подчинять каждый аспект своей жизни «коллективному режиму» (цит. по: с. 536). Здесь коллективизм нес моральные коннотации, которые шли вразрез с «ленью и нормами русского аристократического времени». Коллективизм стал фактически синонимом современности. После Октября реформирование домашнего быта и принципов семейной жизни стали еще теснее ассоциироваться с развитием коллектива и дисциплинированным «новым образом жизни».

Наиболее распространенным явлением были дома-коммуны, они, как надеялись большевики, реформируют индивидуальную и семейную жизнь, освободив женщин от «домашнего рабства» и коллективизируя ряд видов деятельности. Проекты домов-коммун задумывались как средство «революционирования повседневной

жизни и формирования социалистических идеалов» (с. 537). Уже в 1919 г. были объявлены архитектурные конкурсы на проекты домов-коммун, которые могли бы обеспечить коллективное проживание 100–200 человек, с указанием, что в комплексе должны быть предусмотрены общая кухня, столовая, ванная комната, детский сад и школа, библиотека и рабочий кабинет. В теории такие дома должны были разрушить привычки и режим «старого образа жизни», введя новые коллективные соглашения и рационализированное управление временем. Это был «современный и дисциплинированный советский временной порядок, проникнутый революционным прочтением достоинств традиционного русского коллективизма» (с. 537).

Коммуны рассматривались как место, где можно было экспериментировать с повседневностью, включая «откровенно новое понимание временной дисциплины». Прежде всего это обеспечило пространство, где активисты могли «проводить время по-другому, строить свою жизнь не так, как их родители» (с. 541). В небольших комнатах общежития первые энтузиасты создали «общий котел», куда складывали свои стипендии и заработки. Общие деньги шли на покрытие коллективных расходов, включая еду и одежду. В центре этих комнат стоял стол, служивший местом для коллективных трапез, встреч, дебатов, чтения и проведения досуга.

Некоторые считали, что только в коммуне они обрели свободу жить так, как хотели. Другие выступали за формирование «новой семьи», которая рассматривалась как социальная ячейка, рожденная товариществом и взаимным сотрудничеством, основанным на кровных узах. Семейная жизнь больше не должна быть основана на «патриархате, религии и праздности». Появилось время для коллективного и равноправного выполнения задач. Члены коммуны вместе ели, выделяли время для совместного выполнения домашних обязанностей, а по вечерам читали, учились и организовывали политические дискуссии. Патриархальная семья считалась ловушкой и ограничителем общества, главным «буржуазным» институтом, тормозящим прогресс (с. 543).

Ленин рассматривал борьбу за «новый быт» как «третий фронт», как средство преодоления извечной российской проблемы «отсталости». Он хотел поощрять распространение грамотности, владение наукой и техникой – «отличительными чертами современности» (с. 547). Л.Д. Троцкий в книге «Вопросы повседневной жизни» (1923) отмечал, что стандарты поведения и новые соци-

альные нормы имеют решающее значение для долгосрочного существования нового революционного государства. В 1927 г. Н.И. Бухарин поддержал эту идею, заявив, что «образ жизни» занимает центральное место в строительстве нового общества (с. 548).

Чистота и хорошее здоровье напрямую ассоциировались с социализмом и «новым бытом», в то время как грязь и нездоровье – с дореволюционным домом. Не менее важными были дисциплина и решимость, необходимые для принятия нового кодекса и режима жизни. Так, в середине 1920-х годов многие коммуны выступили против «ненужных украшений», декора, орнамента и вообще всех предметов, которые не имели никаких функций, а лишь скапливали пыль и грязь. С большим воодушевлением коммунары смотрели на внедрение электрического освещения, рассматривая его как один из главных символов «нового быта» и важнейший способ кардинальных перемен в повседневной жизни (с. 549).

Заметным мотивом среди коммунаров было создание специализированных секций («красных уголков») для чтения, где размещались советская литература, газеты и журналы. Некоторые из наиболее успешных и амбициозных коммун выделяли целые комнаты для просвещения и рационального досуга. Революционный дом, каким его видели коммунары, «отвергал интимные пространства и буржуазный уют в пользу чистой и современной социалистической рациональности». Это пространство должно быть «символически непритязательным и физически гигиеничным, чтобы способствовать социалистической жизни – антитезе как грязным лачугам российских бедняков, так и чрезмерно роскошным резиденциям российских богачей» (с. 550).

Неприятие «русской отсталости» и «азиатских условий» быта основывалось на идее Октябрьской революции как «скачка вперед», попытки вырваться из исторических и географических «оков» России. Страх перед «отсталостью», точнее, перед возвращением «отсталости», был дополнительно спровоцирован возрождением изысканных ресторанов, кабаре и других «неревolutionных» развлечений в годы нэпа. Новое «обуржуазивание» повседневной жизни представлялось как угроза и вызов «новому быту» (с. 550).

В России ведущие большевистские мыслители, такие как А. Гастев и П. Керженцев, выступали за развитие тейлоризма в новом идеологическом облики. Керженцев, к примеру, основал «Лигу времени», которая пропагандировала новую организацию времени на заводах, в школах и университетах. Вместо того чтобы

просто стремиться к повышению эффективности труда и производительности, такие организации, как «Лига времени», полагали, что эффективность и временная дисциплина рационализируют свободное время, помогая повысить культурный уровень и самосознание пролетариата (с. 552). К примеру, коммуна Политехнического института в Петрограде составила ежедневное расписание, где с точностью расписывались все действия членов коммуны, начиная с момента утреннего пробуждения и заканчивая временем, когда они ложились спать. Было выделено определенное время для приема пищи, учебы и чтения, отслеживалась продолжительность времени, затрачиваемого на выполнение таких задач, как уборка в доме. Считалось, что правильно составленный график и система мониторинга приведут к повышению эффективности во всех областях, позволяя общине выделять больше времени и энергии на просветительские мероприятия и рациональный досуг. Повседневная жизнь «возводилась в ранг науки» (с. 552). Некоторые коммуны разработали «научные» наблюдения за тем, как каждый человек проводит свое время. Другие коммуны взяли за правило сравнивать свои данные со средними показателями по стране, опубликованными в прессе. Они соперничали за повышение среднего уровня чистоты или гигиены, например принимая ванну или занимаясь уборкой чаще, чем обычные граждане.

«Догоняющая» индустриализация 1930-х годов («пятилетка в четыре года») основывалась на «концепции времени как линейного и прогрессивного – в соответствии с концепциями Просвещения об истории, которая прерывается и ускоряется героическими моментами человеческой деятельности» (с. 555). Такая «борьба со временем» подпитывалась желанием быстро и решительно преодолеть пресловутую «российскую отсталость». Городские коммуны в конечном счете прекратили свое существование при Сталине, сформировав при этом многие аспекты советской повседневности в последующие десятилетия.

И.К. Богомолов

Уайт Дж.Д.

**ЛЕВ ТРОЦКИЙ И СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1918–1931)
(Реферат)**

White J.D. Leon Trotsky and Soviet historiography of the Russian Revolution (1918–1931) // Revolutionary Russia. – 2021. – N 2. – P. 276–295.

Статья Дж. Уайта, преподавателя истории России и Восточной Европы в Университете Глазго (Великобритания), посвящена развитию раннесоветской историографии Октябрьской революции через призму трудов Л.Д. Троцкого. Рассмотрены 1918–1931 гг. – от первой годовщины Октября и до появления письма И.В. Сталина в газету «Пролетарская революция» в октябре 1931 г. Как отмечает автор, «именно Троцкий заложил основы советской историографии российской революции», начав работу над ее историей еще в период переговоров в Брест-Литовске. Брошюра «История русской революции до Брест-Литовска» в итоге осталась в тени более поздней «Истории русской революции» Троцкого, но тем не менее сыграла в дальнейшем значительную роль. Сам Троцкий отмечал, что главная цель брошюры – представить Октябрьскую революцию таким образом, чтобы побудить рабочих Германии и Австро-Венгрии последовать примеру русских в свержении своих капиталистических правительств (с. 277). Для этого он должен был опровергнуть обвинения К. Каутского и других умеренных социалистов в том, что большевики нарушили демократические принципы, разогнав Учредительное собрание, и отказались договариваться с другими социалистами. Брошюра Троцкого должна была показать, что большевики не совершали государственного переворота за спиной рабочего класса России, что они не устанавливали

партийную диктатуру и сделали все возможное, чтобы привлечь все социалистические партии в новое правительство.

События с февраля по осень 1917 г. в брошюре замалчиваются, и реальной отправной точкой рассказа Троцкого являются последствия Корниловского мятежа. Самому дню 25 октября 1917 г. не придается особого значения, он рассматривается как часть цикла, включавшего неудачные переговоры, которые большевики вели с меньшевиками и социалистами-революционерами после этой даты. Довольно обширный отчет о попытках большевиков сформировать коалиционное правительство был призван показать, что переговоры провалились не из-за отсутствия воли со стороны большевиков, а из-за непримиримости и предательства меньшевиков и эсеров. Троцкий подчеркивает, что партия большевиков получила государственную власть не потому, что она была эффективна в организации вооруженного восстания, а благодаря широкой народной поддержке. Его главный аргумент заключается в том, что большевики пришли бы к власти вполне законно путем выборов, если бы им позволили это сделать их оппоненты. Именно действия последних вынудили большевиков «подвергнуть себя обвинениям в том, что они намеревались сорвать демократический процесс и захватить власть путем восстания» (с. 277).

Брошюра «История русской революции до Брест-Литовска» имела большое политическое значение. По словам Уайта, она «подчеркивает идеологическую важность Октябрьской революции: именно от того, как произошло это событие, зависела легитимность советского режима. Это соображение продолжало действовать на протяжении всей советской эпохи и отличало историю Октябрьской революции от остальной российской истории» (с. 278). В первые годы советской власти этой парадигме написания истории Октября следовало и большинство других ведущих работ. В качестве примера Уайт приводит книгу Д. Рида «Десять дней, которые потрясли мир», опубликованную в 1919 г. Рид, подобно Троцкому, рассматривал события 25 октября как часть «длительного процесса передачи власти советам, а не как решающий день, в который большевики захватили власть». Этот подход подчеркивался и самим названием книги (с. 278).

К 1920 г. ситуация на фронтах Гражданской войны изменилась в пользу Советской России. Большевицкий режим «больше не чувствовал себя в обороне и был готов перенести революцию в Западную Европу». Более того, большевики «верили, что они имеют право на преобладание в Коминтерне, потому что они и

только они доказали, что знают, как совершить успешную революцию» (с. 279). Эти изменения влекли за собой и новую интерпретацию Октябрьской революции: инициатива в Октябре принадлежала не рабочим (на что указывали Троцкий и Рид), а партии большевиков, которая благодаря своему теоретическому и организационному опыту возглавила движение трудящихся, свергла капиталистическую систему и установила диктатуру пролетариата. Фактически она добилась того, к чему стремилась каждая социалистическая партия, и тем самым стала примером для всех. На этом постулате, пишет Уайт, основывалась «ленинская интерпретация Октябрьской революции», доказывавшая, что успех был обусловлен политическим и организационным опытом большевиков. Большевизм заключался в «строжайшей централизации и железной дисциплине», возник на «гранитном теоретическом фундаменте» марксизма и прошел через пятнадцатилетнюю (1903–1917) историю (с. 279).

Уайт подчеркивает, что ленинская интерпретация Октября «не была подкреплена никакими историческими работами, опубликованными к тому времени» (с. 279), но для Ленина было важнее ее обнародование и выведение на официальный уровень. Это видно из дискуссий Ленина с М.Н. Покровским и В.В. Адоратским о создании организации, занимающейся сбором и распространением материалов по истории партии большевиков и Октябрьской революции, чем в итоге стала Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б) (Истпарт). Хотя Покровский считал более правильным рассматривать историю революции отдельно от истории партии, Ленин «настаивал на том, чтобы обе функции были возложены на одну и ту же организацию, таким образом, встроив в саму ее структуру идею о том, что партия большевиков ответственна за успех первой пролетарской революции» (с. 279). Создание Истпарта «привело к выделению области особого идеологического значения и выведению ее из сферы академического исторического изучения», а сотрудники Истпарта «были выбраны не за их историческую ученость, а за их политическую надежность» (с. 277). При этом остальная часть российской истории, включая социальные и экономические условия, приведшие к революции 1917 г., была оставлена для научного исследования.

Интерпретация Октябрьской революции, продвигаемая Истпартом, оправдывала статус большевиков как правящей партии. Из этого следовало, пишет Уайт, что «статус фигур в советском руководстве зависел от роли, которую они сыграли или предположи-

тельно сыграли в Октябрьской революции» (с. 281). Очевидным примером является репутация и образ Троцкого в 1920-е годы: в зависимости от положения во власти и хода развернувшейся политической борьбы его роль эволюционировала от главного организатора до главного препятствия к победе Октября. В сентябре 1924 г., в ответ на нападки «тройки» (Сталин – Каменев – Зиновьев) Троцкий в эссе «Уроки Октября» указал на ошибки, допущенные в 1917 г. его нынешними противниками. Так началась «война компроматов», в итоге обернувшаяся скорее против самого Троцкого. Вступая в исторические диспуты с политическими оппонентами, Лев Давидович первостепенное значение придавал историческим фактам, но недооценивал перспективы влияния Сталина на историописание революции.

В 1922 г. глава Истпарта М.С. Ольминский предложил Троцкому опубликовать перевод его книги о революции 1905 г., которая вышла на немецком языке в 1909 г. Царская Россия в изложении Троцкого представляла экономически отсталой страной, периферией капитализма. Если Покровский считал, что экономическое развитие России шло главным образом за счет внутренних сил и ресурсов, то Троцкий увязывал успехи дореволюционной экономики с количеством иностранных инвестиций. Эта схема «представляла угрозу репутации Покровского как историка, поскольку на протяжении всей своей профессиональной карьеры он выступал против идеи надклассового государства». Более того, «существовала опасность, что при поддержке Истпарта взгляд Троцкого на русскую историю станет программным» (с. 283). Покровский приложил все усилия к тому, чтобы опровергнуть концепцию Троцкого о «надклассовой автократии». Ему было бы труднее добиться этого, если бы не то обстоятельство, что его антитроцкистские статьи стали частью литературной дискуссии, спровоцированной «Уроками Октября» Троцкого, и Покровский был признан победителем в обмене мнениями.

Уайт отмечает, что в 1933 г., когда Троцкий окончил публикацию своей «Истории русской революции», по-прежнему не было исторических работ, где предпринималась бы попытка систематического анализа революции 1917 г. Трехтомная «История» Троцкого – это «работа, которая заполняет пустоту» и предоставляет «отчет об этом решающем периоде мировой истории» (с. 286). Троцкий подчеркивал: то, что он пишет, является не субъективными воспоминаниями, как в «Моей жизни», а объективным историческим исследованием. При написании книги Троцким, по словам

Уайта, двигала «настоящая страсть», а также «желание продолжить кампанию против советского руководства, и особенно против Сталина <...> Троцкий намеревается показать, что он [сам], наряду с Лениным, должен взять на себя ответственность за успех Октябрьской революции; что он лучший ленинец; и что Сталин и остальная часть советского руководства вообще не претендуют на ленинские полномочия. Именно этот аспект книги Троцкого оказал наибольшее влияние на советскую историографию 1917 г.» (с. 287).

«История» Троцкого появилась в то время, когда Сталин был «особенно уязвим». Многочисленные проблемы и трудности при проведении индустриализации и коллективизации, усиление внутрипартийных групп вынуждали его «серьезно отнестись к обвинению в идеологических недостатках, содержащемуся в книге Троцкого <...> Это было значительное произведение высокого литературного достоинства, хорошо подкрепленное документально». Более того, говоря, что Сталин и другие возвратившиеся из Сибири большевики в марте 1917 г. «не шли в ногу с Лениным», Троцкий лишь повторял то, что было сказано в четвертом томе «Истории ВКП(б)» под редакцией Е.М. Ярославского, вышедшем в 1930 г. Этот раздел книги был написан молодым выпускником Института красной профессуры Д.Я. Кином, использовавшим в качестве основного источника воспоминания А.Г. Шляпникова. Уайт предполагает, что книга Троцкого «была бы рецензирована Покровским точно так же, как он рецензировал “Мою жизнь”», но Покровский к тому времени был серьезно болен, у него был рак, и больше не мог писать. В этой ситуации «ответом на историю Троцкого, хотя и непризнанным, стало письмо Сталина в “Пролетарскую революцию” в октябре 1931 г.» (с. 289).

Формально в этом письме Сталин намеревался в первую очередь раскритиковать статью А. Г. Слуцкого «Большевики о немецкой социал-демократии в период ее довоенного кризиса». Слуцкий утверждал, что Ленин недооценил опасность центризма и начал активную кампанию против него только тогда, когда его подтолкнула к этому Роза Люксембург. Это, по мнению Сталина, наводило на мысль, что в довоенный период Ленин еще не был настоящим большевиком и революционером. Сталин не довольствовался непроверяемыми доказательствами, что Слуцкий был неправ; он настаивал на том, что были некоторые аспекты истории партии, не подлежащие обсуждению и проверке историческими документами. Проблема, которую должно было решить письмо в «Пролетарскую революцию», заключалась в том, что обвинения Троцкого

против Сталина были подкреплены документами, мемуарами Шляпникова, а также номерами «Правды», опубликованными до возвращения в Россию Ленина. Сталин намеревался представить дело таким образом, чтобы казалось, будто не Троцкий повторял заявления Ярославского и Шляпникова, а Ярославский и Шляпников повторяли заявления Троцкого. Необходимо было «вывести Троцкого за рамки дозволенного, отказать ему в каких-либо притязаниях на звание социалиста и приравнять его к контрреволюционной буржуазии» (с. 290).

Письмо Сталина в «Пролетарскую революцию» стало «переломным моментом в советской историографии, положившим конец структурам и отношениям 1920-х годов, и проложило путь к появлению “Краткого курса истории ВКП(б)”». При этом подавление дискуссий о книгах Троцкого повлияло и на сталинскую концепцию истории 1917 г. В «Кратком курсе» были, к примеру, приведены данные о сильной зависимости царской России от западного капитала, что «очень приблизило Сталина к позиции Троцкого» (с. 292). В итоге на протяжении последующих тридцати лет интерпретация Троцкого «совпадала с официальной советской доктриной по этому вопросу» (с. 292). Уайт в заключение пишет, что такие совпадения встречались и, более того, были очевидны, однако не изучались не только в СССР (из-за неизбежности упоминания Троцкого), но и в западной исторической науке.

И.К. Богомолов

Дьюкс П.
РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
В «БРИТАНСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»
(Реферат)

Dukes P. The Russian Revolution in The Encyclopaedia Britannica // Revolutionary Russia. – 2021. – N 2. – P. 259–275.

Британский историк Пол Дьюкс в статье в журнале «Revolutionary Russia» обращается к вопросу освещения российской революции в одном из главных справочных изданий XX в. – «Британской энциклопедии» (Encyclopedia Britannica). Анализируя ее разделы о позднеимперской и Советской России, биографиях главных советских политических деятелей, истории Гражданской войны и становления Красной армии, Дьюкс стремится показать, как менялись общие взгляды авторов «Британники» на развитие Европы и европейской цивилизации в контексте Первой мировой войны и революции 1917 г.

Повествование Дьюкса начинается с 1910 г., когда вышло 11-е издание «Британской энциклопедии», где были затронуты в том числе и вопросы развития России. В редакционном предисловии журналист Х. Чисхолм отмечал, что в энциклопедии «во всем преобладает историческая точка зрения», авторы предприняли попытку рассмотреть целый ряд тем в непрерывном развитии, чтобы основные факты вплоть до осени 1910 г. излагались «не просто как изолированные события, но как часть непротиворечивого целого» (цит. по: с. 259). Внутренняя и внешняя политика России, ее география и экономика также были затронуты в издании. В частности, князь П.А. Кропоткин подробно описал географию империи, в то время как Д.М. Маккензи-Уоллес изложил политическую историю вплоть до роспуска II Государственной Думы в 1907 г.

Оксфордский историк У.А. Филлипс рассказал о политических процессах и перестановках в правительстве вплоть до декабря 1909 г., «с некоторым беспокойством, но без тревоги» (с. 260).

Тома «Британники» с 30-го по 32-й были добавлены в 1922 г. и вместе с предыдущими двадцатью девятью составили 12-е издание. Редакторы попытались учесть резко изменившуюся ситуацию и, в частности, составить «новую, самобытную и независимую справочную библиотеку, посвященную событиям и разработкам российской революции в период с 1910 по 1921 г. включительно» (с. 260). Написание статьи о России теперь было доверено историку-эмигранту П.Г. Виноградову. Его рассказ Дьюкс приводит подробно, отражая взгляды историка на политическое развитие России в последнее предреволюционное десятилетие. В истории России 1910–1921 гг., считал Виноградов, «господствовала революция», и все ключевые события, включая Первую мировую войну, следует рассматривать главным образом как прелюдию к «катастрофе». В целом Виноградов «не смог найти ничего, что заслуживало бы положительных комментариев о России 1921 г.», даже учитывая попытки Москвы «восстановить отношения с капиталистическими державами» и «уступки новой экономической политики». По его мнению, падение нравов было «более вредным, чем экономический упадок», т.к. Россия потеряла миллионы эмигрантов, а большевики «отравили основы национальной морали на многие поколения вперед» (с. 263).

Статья в 13-м издании «Британской энциклопедии» (1926 г.), посвященная России, состояла из семи разделов. История «до революции» представляла сокращенную версию раздела, написанного в 12-м издании Виноградовым (новую версию он написать не успел, так как умер в 1925 г.). «Россию после революции» описал А. Рэнсом – журналист и писатель, автор известных книг для детей, а также нескольких работ о событиях в России с 1917 по 1926 г., свидетелем которых стал он сам. Статья Рэнсома была разделена на три периода: с марта 1917 по март 1918 г.; с марта 1918 по март 1921 г.; и с марта 1921 по март 1926 г. Размышляя о Февральской революции, Рэнсом писал: «Казалось бы, успешная революция невозможна до тех пор, пока существующий режим не прогнил насквозь», однако после падения монархии «революция все еще не имела собственного разума и не была уверена в том, что делать со своей победой». В отличие от Виноградова Рэнсом считал, что роспуск Учредительного собрания был неизбежен в силу сложившейся политической ситуации. В то время как эсеры были «мно-

гочисленны, но неорганизованны, разбросаны и пассивны», партия большевиков была «чрезвычайно активна, сравнительно хорошо организована и... занимала все наиболее ценные стратегические позиции, доминировала в городах» (с. 265). Подписание Брест-Литовского мирного договора знаменовало окончание первого периода революции. С марта 1918 по март 1921 г. происходило становление и укрепление советской власти в борьбе с внешними и внутренними врагами. Третий период рассказа Рэнсома, с марта 1921 по март 1926 г., касался главным образом новой экономической политики, автор констатировал постепенное «угасание» революции вместе со стабилизацией нового государственного строя в России. По словам автора, летом 1921 г. «с закрытых магазинов опустились ставни, и за разбитыми и залатанными окнами появились всевозможные тайные магазины <...> Снова богатые люди ездили в такси, в то время как бедные ходили пешком, богатые люди были толстыми, в то время как бедные были худыми» (с. 265). Уже в этом издании энциклопедии упоминается внутривластная борьба 1920-х годов, отмечается возвышение Сталина и потеря Троцким его былого влияния (с. 266).

Большое внимание Дьюкс уделил «контексту» описания российской революции в статьях о политических, экономических, культурных процессах в Европе 1920-х годов. В предисловии к изданию «Британники» 1926 г. редактор Дж. Гарвин заметил: «За пятнадцать лет, частично в результате физического конфликта, беспрецедентного по масштабу, насилию и интенсивности, частично в результате полного и многообразного воздействия факторов, которые начали проявляться еще до войны, произошла всеобщая революция в человеческих делах и человеческом разуме». Поэтому, считал он, «беспристрастный взгляд на русскую революцию еще не может быть сформирован, когда сами русские все еще яростно расходятся во мнениях» (цит. по: с. 266). Великобритания и США также уже не могут, как раньше, оставаться в стороне и смотреть за страстями, бушующими на европейском континенте. Мировая война показала, что страны стали более зависимы друг от друга. Затяжной и разрушительный военный конфликт поставил европейскую цивилизацию на грань катастрофы. В качестве примера этих настроений Дьюкс привел статью об отношениях «англоговорящих народов» с окружающим их миром. Автором ее был Дж.С. Лоу Стрейчи, бывший редактор и владелец британского консервативного журнала «Спектатор» и автор ряда книг, в том числе «Проблемы и опасности социализма». В статье он призывал

защитить европейскую цивилизацию, «которая была создана с таким большим трудом и страданиями, большими надеждами и большими усилиями, чтобы она не пошла по пути Египта и Персии, Афин и Рима, а также сотен благородных рас и могущественных империй». Люди «доброй воли» должны помешать ввергнуть Европу в «длинную серию войн, способных подорвать жизнеспособность белых рас и подвергнуть цивилизованный мир, каким мы его знаем, вторжениям варваров нашей эпохи», под которыми Стрейчи, вероятно, имел в виду большевиков, хоть и не упомянул их (цит. по: с. 267).

О причинах Первой мировой войны и послевоенном восстановлении мира подробно рассказал в своей статье Ж. Кайо, премьер-министр Франции в 1911–1912 гг. По его словам, до 1914 г. он был одним из «пророков катастрофы», предупреждал, что существует «опасность мирового конфликта и что Европа рискует погибнуть во время бури». Обращаясь к тому, что он назвал «Русской катастрофой», Кайо утверждал, что Москва стала ареной борьбы между «европеизмом» и «скифизмом». В любой политической борьбе Запад почти наверняка одержал бы победу, но были большие опасения, что «новый переворот прозвучит последним звонком для нашей цивилизации». Чтобы этого не случилось, «Центральная и Западная Европа» должны полностью восстановить свою экономическую и политическую мощь. При этом Кайо отмечал, что Центральная Европа нестабильна политически и только начинает восстанавливаться экономически, в то время как победившие государства Западной Европы страдают от тех же проблем, что и побежденные, их единственное преимущество заключается в том, что их страдания меньше (с. 271).

Дьюкс также обращает внимание на биографический очерк о Ленине. Автором стал Троцкий, который помимо прочего остановился на особенностях характера «вождя», его повседневных привычках в быту, еде, общении с людьми. Внешность Ленина, по словам Троцкого, «отличалась простотой и силой <...> Простота его литературного и ораторского стиля выражала крайнюю концентрацию его духовных сил, устремленных к единой цели. В личном общении Ленин был уравновешен, вежлив и внимателен, особенно к слабым и угнетенным, а также к детям. Его образ жизни в Кремле мало чем отличался от его жизни эмигранта за границей. Простота его повседневных привычек, его аскетизм в отношении еды, питья, одежды и “благ” жизни в целом в его случае проистекали не из так называемых моральных принципов, а возникли по-

тому, что интеллектуальный труд и напряженная борьба не только поглощали его интересы и страсти, но и придавали ему... удовлетворение, не оставляющее места для дополнительных удовольствий» (цит. по: с. 268).

Статья «Россия» в 13-м издании «Британской энциклопедии» содержала еще несколько более кратких разделов. Полковник британской армии А.П. Уэйвелл, рассуждая о состоянии Красной армии, считал, что большевики в ближайшее время не будут использовать открытые вооруженные интервенции, предпочтут избегать военных конфликтов и добиваться своих целей путем «пропаганды и разжигания внутренних беспорядков» в странах Европы и Азии (с. 268). Рассмотрены также вопросы экономической истории (профессор Л.Н. Юровский), аграрной политики (Д.Г. Горвин), внешние задолженности России (Х.Э. Фиск), развитие русской литературы (Д.С. Мирский). У.Э. Айронсайд подробно рассмотрел ход британской интервенции в годы российской Гражданской войны, а также «русско-польскую кампанию», прославляя польскую победу и восхваляя руководство Польши.

В заключение Дьюкс отмечает что 12-е и 13-е издания «Британской энциклопедии» уделяют значительное внимание истокам и последствиям российской революции. Эти тома «уловили суть потрясений столетней давности, поскольку эволюционный подход, обещанный редактором одиннадцатого издания, был подавлен войной и революцией». Из-за этого некоторые из авторов оказались неспособны объективно анализировать события в России и сохранять обычный для справочных работ нейтральный тон (с. 272).

И.К. Богомолов

В.П. Любин

**Рец. на кн.: XV ПЛЕХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ:
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ
1927–1941 гг.: ПРОБЛЕМЫ, ЦЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТЫ В
ОБЛАСТИ ВНУТРЕННЕГО И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО
КУРСОВ СТРОИТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВА :
материалы международной конференции, 23–25 сентября
2022 г. / под ред. Т. И. Филимоновой. – Санкт-Петербург :
РНБ : Ниц Арт, 2022. – 297 с.**

В сборнике «XV Плехановские чтения» отражена разнообразная тематика, касающаяся истории СССР от конца 1920-х до начала 1940-х годов. Это уже третий сборник, в котором организаторы и участники традиционных международных научных конференций, регулярно с конца 1980-х годов проводимых Домом Плеханова в Санкт-Петербурге (ранее Ленинграде), исследуют ключевые проблемы советского периода истории и дают свои оценки разным сторонам, как его называют некоторые историки, «красного эксперимента» 1917–1991 гг. на территории бывшей Российской империи и в соседних странах Восточной Европы и Азии¹.

Организаторами чтений была поставлена задача: провести серию научно-практических конференций, на которых «на основе конкретно-исторического анализа и с учетом действительного ис-

---

¹ См.: XI Плехановские чтения: Россия в геополитической ситуации 1914–1918 гг. : материалы конференции 30.05–01.06.2014. – Санкт-Петербург : РНБ, 2014. – 114 с.; XIV Плехановские чтения: «...мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»: Советская Россия в 1921–1927 гг. : материалы международной конференции 6–7 ноября 2020 г. – Санкт-Петербург : КультИнформПресс, 2020. – 196 с.

торико-культурного ландшафта времени предполагается рассмотреть три периода развития Советского общества (1921–1991) и сформировавшейся с 1945 г. системы стран социалистического содружества» (с. 4).

В рецензируемой книге представлены тезисы докладов историков, специалистов по проблемам внутренней и внешней политики СССР, рассмотрены социально-философские проблемы развития советского общества. Проанализированы «общетеоретические проблемы социализма и марксизма, теоретические поиски социальных и политико-экономических практик ВКП(б) в процессе социалистического преобразования государства» в конце 1920-х – начале 1940-х годов; внешнеполитическая деятельность руководства СССР (с. 1).

В предисловии руководителя Дома Плеханова Т.И. Филимоновой (благодаря усилиям ее и немногочисленных научных сотрудниц Дома Плеханова уже более 30 лет регулярно проходят высокого уровня международные научные конференции в Санкт-Петербурге, их открытие приурочено к годовщине кончины Плеханова 30 мая 1918 г.)¹ отмечается, что организаторами конференции 2022 г. являются Российская национальная библиотека и сектор философских проблем политики Института философии РАН. Она продолжает серию научных встреч, объединенных в единый цикл тезисом Г.В. Плеханова «социализм как цель есть полное отрицание современного общества. Социализм как движение есть стремление, практическое приближение к этой цели» (с. 4). Эпиграфом к предисловию автор выбрала слова Плеханова: «...экономическая структура общества определяет собою его политический строй и нравственный облик человека» (там же).

Обращаясь к материалам и выводам, представленным в предыдущем сборнике о «красном эксперименте» в СССР, Филимонова пишет: «Новая экономическая политика, ставшая генеральной линией социально-экономического и культурного развития страны в первые последовавшие после Гражданской войны годы, к

---

¹ Автор рецензии начиная с 1990 г. постоянно участвует в научных конференциях в Доме Плеханова, публиковал обзоры на сборники Плехановских чтений в изданиях ИНИОН РАН. В конференциях в Доме Плеханова участвовали научные сотрудники ИНИОНа Б.С. Орлов, Ю.В. Дунаева, внучатый племянник видной деятельницы Коминтерна и Итальянской социалистической партии А.И. Балабановой – капитан второго ранга А.Л. Балабанов, известные зарубежные философы, историки и политологи, среди них Даниэла Стейла (Турин), Хайнц Тиммерман (Кёльн), Роберта Алонци (Сиена).

1926–1927 гг. доказала эффективность предпринятых мер: более чем в три раза ускорился рост индекса промышленного производства, в два раза – сельскохозяйственного производства; существенно расширилось распространение товарно-денежных отношений во всех отраслях, на строительных площадках страны закладывалась базовая промышленность. Главным итогом нэпа стало достижение Россией экономических показателей 1913 г., однако их дальнейшее использование оказалось невозможным как в силу истощенности методов, так и сочетания ряда объективных и субъективных обстоятельств, и не могло обеспечить необходимых темпов роста страны, способных обеспечить ее суверенное развитие. Анализ ситуации, сложившейся в стране к концу двадцатых – началу сороковых годов, системы мер, предпринятых руководством для обеспечения безопасности и поступательного движения страны, представлен в материалах участников конференции, включенных в настоящий сборник» (с. 4–5).

Поскольку на этих чтениях равноправными организаторами выступили как сам Дом Плеханова, так и Институт философии (ИФ) РАН, в значительной части книги отражены взгляды современных российских философов на развитие Советского Союза в 1920–1930-е годы. Большинство участников конференции из ИФ РАН подчеркивают, что события и результаты революции 1917 г. и Гражданской войны 1918–1922 гг. ослабили положение России, а условия Версальского договора и Парижской конференции 1919–1920 гг. поставили страну вне новой системы международных отношений. Так, д.ф.н. В.Н. Шевченко (ИФ РАН) полагает, что центральной в геополитической доктрине Советского Союза в 1920-е годы становится идея «осажденной крепости». Ее константы – национальная безопасность и защита суверенитета с сохранением права на собственный путь развития и опорой на собственные силы, «исторические традиции, достижение высокого уровня автономности экономического развития и технологического суверенитета» (с. 13). Автор приходит к заключению, что «неустойчивое равновесие в отношениях между миром капитализма и СССР закончилось в октябре 1929 г., когда разразился мировой экономический кризис». Он «временно отодвинул угрозу военного вторжения в Советский Союз» и «оказался тем триггером, который сделал практически возможным и необходимым переход к форсированному строительству основ социализма на путях развернутой индустриализации, массовой коллективизации и культурной революции». К 1941 г. были созданы условия для достижения СССР статуса «великой социалистической державы» (с. 18).

Аналогичные проблемы отражены в совместном докладе профессора Ли Янь (КНР) и д.ф.н. В.Г. Букова (ИФ РАН) «Анализ изменений во внутренней и внешней политике Советского Союза в первой половине 1930-х годов» (с. 36–50). В аннотации к докладу отмечается, что в Советском Союзе был взят курс на социалистическую индустриализацию и преобразование сельского хозяйства, т.е. на коллективизацию. Это было обусловлено внутренними и внешними причинами. «Выдающийся вклад в модернизацию Советского Союза внес И.В. Сталин» (с. 36). И поясняется: «В первой половине 1930-х годов руководство Советского Союза внесло серьезные коррективы в свою внутреннюю и внешнюю политику, осуществило серьезные преобразования во всех сферах экономики, политики, идеологии и культуры, военном деле и дипломатии. Это была “великая революция”, которая явилась политическим ответом ВКП(б) на изменения внутренней и внешней ситуации, и одновременно опыт социалистической модернизации. Поэтому, оценивая сегодня историческую роль И.В. Сталина, нельзя из-за допущенных им политических ошибок отрицать его вклад в этот процесс» (с. 36). Авторы подкрепляют свои выводы многочисленными ссылками на архивные материалы и монографии по данной тематике российских, китайских, американских и других ученых.

Оправданность стремления СССР к установлению военно-политического контроля над ранее принадлежавшими ему территориями, являвшимися жизненно важными для существования и развития государства в создавшихся условиях, рассмотрена в статье научных сотрудников кишиневского Института социально-политических исследований В.М. Абрамчук и В.М. Крылова (с. 73–80). Эта тематика продолжена в работе к.и.н. Д.В. Родина «Политика “нейтрализации” периметра советских границ как антитеза “политике Локарно” во второй половине 1920-х годов» (с. 81–88) и к.э.н. Л.И. Розановой «Трансформации геополитики в предшествующий II мировой войне период: от сотрудничества к военному противостоянию» (с. 89–95).

В докладе д.и.н. В.И. Фокина (с. 23–35) подчеркнута роль культурной дипломатии СССР в разворачивании общественного диалога представителей культуры многих стран мира, вовлечении в этот диалог советской творческой общественности. Она способствовала укреплению международных позиций страны, предотвращению новой войны в Европе и агрессии против СССР. Культурная дипломатия была направлена на развитие науки и культуры в СССР с целью проведения индустриализации, способствовала

тому, что удалось не допустить единого антисоветского фронта и подготовить условия для создания антифашистской коалиции в годы Второй мировой войны.

Работа д.и.н. А.А. Чернобаева посвящена двум деятелям российской и советской исторической науки – Д.М. Петрушевскому и М.Н. Покровскому, которые внесли ощутимый вклад в ее развитие на начальном этапе существования СССР. По мнению автора, «пяtitомная “Русская история с древнейших времен” Покровского навсегда вошла в историю отечественной исторической мысли, является вершиной его творчества. Проанализировав ее сильные и слабые стороны, М.В. Нечкина в 1922 г. сделала вывод, с которым следует согласиться и сегодня: этот труд “представляет собой крупный вклад в науку... Грядущий исследователь русской истории... обязательно пройдет через изучение работы М.Н. Покровского. Можно с ней не соглашаться, но нельзя её обойти”» (с. 57).

Доклад к.ф.н. А.С. Лагурева «Отрицание отрицания: Мих. Лифшиц и культурный поворот тридцатых годов» дополняет эту линию конференции по изучению становления советской науки в 1920–1930-е годы. Характеризуются философские подходы М. Лифшица в 1930-е годы. Обращаясь ныне к наследию тридцатых годов, мы часто слышим, что лицом этого десятилетия, разворачивавшегося тогда масштабного культурного поворота, был сталинизм – репрессии, бюрократизация, консервирование культуры, что двадцатые годы были подлинным наследником революции, пишет Лагурев. Но «это расхожее представление гораздо больше говорит нам о дне сегодняшнем, чем о той эпохе. Законы всемирной истории суровы: отрицая лучшее в прошлом, мы способствуем утверждению худшего в настоящем, не желая видеть лучшее в тридцатых, отрицая его, мы невольно способствуем пробуждению действительно жутких явлений тех лет, но уже в иной форме. Конечно, эта видимость, как отмечал еще Гегель, тоже входит в состав действительности, она – следствие утраченных в результате краха Советского Союза и многолетнего бессилия левого движения иллюзий. Но, как говорил Мих. Лифшиц, “нужно утратить утраченные иллюзии”» (с. 72). Жаль, что, остановившись именно на этом периоде, автор не говорит, хотя бы кратко, о дальнейшей эволюции взглядов философа и его творческих контактах и совместных новаторских идеях с выдающимся марксистом XX в. Г. Лукачем, а также о его сложных отношениях с А.И. Солженицыным – похвалу в рецензиях для «Нового мира» некоторых произведений писателя и в ответ получение от него ярлыка «ископаемого марксиста»

догматика». Остается пожелать, чтобы это было сказано Лагуревым в последующем авторском докладе на следующих Плехановских чтениях.

В известном смысле поднятые Лагуревым вопросы продолжил рассматривать к.ф.н., д.иск. В.Г. Арсланов в своей работе «М. Лифшиц, И. Сац и А. Платонов о советской культуре и теории искусства 1920–1930-х годов». М. Лифшиц предстает здесь больше в роли специалиста по эстетике, анализируется переключка его взглядов с взглядами на роль искусства и литературы И. Сац и писателя А. Платонова. Автор приходит к выводу: «В 1991 г. российское население оказалось не готовым противостоять буржуазным и мелкобуржуазным ценностям, его соблазнил западный потребительский рай. В результате практически все народы бывшего СССР оказались люмпенизированными, стали легкой добычей собственных скрытых и давно, кажется, побежденных пороков: национализма и великодержавного шовинизма» (с. 235). Не слишком уместным, на наш взгляд, является включение в заголовок статьи имени И.А. Саца, секретаря А.В. Луначарского и друга А. Платонова, участника двух мировых войн, так как в тексте ему уделен лишь один абзац, да и то лишь со ссылкой на беседы с ним, приводимые в книге западного советолога Ш. Фицпатрик¹.

К.и.н. Т.И. Филимонова поднимает вопрос об актуальности идей Г.В. Плеханова, ее статья так и озаглавлена: «Почему большевики настаивали на необходимости изучать, именно изучать все написанное Г.В. Плехановым по философии». Автор объясняет, почему по окончании Гражданской войны В.И. Ленин выступил не только со ставшим знаменитым признанием о «коренном пересмотре взглядов на социализм», но и заявил о необходимости изучать все написанное Плехановым по истории философии – истории становления Человека. «Коренные» изменения не касались пересмотра стратегических задач: и Ленин, и Плеханов позиционировали себя и друг друга в качестве марксистов. Со стороны Ленина признание свидетельствовало об эволюции представлений о тактике движения к стратегической цели, позволяющей «выяснить себе все задачи, все условия» движения к социализму и учитывающей особенности исторически сложившихся форм социальной жизни общества (культуры) и сложности выработки

---

¹ *Fitzpatrick Sh. A spy in the archives: a memoir of Cold War Russia.* – London ; New York : I. B. Tauris, 2014. – 352 p.

политики, способной изменить укоренившиеся веками нравы и привычки (с. 11).

Наибольшее количество представленных материалов связано с анализом путей и методов внутривнутриполитического курса на социалистические преобразования в стране – по сути, на осуществление культурной революции, «великой революции», какой она предстает в исторической ретроспективе, отмечается в предисловии Филимоновой (с. 8).

Практическая экономическая и кадровая политика конца 1920-х и 1930-х годов рассматривается в работах к.и.н. В.А. Поповича «Состояние и укрепление Вооруженных сил СССР. Военно-техническое и кадровое обеспечение РККА и РККФ в 1929–1941 гг.», д.и.н. В.В. Калашникова «Первая пятилетка: задачи, проблемы, итоги (тезисы)», к.ф.н. О.А. Ефремова «Советский Союз 20–30-х гг. в контексте отечественной модернизации», к.э.н. Н.Н. Скороход «Особенности многоукладности смешанной экономики и развитие социалистического уклада в 30-е годы XX века в Советском Союзе», к.геогр.н. И.В. Пилипенко «Дискуссия о товарном рубле и специфика денежно-кредитной системы СССР в 1920–1930-х гг. как основы индустриализации страны», к.ф.н. З.И. Назарова «Некоторые вопросы индустриализации и коллективизации в речах и статьях И.В. Сталина», д.соц.н. Г.А. Цветковой «О формах и методах вовлечения народных масс в управление в условиях социалистической трансформации Советского государства», к.и.н. С.С. Войтикова «“Дело М.М. Лашевича” – пролог внутривнутриполитических событий тридцатых годов».

Ряд авторов анализируют противоречивые аспекты взаимоотношений СССР и отдельных стран Европы во второй половине 1920-х и в 1930-е годы. Сжатый обзор их работ дан Т.И. Филимоновой в предисловии, воспроизводим его далее в сокращенном виде. В центре внимания д.и.н. Н.Н. Станкова находится история неофициальных переговоров 1926–1928 гг., проведенных полпредами СССР и Югославии, на которых обсуждались вопросы признания СССР и установления дипломатических отношений. Предпринимается попытка выявить причины, препятствовавшие их успеху (с. 165–174). Д.и.н. Р.В. Костюк и к.и.н. Д.В. Родин, анализируя стремление СССР к заключению двусторонних соглашений о нейтралитете и ненападении с соседними государствами, указывают на значимость европейских стран для внешней политики Москвы. Среди них были Чехословакия, балтийские государства, Финляндия, Югославия и Румыния, а также нацистская Германия

и ведущие западные демократии. Даже ограниченные успехи советской дипломатии и подписание договоров с Турцией, Германией и Литвой позволили нейтрализовать угрозу создания региональных объединений антисоветской направленности и укрепили позиции СССР на международной арене. Договоренности приобретали особую значимость в связи с развернувшимся в 1927 г. военно-дипломатическим кризисом англо-советских отношений, способным привести к полномасштабной войне СССР с Британией и Польшей (с. 81–88, 199–205). В статье к.э.н. Л.И. Розановой уделено внимание проблемам развития внешнеэкономического сотрудничества. Сопоставляя предвоенные периоды с сегодняшней ситуацией масштабной торговой войны против России, автор приходит к выводу о необходимости урегулирования политических разногласий дипломатическими средствами ради устойчивого развития торгово-экономического сотрудничества. Мобилизация внутренних ресурсов становится импульсом для динамичного развития и выхода на мировой рынок (с. 81–88). Анализ военно-политического и социально-экономического развития СССР французскими официальными лицами, в том числе французской военной разведкой, приведен в работе к.и.н. И.Э. Магадеева. Перспективы развития страны внушали тревогу официальным лицам Франции, что стимулировало определенное сближение в отношениях с Москвой (с. 192–199).

В работах PhD Р. Алонци «Италия и СССР в 1939–1941 гг.: провал попытки заключения договора» (с. 165–182) и д.и.н. В.П. Любина «Роль Италии в мюнхенском сговоре 1938 г. в отражении советской дипломатии» (с. 183–191) рассмотрены вопросы установления фашистской власти в Германии и Италии, исследована роль, которую Франция, Англия, Италия и Германия сыграли в Мюнхенском соглашении. Особое внимание В.П. Любин уделил вкладу Италии в расчленение Чехословакии. Что касается оценки Мюнхенского соглашения его участниками, пишет автор, то, отражая общее мнение западных лидеров, английский премьер-министр Н. Чемберлен прямо заявлял, что «единственный способ нейтрализовать Германию – это столкнуть ее с СССР» (с. 189). Антисоветская направленность соглашения четырех держав в Мюнхене вызвала удовлетворение Муссолини. На деле «единственным непреодолимым препятствием на пути данной агрессии блока подмятых под себя Германией многих государств Европы стал Советский Союз, нанесший в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. сокрушительное поражение нацистской Гер-

мании, а также всем ее союзникам, включая фашистскую Италию. Фашистский режим в стране пал в июле 1943 г. Возникшая после него на севере страны, контролировавшемся немецкими войсками, фашистская республика Сало прекратила свое существование под ударами партизанского движения Сопротивления в апреле 1945 г., фашистский диктатор был казнен партизанами» (с. 190). Р. Алонци, базируясь на дипломатических документах, освещает предысторию переговоров 1939–1941 гг. между Италией и СССР и высказывает предположение, что существовала возможность заключения политического соглашения между двумя странами. Делается вывод, что «неудача переговоров по заключению политического соглашения СССР с Италией, аналогичного советско-германскому пакту о ненападении и советско-японскому договору о нейтралитете, сыграла свою роль в начале Второй мировой войны» (с. 182).

К.ф.н. Р.С. Осин анализирует условия возникновения и классовую природу фашизма, его оценку Г. Димитровым, исследует исторический опыт борьбы с фашизмом народных фронтов и движения Сопротивления в оккупированных странах. Проанализированы решения VII Конгресса Коминтерна и выработанная им тактика народных фронтов. Опыт организации народных фронтов явился порождением исключительных условий наличия в мире социалистического государства (с. 206–217). Историко-философский анализ подписанного 23 августа 1939 г. Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом проведен в работе к.э.н. С.З. Гафурова. Как считает автор, этот договор, взятый в контексте состоявшихся в реальной истории событий и потенциально возможного их развития, был крупнейшим успехом советской внешней политики. Он не только полностью ликвидировал угрозу вероятной (заведомо, по мнению многих советских военных руководителей, грозящей проигрышем) войны союза СССР, Монголии и Тувы против коалиции Польши, Германии и Японии. В Токио подписание Договора привело к политическому кризису, смене правительства и отказу от дальнейшей агрессии в северном направлении, и это в условиях, когда контрнаступление РККА на Халхин-Голе началось только в 20-х числах августа 1939 г., практически одновременно с подписанием Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом. Заключение советско-германского договора сильно пошатнуло позиции той части японской элиты, что делала ставку на агрессию против СССР в союзе с Германией. Японцы сочли себя обманутыми и в конечном счете заключили с СССР пакт о нейтралитете, предпочтя выступить против Англии и США

(с. 218–228). Проблемы состояния и укрепления Вооруженных сил СССР, военно-технического и кадрового обеспечения РККА и РККФ в 1929–1941 гг. рассмотрены в докладе к.и.н. В.А. Поповича. В эти годы армия и флот прошли сложный путь становления, решались вопросы модернизации материального обеспечения армии, подбора, расстановки и обучения кадров рядового и командного состава. Особое внимание уделено анализу причин и последствий предпринятых в предвоенные годы репрессий, их влиянию на катастрофические для советских войск итоги начального периода Великой Отечественной войны (с. 96–102).

В блоке статей, посвященных культурному повороту 1920–1930-х годов, помещена статья доцента Д.К. Квинтерна (Стамбул) на английском языке о творчестве художника, философа, архитектора, дизайнера и педагога Ф. Фогелера на примере его работ, созданных во время пребывания в Средней Азии и Карелии (с. 237–243). К.и.н. В.В. Кнорринг рассматривает творчество ряда еврейско-американских художников, в чьих работах важное место занимала политическая тематика. По мнению автора, книжная графика мастеров нередко носила агитационно-пропагандистский характер, представляя собой неявный, но все же весомый фактор идеологической поддержки Советского Союза, обеспечивая сочувствие и симпатии со стороны трудящихся Соединенных Штатов Америки (с. 244–249). Д.ф.н. М.Б. Конашев анализирует развитие евгеники в 1920–1930-е годы. В этот период она пользовалась популярностью в США и особенно в нацистской Германии, но в СССР она так и не стала частью государственной политики (с. 250–261). Процесс формирования высшего педагогического образования для национальных меньшинств Советской России, развернувшийся в первые послереволюционные десятилетия, анализируется в статье к.и.н. И.А. Лапиной. Отмечается, что создание школ с обучением на родном языке и подготовка учителей для этих школ в 1920–1930-х годах, вероятно, явились наиболее успешным элементом реализации всей концепции этно-национальной политики государства в ее гуманистическом аспекте (с. 262–270). В материале, представленном к.пед.н. К.В. Романенчук, освещена роль одного из крупных организаторов и теоретиков советской школы Р.Г. Лемберг, стоявшей у истоков формирования советской системы образования. Более полувека, с 1919 по 1975 г., Лемберг занималась педагогическим образованием. В сфере ее научных интересов – развитие школ рабочей молодежи, летних школ и клубов для школьников, подготовка учителей (с. 271–274). Статья к.полит.н.

Т.Е. Апанасенко посвящена «факторам преимущества модернизации советского типа и их осмыслению как доказательству несостоятельности буржуазной политической науки» (с. 275–286). Завершает сборник статья д.соц.н. Г.С. Широкаловой «Идеалы поколения “дедов”. Насколько они близки современным студентам?», в которой автор предлагает методику латентного анализа преемственности современным студенчеством идеалов предыдущих поколений через «машину времени». Подводя итог анализу одного из аспектов изучения преемственности идеологических убеждений современных студентов, автор приходит к выводу, что качественное изменение условий бытия сформировало потребность в новом укладе жизни, в котором самореализация в работе обеспечивает удовлетворение не только базовых, но и высших потребностей (с. 287–296). В конце книги дан список авторов с указанием их научных степеней и места нынешней работы (с. 297–298).

Как видим, в книге собраны работы представителей самых разных общественных и гуманитарных наук. Опубликованные исследования отличаются междисциплинарными подходами. В целом, хотя сборник и распадается на части, иногда слабо связанные между собой, сочетание работ ученых из разных мест, разных академических институтов и университетов позволяет сложить из предложенной мозаики всестороннюю картину жизни советского общества и государства 1920–1930-х годов, когда был построен тот прочный фундамент, который позволил Советскому Союзу одержать победу в Великой Отечественной войне и развиваться в последующий период. Предложенные авторские подходы органичны и отличаются оригинальностью. Попытка организаторов конференции осветить и проанализировать многие интересные проблемы в предлагаемой серии исследований советского «красного эксперимента», проводившегося в 1917–1991 гг., оказалась удачной.

А.В. Апанасенок

КАК БЕЗБОЖИЕ ПОПЫТАЛОСЬ СТАТЬ РЕЛИГИЕЙ

Рец. на кн.: *Смолкин В.* Свято место пусто не бывает: история советского атеизма / пер. с англ. О.Б. Леонтьевой ; науч. ред. М.Ю. Смирнов. – Москва : Новое литературное обозрение, 2021. – 548 с.: ил. – (Studia religiosa).

«Страх смерти велик, он объединяет всех живущих. Но людей еще больше объединяет гордость своей честью и правотой. Много, очень многое для нас важнее, чем существование»¹. «Вся Вселенная – во мне! [...] Я – зеркало мира, задумайтесь над этим. Да, вещественно я ничтожная часть Вселенной, но духовно, но мыслью равен ей всей, ибо столь же бесконечен, столь же неисчерпаем, как и она [...] В каждом из нас – вся Вселенная, ибо каждый – понимание Вселенной, ее собственное самопонимание... В любом живом индивидууме Вселенная воссоздает всю себя: мы – образ ее целостности, мы – самопознание ее во всей ее широте, во всей ее глубине! Мы – развитие мира, прорыв его инерции [...] Говорю вам: мы – будущее мира»².

Приведенные цитаты вполне могли бы принадлежать кому-то из ярких представителей русского космизма конца XIX в. или современному проповеднику религии New Age. Однако они вышли из-под пера советского писателя-атеиста Сергея Снегова, в 1966–1977 гг. создавшего едва ли не самое увлекательное научно-фантастическое произведение советской эпохи в жанре «космической оперы» с характерным названием «Люди как боги». В отли-

---

¹ *Снегов С.* Люди как боги. – Москва : Эксмо, 2010. – С. 328.

² Там же. – С. 721.

чие от своих западных коллег, Снегов не просто написал интересный роман о будущем (впоследствии удостоенный престижных литературных премий и переведенный на несколько языков), в котором человечество, покоряя Вселенную, управляет пространством и временем. Он постарался убедить своего читателя, что в жизни человека есть великий (и даже священный) смысл, никак не связанный с традиционными религиозными представлениями. Отказавшись от идеи Бога, человек имеет право надеяться, что в будущем сам станет подобным Богу.

Трудно сказать, была ли знакома с произведением Снегова автор монографии «Свято место пусто не бывает: история советского атеизма» доцент Уэслианского университета (Мидлтаун, США) Виктория Смолкин к моменту подготовки своего труда. Впрочем, о высокой космической миссии человечества, грядущей победе идеалов справедливости и прогресса в метафизических категориях рассуждали многие советские интеллектуалы (пусть и далеко не всегда так ярко, как автор романа «Люди как боги»), и об этом Смолкин знает очень хорошо. Произведения искусства, научно-популярная, учебная и художественная литература, выпуски радио- и телепередач эпохи развитого социализма демонстрируют, что «созревший» в СССР атеизм был не просто отказом от «изжившего» себя религиозного мировоззрения. Одновременно он стал попыткой сформировать новую систему идеалов и ценностей в советском обществе. Собственно, этот тезис оказался в значительной степени основополагающим для монографии американской исследовательницы, изданной в 2018 г. на английском языке, а в 2021 г. – на русском.

Чтобы оценить значимость появления труда Смолкин для научного осмысления особенностей духовной (да и политической) истории СССР, необходимо иметь в виду следующие обстоятельства. Во-первых, атеизм, выступавший одним из краеугольных камней коммунистической идеологии, долгое время рассматривался исследователями преимущественно как некая разрушительная сила, направленная на уничтожение (либо ограничение) господствовавших в отечественном социуме религиозных мировоззренческих установок и сопряженных с ними конфессиональных практик. Чаще всего идеология безбожия представлялась как обоснование насилия, инструмент борьбы с теми явлениями и людьми, которые духовно не вписались в предложенную большевиками картину будущего мира (этот подход сформировался в середине XX в. в западной историографии, в российскую науку «перекочевал» в кон-

це того же столетия). Порой атеизм воспринимался как фундамент «коммунистической утопии» либо как радикальное средство для проведения необходимой обществу секуляризации, но и в этих случаях он оценивался исследователями как разрушение ради будущего созидания. Во-вторых, исследователи советского атеизма (как иностранные, так и отечественные), как правило, концентрировали свое внимание на отдельных периодах советской истории. Чаще всего это были либо 1920–1930-е годы, ознаменовавшиеся расцветом «воинствующего» атеизма, либо период хрущевской антирелигиозной кампании, призванной «очистить» духовную жизнь советских граждан от «пережитков» и ускорить наступление коммунизма.

Труд Смолкин демонстрирует отход от обеих традиций. Это первое исследование, охватывающее историю советского безбожия на максимально широком хронологическом отрезке, начиная с момента прихода к власти большевиков в 1917 г. и заканчивая крушением СССР в 1991 г. При этом «разрушительный» потенциал этого явления не является здесь главным предметом исследования. Опираясь на обширную источниковую базу (при работе над книгой были использованы документы четырнадцати архивов, материалы Государственного музея истории религии, многочисленные периодические издания СССР, а также записанные автором интервью), Смолкин показывает эволюцию атеизма от грубого отрицания религиозных «пережитков» до альтернативной космологии с собственным набором убеждений, духовных обязательств и специфических практик. Параллельно исследовательница демонстрирует связь этой эволюции с особенностями религиозной жизни в Советском Союзе, колебаниями политического курса КПСС и трансформацией коммунистической идеологии.

Изданная в 2021 г. монография включает предисловие к русскому изданию, вводную часть, семь глав, заключение. Разделенные на параграфы главы расположены в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. Две первые («Религиозный фронт: воинствующий атеизм при Ленине и Сталине», «Призрак бродит в царстве коммунизма: антирелигиозные кампании при Хрущеве») во многом созвучны устоявшемуся в западной и постсоветской науке пониманию советского атеизма как деструктивной идеологии. Фокус внимания автора здесь сосредоточен прежде всего на попытках КПСС и сросшейся с партийными органами власти избавиться «страну Советов» от старых, конфессионально обусловленных форм мировоззрения и быта. Впрочем, читателю предлагается не банальная история гонений на верующих, а анализ развития

партийных представлений о том «вреде», который несет для социалистического общества религия, и о том, как можно изжить последнюю. Однако уже с третьей главы («Космическое просвещение: советский атеизм как наука») Смолкин показывает попытки отечественных интеллектуалов превратить примитивное безбожие в теорию, наполненную позитивным, жизнеутверждающим смыслом. Здесь анализируется формирование в СССР 1960-х годов идеалов освоения Вселенной (столь явно выраженных в художественной книге, цитатами из которой начата данная рецензия), а также становление культа космонавтики и космонавтов – новых «подвижников» и новых «святых». В четвертой главе («Путь в душу советского человека: мировоззренческое содержание советского атеизма») автор исследует попытки идеологов позднесоветского периода выстроить стройную систему научных взглядов на мир, усвоение которой избавило бы граждан от необходимости обращаться с вопросами к священникам. В пятой главе («Нужно изучить, где потеряли человека: советский атеизм как общественная наука») разбираются вопросы становления научного атеизма как дисциплины, призванной исследовать духовную жизнь советских граждан и формировать ориентиры для последней. Шестая глава («Коммунистическая партия между государством и церковью: советский атеизм и социалистические обряды») посвящена активному внедрению в отечественный быт нерелигиозных ритуалов, связанных с рождением, бракосочетанием и смертью. В последней, седьмой главе («Социалистический образ жизни: советский атеизм и духовная культура»), Смолкин повествует о неудавшихся усилиях ученых-атеистов создать в теории и на практике эффективный алгоритм формирования сознательной советской личности, освоившей научную картину мира, искренне исповедующей высокие социальные идеалы и при этом далекой от потребительства.

Говоря о направлении авторского взгляда, надо отметить, что в сфере внимания Смолкин чаще всего оказываются советские учреждения образования, науки и культуры, которые занимались как теоретической, так и практической атеистической работой. Значительное внимание исследовательница уделяет изучению «атеистического аппарата» СССР, преимущественно «людей середины» (с. 22), то есть тех, кто реализовывал установки высшего партийного руководства: проводил социологические исследования, писал статьи и брошюры, готовил кадры. Автора интересуют воспитание и уровень образования таких людей, их мотивация, жизненный опыт, степень искренности. Вероятно, даже сами по

себе характеристики «штатных атеистов» (чаще всего представленных в монографии сотрудниками Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС), имеющиеся в книге, стали бы ценным вкладом в социальную историю Советского Союза. Однако Смолкин преследует более амбициозную цель: она стремится принципиально понять, какую роль играл атеизм в жизни советской цивилизации и чем была обусловлена его эволюция.

Отвечая на указанные вопросы, исследовательница из Уэслианского университета предлагает читателю следующие тезисы. Советское безбожие некорректно описывать как явление, обладающее раз и навсегда заданными идейными и институциональными характеристиками. С точки зрения своих социальных проекций «коммунистический» атеизм менялся ситуативно, выступая и как оправдание насилия, и как элемент культурной революции, и как движущая сила секуляризма. При этом с течением времени он становился все менее «воинствующим», постепенно накапливая запас собственных «конструктивных» идей. Подобно религии атеизм стал претендовать на «упорядочивание», объяснение мира в глазах вчерашних верующих (отсюда, кстати, и первая часть названия книги – «Свято место пусто не бывает...»). Наконец, еще одна важная особенность атеистической идеологии была связана с тем, что она воплощала политический «заказ» власти, нуждавшейся в сохранении легитимности. Этот «заказ» менялся в зависимости от социально-политической обстановки, поэтому корректировались (подчас очень серьезно) теория и практика атеизма. Последний стал не просто идеологическим, но политико-идеологическим проектом, реализация которого оказалась связана, в том числе, с борьбой за власть и удержанием власти.

Смолкин доказывает, что атеизм – конструктивный, а, возможно, и центральный элемент официальной советской картины мира, а его история в революционной России и СССР – процесс поиска правящей партией путей «к сознанию, сердцам и душам» граждан в целях обеспечения своей легитимности (с. 69). На первом этапе – в раннесоветский период – атеизм был предложен населению как идеология разрушения «старого мира», основой которого служила религия. В таком качестве он освобождал путь культурным новшествам и легитимизировал насилие (либо ограничения) в отношении церкви и тех ее сторонников, чья политическая лояльность и готовность принять «новый мир» вызывали сомнения. В позднесталинское и особенно хрущевское время (второй период развития атеизма) миссия идеологии безбожия поме-

нялась: церковь уже не была политической проблемой для власти, подавляющее большинство верующих стало вполне лояльным, однако необходимость строительства коммунизма потребовала воспитания людей, мыслящих по-коммунистически. Именно в этот момент атеизм становится «научным», а штатные атеисты поневоле оказываются «опекунами душ» советских граждан (с. 68). От них потребовалось создать систему позитивных убеждений и мировоззренческих ориентиров, дать ответы на трудные вопросы, которые традиционно относились к «компетенции» религии. Как пишет автор, «атеизм стал полем битвы, на котором советская коммунистическая идеология столкнулась с экзистенциальными проблемами, составляющими саму суть человеческого бытия: с проблемой смысла жизни и смерти» (с. 69).

Впрочем, смещение противостояния из сферы политики в сферу идеологии не дало решающего импульса для победы «нового» над «старым». Идеалы беззаветного служения социальному и научному прогрессу, необходимость жертвовать частным во имя коллективного, отказ от надежды на индивидуальное бессмертие с мыслью о бессмертии человечества в целом – все это оказывалось слишком абстрактным, чтобы стать основой мировоззрения и повседневной деятельности рядового гражданина.

На брежневский период пришелся третий этап противостояния «коммунистического безбожия» культуре «уходящего мира», где, по мысли Смолкин, борьба с «пережитками» преимущественно велась в сфере, максимально приближенной к частной жизни, – на уровне эстетики и норм быта. В это время КПСС старается влиять на искусство, активно внедряет в частную жизнь советские «обряды», сопровождающие все важные моменты жизни человека с рождения и до смерти. Как замечает автор, главный локус атеистической работы, изначально находившийся в закрываемой церкви, а затем сместившийся в лекционную аудиторию и планетарий, теперь оказался во дворце бракосочетания (с. 492). Впрочем, борьбу «за души» партия не смогла решительно выиграть и здесь, а потому во второй половине 1980-х годов отбросила атеизм как не оправдавший надежд инструмент укрепления своего влияния (с. 501).

Таким образом, история советского «безбожия» у Виктории Смолкин – это история того, как партия постепенно осознала необходимость превратить идеологию в религию, как грубое отрицание традиционных вероисповеданий под влиянием текущих политических задач КПСС постепенно превращалось в новую

коммунистическую веру, располагавшую собственной космологией, этикой, эстетикой и системой обрядов. Попытка «безбожия» стать религией не удалась: позитивные атеистические убеждения не заполнили желанного сакрального пространства, что обусловило постепенное разочарование советских граждан в коммунистической идее и незавершенность советского проекта.

Стоит отметить, что книга написана хорошим литературным языком (тут, впрочем, нужно сказать спасибо за профессиональную работу и переводчику О.Б. Леонтьевой). Автор использует множество красочных метафор и неожиданных сравнений, не скупится на колоритные цитаты из источников. В силу этих обстоятельств значительный объем монографии не является препятствием для ее относительно быстрого прочтения.

Чего нет в книге из того, что исследователь духовной жизни в СССР, возможно, хотел бы здесь увидеть? Пожалуй, работу украсил бы сравнительный анализ организации и успешности атеистической работы в разных союзных республиках, отличавшихся друг от друга как по конфессиональному составу, так и по уровню наблюдаемой конфессиональной активности населения. Органично в книге смотрелись бы сюжеты о деятельности низшего звена проводников коммунистического «безбожия» – провинциальных лекторов, мелких партийных функционеров, военнослужащих, отвечавших за «атеистический фронт» в своих частях. Однако ставить в вину автору отсутствие такого рода разделов вряд ли правильно: невозможно объять необъятное, читателю и без того предложено 548 страниц весьма содержательного текста. Широта и новизна поднятых здесь вопросов, а также качество их анализа дают возможность считать труд Виктории Смолкин одной из наиболее фундаментальных работ в области советской идеологии, вышедших в последнее десятилетие.

Баттис М.
НА ОБЩЕЙ ПОЧВЕ:
СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
И АВСТРОМАРКСИСТСКИЙ ЗАМЫСЕЛ
(Реферат)

Battis M. On common ground: Soviet nationalities policy and the Austro-Marxist premise // *Europe-Asia Studies.* – 2013. – DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2023.2272584>.

М. Баттис (Институт восточноевропейской истории, Венский университет) анализирует позиции И.В. Сталина и австромарксистов по вопросу национальной политики. Благодаря внимательному прочтению автором переписки между студентом Института красной профессуры В.Я. Касаткиным и Сталиным в 1929 г. (опубликована в 2005 г.) эта статья раскрывает концептуальную общность между советским и австромарксистским подходами к «примирению национальной автономии с имперской целостностью» (с. 2). Большевики в значительной степени отвергли австромарксистскую идею нетерриториальной или национально-культурной автономии, выбрав вместо этого то, что Р.Г. Суни описал как «территориализацию этнической принадлежности». Но это не помешало им претворить в жизнь то, что до сих пор было австромарксистской теорией: социалистическое многонациональное государство, которое стремилось обуздать националистический сепаратизм, активно продвигая национальную культуру как благо, и делало это «не извиняющимся образом и временно, а из принципа» (с. 3). В центре внимания автора – вопрос о том, повлияли ли австромарксистские идеи о национальном многообразии в социалистическом государстве на советскую национальную политику.

17 января 1929 г. В. Я. Касаткин, студент Московского института красной профессуры, отправил письмо И.В. Сталину. У него было много вопросов к генеральному секретарю: как концептуализировать государственность? Когда возникли нации и как долго они будут существовать? Если нации и национальные языки являются продуктом капиталистического прошлого, могут ли они стать частью социалистического будущего? Касаткин сравнил неспособность Сталина связать вопрос о нации с вопросом о государстве с австромарксистским пониманием нации как культурной сущности, отдельной от территориального государства.

Отвечая Касаткину, Сталин противопоставил «политике поддержки и покровительства национальных культур» советского государства ошибочность «оттобауэровщины» – отсылка к австромарксисту О. Бауэру, в чьей книге 1907 г. «Вопрос о национальностях и социал-демократии» предполагалось, что Австрия Габсбургов превратится в социалистическое и многонациональное государство, где национальные культуры будут процветать, а не увядать. Приверженность советского государства национальному разнообразию и культуре, конечно, была широко признана, и Ю. Слезкин даже назвал ее «хронической этнофилией» (цит. по: с. 3). Однако гораздо менее известно, что это обязательство опиралось на австромарксистские идеи. Г. Симон еще в 1986 г. отметил, что введение Сталиным концепции социалистических наций «приблизилось к австромарксизму, против которого он так решительно боролся в 1913 г.» (цит. по: с. 3). Но, подчеркивает Баттис, именно хорошо известное неприятие Сталиным и Лениным австромарксистских идей затмевает «влияние этих идей на идеологию ... помогавшую оправдать советскую приверженность национальному разнообразию и культуре» (с. 3). Намек на это влияние содержится в признании Т. Мартина, что Австрия времен Габсбургов «стала пионером многих стратегий, позже принятых Советским Союзом» (цит. по: с. 3). В то же время А. Халид и Д. Смит утверждали, что решающим элементом здесь была не позиция Сталина в отношении государственности, четкая национальная политика или вклад советских политиков и этнографов, а «способность местных элит вести переговоры по поводу своей национальной принадлежности» (с. 4).

Учитывая, что разделение нации и государства было отличительной чертой австромарксистской концепции национальной автономии и государственности, аргументация Касаткина вряд ли была случайной и опиралась на споры начала XX в. Противопоставление государства как чего-то территориального и нации как

чего-то личного и культурного лежало в основе концепции К. Реннера, которая впоследствии вдохновила О. Бауэра. Как отмечал в 1998 г. исследователь М. Форман, Бауэр отверг «связь между национальностью, территорией и государством» на том основании, что такая связь следовала логике «исключительности, дискриминации и дезинтеграции», и вместо этого «предложил создать каждую нацию как добровольное объединение людей в рамках более крупного сообщества» (с. 5). Бауэр сопротивлялся широко распространенному в его время предположению, что «для каждой нации “естественно” хотеть стать государством» (цит. по: с. 6). В отличие от него, Касаткин считал, что стремление к независимости было одновременно «естественным и необходимым», присущим всем нациям. Чтобы придать убедительности своим аргументам, Касаткин писал Сталину, что эту точку зрения разделял и Ленин, явно одобрявший утверждение К. Каутского, что многонациональные государства были «ненормальными и слаборазвитыми», так как всегда стремились подавить «естественное» стремление наций к независимости.

Чтобы направить советскую теорию нации по «идеологически правильному, не австромарксистскому пути», Касаткин предложил ужесточить дефиницию государственности. Еще в 1913 г. Сталин определил нацию как «историческую категорию определенной эпохи, а именно эпохи зарождающегося капитализма» (цит. по: с. 6). Касаткин осмелился не согласиться, определяя нацию не столько как продукт определенного (капиталистического) периода, сколько как результат политической воли народа к формированию национального государства. Он даже предложил изменить авторитетное сталинское определение нации с этой целью, добавив к нему еще один критерий: достижение (или стремление к) политической независимости и отдельной государственности. Однако Сталин полностью отверг идеи Касаткина в письме от 22 февраля 1929 г.: «Предложенный вами новый критерий определения нации (политическая независимость, отдельная государственность) совершенно неуместен, как с точки зрения теории, так и практически и политически» (цит. по: с. 7).

Позиция Сталина в отношении национальной культуры как «определяющей характеристики государственности» показывает, насколько он «осознавал политическую целесообразность этой идеи» (с. 7). Учитывая, что идея социалистического многонационального государства, поощряющего национальные культуры, была «ключевым источником политической легитимности», Сталин

«тщательно отклонял любые предположения о том, что оно каким-то образом идеологически обязано австромарксизму» (с. 8). В ответных письмах он развеял все иллюзии Касаткина относительно возможного ослабления государственной поддержки нерусских культур и языков. Хотя Сталин и признавал, что стирание национальных различий было отдаленной перспективой, он тем не менее настаивал на том, что оно неизбежно.

Главным отличием концепции Бауэра от практики советской национальной политики 1920-х годов был вопрос о временных рамках. В то время как Бауэр рассматривал культурно-национальную автономию как самоцель, Сталин оправдывал советскую политику покровительства национальным культурам как «временное средство для окончательного уничтожения национальных культур после окончательной всемирной победы социализма» (с. 9). При этом Сталин предупредил Касаткина, что тем, кто ожидает быстрого решения национального вопроса, лучше подготовиться к «долгом и противоречивому периоду» расцвета советских национальных культур. Ссылаясь на Ленина, он добавил, что национальные различия «будут сохраняться очень, очень долго» даже после глобального триумфа социализма (цит. по: с. 9).

Будучи «одним из самых яростных критиков Бауэра», Сталин, «возможно, лучше, чем кто-либо другой, понимал интеллектуальную близость между советской политикой покровительства национальным культурам, которую он помогал разрабатывать, и австромарксистской концепцией национальной автономии, которую он стремился дискредитировать» (с. 9). Несмотря на его попытки представить одно как антитезу другому, оба подхода исходили из того, что нации являются прежде всего культурными образованиями, их политические требования могут быть удовлетворены путем предоставления преимущественно культурной автономии в рамках единого социалистического государства. Исходя из этой предпосылки, советское руководство продвигало национальную культуру как один из атрибутов государственности, чтобы «скрыть и компенсировать отсутствие более широкой политической автономии» (с. 9). Сталин отказался признать, в какой степени такая политика опиралась на австромарксистский замысел.

В 1913 г. Сталин призывал социал-демократов отвергнуть австромарксистскую модель национально-культурной автономии как нечто, что приведет только к национализму, разделению людей по национальному признаку, сохранению и культивированию национальных особенностей. Он утверждал, что история на сторо-

не Маркса и его последователей-большевиков, в то время как идеи Бауэра обречены на провал, поскольку тот стремился заменить «социалистический принцип классовой борьбы буржуазным принципом национальности» (цит. по: с. 19). К моменту переписки Сталина с Касаткиным уже происходил расцвет «империи позитивного действия», отличительной чертой которой было именно то, в чем Сталин обвинял Бауэра, – «организация» наций, сохранение и культивирование «национальных особенностей». Сталин мог бы позиционировать политику поддержки национальной самобытности как «временное перемирие между классом и нацией, но он эффективно следовал совету Реннера и Бауэра», что классовая и национальная эмансипации «не обязательно должны сталкиваться, но могут идти рука об руку» (с. 20).

И.К. Богомолов

Д.В. Петрухина

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА БССР
В 1920-е ГОДЫ: ПРОБЛЕМЫ И ЗНАЧЕНИЕ
(Обзор)**

Современные тенденции актуализации национальной и культурной идентичности в постсоветских республиках коснулись и Республики Беларусь. Многочисленные публикации научной, научно-популярной и публицистической литературы, создание контента в Интернете на белорусском языке в последние несколько лет свидетельствуют о стремлении белорусов к возрождению и всестороннему укреплению своей культурной самобытности. Исследователи этого феномена проводят параллели между современными процессами развития национального самосознания и периодом проведения так называемой политики белорусизации в 1920-е годы, чем обусловлен возросший научный интерес к проблеме последней. Представленный обзор охватывает часть зарубежных работ, посвященных ее различным аспектам.

Создание Белорусской Советской Социалистической Республики (далее – БССР) было провозглашено в 1920 г., и через два года она стала частью СССР. На протяжении третьего десятилетия XX в. в состав БССР вошли территории Гомельской, Смоленской и Витебской губерний, где проживали белорусы. После второго укрупнения территории в 1926 г. вместо губерний основу нового районирования составили 10 округов. Население республики превысило четыре миллиона человек [5, с. 31], и его характерной чертой была многонациональность, что нашло отражение в признании государственными четырех языков – белорусского, русского, польского и идиша.

Официальный переход к политике белорусизации был объявлен в 1924 г. после выхода постановления Центрального исполнительного комитета «О практических мероприятиях по проведению национальной политики». Среди основных направлений ее реализации было повсеместное распространение белорусского языка через перевод системы образования на белорусский язык, организацию изучения белорусского языка для взрослого населения в кружках и на специальных курсах, издание литературы, постановку спектаклей и т.д. Не менее важным для создания белорусской государственности было выдвижение на руководящие должности этнических белорусов (коренизация) и перевод на белорусский язык официальных документов, а также организация всесторонних исследований истории, культуры, этнографии страны, развитие краеведения.

А. Маркова, один из признанных зарубежных специалистов по проблематике белорусизации, в одной из статей подчеркивает значение национально-культурной политики 1920-х годов для белорусского нациестроительства. По ее мнению, белорусизация может рассматриваться как активная поддержка советской властью процесса формирования белорусского национального государства в межвоенный период, длившаяся с 1924 по 1929 г. В первую очередь это предполагало всестороннее внедрение и поддержку белорусского языка, который был родным языком большинства населения БССР в тот период времени [9, с. 26], а также развитие культуры и науки. Это сопровождалось политикой коренизации – квотирования постов в административных органах республики, высшем партийном руководстве, на гражданской службе и в системе образования для этнических белорусов.

Согласно А. Марковой, основной причиной проведения белорусизации стала необходимость внедрения и распространения идеологии социализма и марксизма на территориях с преобладанием нерусского населения.

Более глубокий анализ теоретических предпосылок политики коренизации на окраинных территориях СССР представил профессор Гарвардского университета Т. Мартин. По его мнению, нациестроительство преподносилось как логичная ступень к интернационализму, и ради снискания расположения местного населения к русскоязычной советской власти большевики были готовы на «антирусские» меры в рамках новой национально-культурной политики¹.

---

¹ *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: нации и национализм в СССР, 1923–1939 / пер. с англ. О.Р. Щёлоковой. – Москва : РОССПЭН : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 662 с.: ил.

Белорусизация началась в период, когда белорусский язык был практически полностью элиминирован из административного, культурного и образовательного пространства, а среди белорусов было распространено локальное самосознание («тутэйшыя»). Иными словами, они считали себя не самостоятельной этнической группой, а просто местным населением, говорившим на «местном» языке [9, с. 27]. Такой взгляд оказал влияние на негативное восприятие белорусами «насаждения сверху» белорусского языка, который считался не престижным, «деревенским».

Белорусский язык подвергся «интеллектуализации», что способствовало его более широкому использованию в научной среде, для подготовки публикаций в научных журналах и при переводах зарубежных авторов, в СМИ, театральных постановках. Белорусская литература также получила более высокий статус: Я. Колас, творивший в этот период времени, считается одним из классиков среди белорусских писателей.

Процесс формирования национальной идентичности в период белорусизации базировался на установлении лингвистической, этнической, исторической и культурной уникальности Беларуси. Была разработана новая концепция белорусской истории, восходящей к Полоцкому княжеству как первому государственному образованию белорусов. Согласно мнению А. Марковой, данная концепция была во многом призвана подчеркнуть независимость Беларуси от соседних России и Польши, как акторов, чаще всего связываемых с языковой и культурной ассимиляцией белорусов [9, с. 30].

Другим фактором развития белорусской идентичности была их «этногенетическая нетронутость» по сравнению с другими славянскими народами, которую удалось сохранить благодаря отсутствию завоеваний со стороны монголо-татар и других кочевников неславянского происхождения. Таким образом, постулировавшаяся в период белорусизации общность происхождения, истории и культуры стала фундаментом для дальнейшего развития белорусского национального самосознания.

Ко времени начала белорусизации для бóльшей части населения БССР была характерна неграмотность, а численность интеллигенции была очень мала из-за того, что в имперский период возможности получения образования для белорусов были крайне малы. Политика коренизации привела к общему упорядочиванию социальной структуры населения и формированию белорусских культурных и политических элит [9, с. 33]. Формирование элит продолжалось вплоть до 1990-х годов, российский историк

Б.Н. Миронов назвал его наиболее существенным результатом коренизации¹.

Системе народного образования отводилась одна из ведущих ролей в реализации целей национально-культурной политики. И.В. Коляда отмечает, что к началу 1920-х годов у белорусского языка не была окончательно сформирована литературная норма, а научный, юридический и политический понятийный аппарат был слабо развит, т.е. необходимо было решать задачи по научной разработке проблем самого белорусского языка, его истории, уточнению лексики и грамматики [2, с. 29]. Главная роль в решении перечисленных задач отводилась Народному комиссариату образования, Институту белорусской культуры и соответствующим университетским кафедрам. В 1921 г. была создана Белорусская научно-терминологическая комиссия, которая уже в 1922 г. выпустила сборник терминов для гуманитарных, естественно-научных дисциплин и математики. Появившийся на базе комиссии Институт белорусской культуры решал задачи по организации изучения языка, литературы, истории и экономики Беларуси. Именно в тот период были заложены основы современного белорусского языка.

Поскольку главная роль в белорусизации гражданского населения страны отводилась системе образования, правительством было принято решение осуществлять ее одновременно на всех уровнях образования и воспитания [2, с. 30]. К 1928 г. 80% белорусских школ перешли на обучение на родном (белорусском) языке. Большинство учителей поддерживали этот процесс, особенно в сельской местности, но также и в городах. Однако были и такие преподаватели, кто относился к белорусизации как к формальности или прямо высказывал недовольство.

Решение одной из наиболее острых проблем – нехватки квалифицированных кадров – было предложено Центральным исполнительным комитетом БССР, который обратился в Наркомпрос РСФСР с просьбой откомандировать учителей – уроженцев Беларуси для участия в белорусизации, а также опубликовал призыв к согражданам присоединиться к культурному возрождению родной страны. Тем преподавателям, кто вернулся в БССР, выдавались подъемные. Благодаря этим шагам на родину вернулся поэт Я. Колас, один из первых организаторов белорусских школ и основоположников новой белорусской литературы.

---

¹ *Миронов Б.Н.* От коренизации к суверенизации: как готовилась дезинтеграция СССР // *Российская история.* – 2021. – № 6. – С. 3–24.

Для педагогов были организованы курсы белорусского языка и методики преподавания арифметики, истории, географии и других предметов. В 1923 г. в Минске открылись Высшие курсы белорусоведения, на которых преподавались белорусский язык, история белорусской литературы, история Беларуси, география и этнография республики, белорусское искусство, методика преподавания языка и литературы [2, с. 31]. На курсах учителя не только прослушивали лекции, но и принимали участие в лабораторно-практических занятиях, дискуссиях, в рамках экскурсий посещали государственные учреждения, типографию, музеи и т.п. Материалы таких экскурсий печатались в краеведческом журнале «Наш край».

К 1928 г. переводу процесса обучения на белорусский язык подверглись все техникумы и педагогические курсы повышения квалификации. Параллельно шел процесс перевода на родной язык в системе образования национальных меньшинств. В сфере высшего образования также проводилась политика возврата соотечественников в БССР, в рамках которой были определены основные направления формирования профессорско-преподавательского состава и отправлены соответствующие запросы в другие союзные республики, в то время как местные профессора отправлялись на курсы в Москву.

Среди профессорско-преподавательского состава было очень мало этнических белорусов, а специалистов, владевших белорусским языком, – еще меньше, что объяснялось полным отсутствием на территории Беларуси подготовки таких кадров вплоть до 1917 г. В связи с этим был установлен строгий контроль над уровнем знания белорусского языка студентами последних курсов университетов: в случае обнаружения низкого уровня выпускника оставляли еще на год для дополнительного обучения [2, с. 32]. В 1927 г. при Институте белорусской культуры была открыта аспирантура.

Автор отмечает, что в ходе белорусизации в сфере высшего образования также встречалось формальное отношение со стороны студентов и преподавателей, некоторые выражали недовольство и нежелание изучать и преподавать белорусский язык, использовать учебную литературу на нем. Несмотря на это, к концу 1920-х годов значительно укрепилась научная база Белорусского государственного университета, Белорусской сельскохозяйственной академии и других вузов БССР. Это обеспечило подготовку специалистов-практиков и молодых ученых, которые вместе со старшими коллегами, вернувшимися из других союзных республик, составили костяк зарождающейся белорусской науки [2, с. 32].

Другое исследование И.В. Коляды посвящено реализации национально-культурной политики, проводившейся среди национальных меньшинств БССР.

Согласно переписи 1926 г., белорусы составляли 80,6% населения республики, евреи – 8,2%, русские – 7,7%, поляки – 2%, украинцы – 0,7%, латыши – 0,3%, литовцы, немцы, татары – по 0,1%, другие народы – 0,2%. Таким образом, евреи, русские и поляки были наибольшими по численности этнокультурными меньшинствами [3, с. 65].

Белорусы проживали в основном в деревнях. Евреи расселялись в местечках и городах, где иногда составляли от 40 до 60% жителей. В городах также жили и русские, хотя их можно было встретить и в сельской местности. Остальные меньшинства селились как в городах, так и в селах, иногда компактными ареалами. Подобное расселение оказало сильное влияние на этнокультурные различия между городом и деревней: города были в основном русскоязычными, а села – белорусоязычными.

Исторически и экономически обусловленное тесное переплетение этнокультурной и социальной сфер значительно усложняло проведение белорусизации. Так, основную массу крестьянства составляли белорусы, а евреи считались народом торговцев, не способных к работе на производстве, хотя значительная часть евреев трудилась на фабриках.

Тем не менее одной из характерных черт белорусизации было внимание к интересам этнокультурных меньшинств, и развитие их языков и культур обеспечивалось организационно и материально наравне с белорусами. Как следствие, представители этих народов не высказывали недовольства против такой политики. Более того, было много примеров плодотворной работы евреев, русских, поляков, украинцев на ниве белорусской культуры.

После 1924 г. для этих народов были организованы так называемые экстратерриториальные автономии, что предусматривало создание национальных советов в городах и деревнях, где проживало более 500 представителей того или иного народа.

В итоге за период с 1924 по 1929 г. было организовано 67 таких советов, а также сформированы национальные районы, где проходила своя миникоренизация и мининационализация. Так как под юрисдикцию местного национального совета попадали все народы, проживавшие на территории его функционирования, одной из его задач было предупреждение межэтнических конфликтов. Деятельность нацсоветов также способствовала экономическому

развитию, укреплению национального самосознания и повышению культурного уровня местного населения. Главным и достаточно серьезным недостатком нацсоветов было их частое пренебрежение к территориальному компоненту в пользу этнического.

Одним из принципов новой национально-культурной политики стало обеспечение прав и возможностей для каждого народа учиться на родном языке. Появлялись школы и классы с обучением на русском, польском, украинском, идише и других языках. Особенно активно развивалась сеть еврейских школ: за три года (1924–1927 гг.) количество семилетних школ увеличилось в полтора раза, а начальных – почти вдвое. Автор отмечает, что при этом в начале 1920-х годов была проведена кампания по ликвидации еврейского религиозного образования, в том числе с целью пресечения антисоветских выступлений [3, с. 66].

Сложнее проходила организация польских школ: так как расселение поляков отличалось дисперсностью, для них в основном создавались малокомплектные школы. В них зачисляли и белорусов-католиков, которые выражали недовольство из-за нежелания учить польский язык. К 1927 г. в БССР насчитывалось 138 польских школ. Литовские школы открывались в Полоцком округе. В целом к 1927 г. обучение в школах страны велось на 8 языках. Тем не менее сложности с оснащением образовательных учреждений сохранялись, в частности, некоторые еврейские школы из-за скудности материальных фондов считались второсортными, из-за чего родители предпочитали отдавать детей в соседние белорусские и русские школы.

Проблему подготовки квалифицированных кадров для системы образования были призваны решить открывавшиеся педагогические техникумы: еврейские и польские в Минске, Витебске и Гомеле, а также педагогические курсы. Позже некоторые учителя направлялись на обучение за пределы БССР, например, в Киев, где работали подготовительные курсы методики преподавания на польском языке. Для дополнительной подготовки учителей латышского и литовского языков их отправляли на обучение в Ленинград [3, с. 66–67].

В 1920-е годы заметную роль в научно-культурном развитии Беларуси играл Институт белорусской культуры, ставший центром формирования белорусской науки и культуры. В нем также работали четыре отдела, занимавшихся изучением языка, истории, культуры и этнографии евреев, поляков, латышей и литовцев. В 1929 г. на базе Института была создана Академия наук БССР, в

которую вошли соответствующие секции по изучению национальных меньшинств.

Обеспечение научной и учебной литературой, издание журналов осложнялись использованием устаревшей типографской техники. Часть литовских учебников поступала из Литвы, польских – из Польши, латышских – обеспечивалась латышским издательством «Прометей» из Москвы. Распространение книг считалось не только важной культурной деятельностью, но и имело политическое значение, поскольку способствовало проведению национально-культурной политики. В этой связи сотрудникам отделения «Книга – деревне» рекомендовалось чутко прислушиваться к мнению читателей и отслеживать наиболее популярные среди населения темы. В задачу отделения входило распространение литературы не только на белорусском, но и на других языках народов БССР. Кроме литературы, на пяти языках выпускались также периодические издания.

Секции на русском, польском, литовском языках и идише были и в составе Белорусской ассоциации пролетарских писателей.

Укоренению языка, изучению истории и литературы способствовала и деятельность национальных театров. По состоянию на 1929 г. в БССР работали Государственный еврейский театр, польский и еврейский бродячие театры, многочисленные студии и труппы самодеятельности. В период белорусизации на фоне поиска новых основ нациестроительства формировалось соотношение классических и новейших театральных произведений в репертуаре [3, с. 67].

Краткое историографическое исследование научных работ, посвященных изучению национальных меньшинств БССР в 1920-е годы, провел Д.А. Крент. Задачи консолидации общества в период формирования белорусского государства (БССР) и проведения национально-культурной политики требовали тщательного изучения его населения. Собранные данные имели и определенную политическую значимость, поскольку составлением понятийного аппарата, касавшегося национального состава населения республики, занимались те же органы, что и реализацией мероприятий в рамках белорусизации. Опираясь такими понятиями, как «национальное меньшинство», «колония» и т.п., исследователи не старались раскрыть их значение и не ставили вопрос о том, по каким критериям конкретный народ следует классифицировать как меньшинство [6, с. 44].

Автор выделяет несколько тематических блоков, которым было посвящено изучение национальных меньшинств в работах

1920-х годов: проблемы образования, политической истории, взаимодействия отдельных этнических групп с белорусами. Работы, рассматривавшие историю образования для еврейского, польского, литовского и латышского народов, носили скорее публицистический, чем научный, характер. Л. Мышковский в исследовании истории обучения евреев в Российской империи подчеркивал, что образование было направлено на русификацию и христианизацию, а переход к национальной системе образования произошел только после революции. В данной работе обращение к прошлому одной из этнических групп Беларуси имело целью показать контраст между национальной политикой империи и советского государства.

Значительное место в исследованиях того времени отводилось политической истории и участию меньшинств в революционном движении. В частности, освещалась деятельность еврейских социалистических организаций, а доминирование еврейского национального компонента в политическом поле Беларуси признавалось и в общеисторических исследованиях. Уделялось внимание и изучению первоисточников: к 1924 г. исторической секции еврейского отдела Института белорусской культуры удалось собрать воспоминания о революционных событиях у более чем 500 человек. Архивные фонды пополнялись коллекциями документов о деятельности Бунда, «Поалей Цион» и других еврейских партийных организаций Восточной Европы. С середины 1920-х годов акцент в изучении еврейских партий смещается с распространения социалистических идей к снижению популярности этих групп среди населения после Первой мировой войны [6, с. 45].

В рамках изучения деятельности польских политических организаций историческая секция польского отдела Института белорусской культуры должна была проводить исследования в церковных архивах костелов и упорядочивать документы Польского бюро ЦК КП(б)Б и Наркомата просвещения. Одним из видных исследователей польского революционного движения был С.Л. Гельтман, изучавший проблемы его политической дифференциации и большевизации польских рабочих в Беларуси.

Исследования политических движений других национальных меньшинств не проводились, что можно объяснить тем, что их представители не имели достаточно крупных организаций. Актуализация проблем политической истории стимулировала поисковую деятельность, расширила корпус письменных источников.

Значительная часть исследований была посвящена взаимоотношениям и взаимодействиям национальных меньшинств с

белорусами. Так, известный белорусский писатель еврейского происхождения З. Бядуля в своей брошюре «Яўрэі на Беларусі: бытавыя штрыхі» отмечал тесные культурные и экономические взаимосвязи между евреями и белорусами, в том числе и их взаимодополняемость в условиях существовавшей неполной социальной структуры [6, с. 45]. Историей межэтнических взаимоотношений белорусов и цыган занимался Д.И. Довгялло. Я. Карский и А. Шлюбский исследовали причины перехода татарского населения Беларуси на белорусский язык, которые сводились в основном к вынужденным брачным союзам татар с белорусами. Ученые также пришли к выводу, что в период полонизации XVII–XVIII вв. татарская литература оставалась единственным источником сохранения белорусского письменного языка.

Во второй половине 1920-х годов татарской проблематикой занимался В. Вольский, подробно изучивший историю, культуру и этнографию белорусских татар. Он внес значительный вклад в сравнительный анализ этой этнической общности с другими тюркскими народами, отметил их более «европеизированные» быт и мировоззрение [6, с. 46].

В обозначенный период было опубликовано и несколько работ, посвященных ассимиляции литовских и латышских поселений, связанной прежде всего с введением образования на русском и белорусском языках, а также распаду традиционного уклада жизни балтских народов. Уникальность латышского населения Беларуси заключалась в сохранении в их культуре и языке архаичных черт по сравнению с населением Латвии.

Результатом исследования литовцев Беларуси стала работа историка В. Скардзиса, в которой освещалась история появления и экономического развития литовских поселений в БССР и подчеркивалась близость литовцев и белорусов не в культурном, но в экономическом и социальном планах [6, с. 47].

В целом работавшие в 1920-е годы историки и этнографы играли значительную роль в проведении национально-культурной политики. Ф. Хирш назвала целью их работы «двойную ассимиляцию» – конструирование идентичности разрозненного населения республики первоначально на этническом уровне, с параллельной консолидацией сформированных национальностей в надэтническую (советскую) общность¹.

---

¹ *Хирш Ф.* Империя наций: этнографическое знание и формирование Советского Союза / авторизованный пер. с англ. Р. Ибатуллина. – Москва : Новое литературное обозрение, 2022. – 471 с.: ил.

К реализации мероприятий национально-культурной политики часто привлекалась молодежь: студенческие и комсомольские организации. Молодые люди, как наиболее мобильная и активная часть населения, участвовали в создании и работе кружков, творческих объединений и союзов с целью содействовать успешности белорусизации.

Как отмечает А.В. Кимбор, Ленинский коммунистический союз молодежи Беларуси (ЛКСМБ), образованный в 1924 г., играл важную роль в проведении экономической и правовой работы, а также в привлечении сельской молодежи в пионерские организации [4, с. 185]. Тем не менее полноценной работе по решению задач белорусизации препятствовало отсутствие материальной базы, литературы и квалифицированных работников.

В 1928 г. на очередном съезде ЛКСМБ были проанализированы результаты первых лет проведения белорусизации: организация и функционирование факультетов вечернего образования, школ рабочей молодежи, вечерних школ повышенного типа, школ для неграмотных. Главные проблемы, связанные с подготовкой грамотных специалистов и выпуском необходимой печатной продукции, так и не были решены.

Среди достижений ЛКСМБ можно отметить участие в политике коренизации, переводе официальных документов на белорусский язык, проведении курсов и отдельных лекций для членов организации и среди населения страны, поддержке литературной деятельности, в том числе в лице Белорусского объединения писателей и поэтов «Маладняк», членами которого в разные годы были К. Крапива и З. Бядуля [4, с. 186].

В 1931 г. были объявлены итоги деятельности комсомола в сфере национально-культурной политики: БССР первой из республик внедрила всеобщее обязательное образование на родном языке, охватив 97% детей. При этом отмечалось, что организация принимала недостаточное участие в нациестроительстве и недооценила активизировавшиеся проявления национал-демократизма и великодержавного шовинизма. Белорусизация была признана одной из острейших политических проблем. Так, в анонимной анкете один из комсомольцев выразил мнение, что возврат к дореволюционной культуре и языку, который предполагает процесс белорусизации, уже сам по себе является контрреволюционным. Таким образом, не все комсомольцы Беларуси поддерживали распространение белорусского языка и политику белорусизации в целом [4, с. 187].

Корпус подобных анонимных анкет стал одним из важных письменных источников по истории белорусизации.

Всебелорусские обследования студентов республики проводились в 1929 г. Центральным бюро пролетарского студенчества Центрального совета профсоюзов Белоруссии (ЦБ Пролетстуда ЦСПСБ). В статье Г.Н. Яковлевой приводятся отрывки из анкет, собранных среди студентов ветеринарного института, рабочего факультета, а также пяти техникумов г. Витебска. Большая часть респондентов выразила поддержку проведения национально-культурной политики, однако были и отрицательные отзывы, сводившиеся к сложности и ненужности освоения белорусского языка [8, с. 294].

Автор подробно рассматривает содержание ответов на открытые вопросы, касающиеся белорусизации и изучения белорусского языка, подчеркивая указанную этническую самоидентификацию респондентов и их социальный статус (служащий, крестьянин, рабочий).

Судя по ответам в анкетах, белорусизация породила межэтническую напряженность между евреями и белорусами. Первые считали, что национальная политика ведет к росту антисемитских настроений и в принципе направлена на дискриминацию евреев в пользу белорусов. По-видимому, такое мнение породила политика коренизации, когда белорусам отдавалось предпочтение при распределении руководящих должностей, которые ранее занимали в основном евреи. В то же время белорусы считали несправедливыми обвинения в антисемитизме и строгие дисциплинарные наказания за его бессознательные проявления в студенческой среде [8, с. 296].

В статье также приводятся примеры активной позиции против перевода литературы и учебного процесса на белорусский язык среди преподавательского состава, в частности, профессора А.Н. Макаренского, работавшего в ветеринарном институте. Подобные жалобы поступали и от студентов политехнического техникума. По результатам анализа собранных анкет ЦБ Пролетстуда ЦСПСБ признало белорусизацию учебных заведений недостаточной, в связи с чем проводились дополнительные мероприятия: заседания профактива, собрания студентов, митинги и т.д. [8, с. 297].

Как уже отмечалось выше, в силу исторических, этнографических и политических причин белорусизация имела некоторые региональные особенности, которые своеобразно проявились в пограничных регионах. В период, когда национальному самосознанию еще предстояло сформироваться, региональная и языковая идентичности играли главенствующую роль среди населения; как

следствие, в его сознании сам факт перехода под юрисдикцию другой республики не означал необходимость смены идентичности. Эта ситуация сильно затрудняла проведение белорусизации в таких регионах.

В 1924 г. несколько уездов Смоленской губернии, где проживали белорусы, были переданы из РСФСР в БССР. До этого для местного населения белорусы выступали частью русского народа, говорившей на особом диалекте русского языка [5, с. 29].

Согласно переписи 1897 г., в Смоленской губернии белорусское население составляло чуть более 6%. По мнению Е.В. Коди́на, резкое снижение численности белорусов, которых, по некоторым данным, было в несколько раз больше на Смоленщине в середине XIX в., напрямую связано с сознательным причислением себя к русским, продиктованным желанием пользоваться «благами индустриального развития» России [5, с. 37–38]. Процессы модернизации, затронувшие российские регионы, давали возможность крестьянам повысить свой социальный статус, чем и хотели воспользоваться белорусы. В результате их число на Смоленщине будет постепенно стремиться к нулю в течение XX в. именно по причине «саморусификации» и сознательного использования русского языка вместо родного белорусского [5, с. 48].

Что касается белорусизации школ, то ее цели были недостижимы по объективным причинам: в 1920-е годы школы Смоленщины находились в упадке, здания требовали срочного ремонта, учебников не было, учителям практически не платили. Тем не менее внедрение белорусизации началось с появления новых предметов – белорусского языка и белорусоведения [5, с. 79].

Даже увеличение расходов на реализацию национально-культурной политики в 1925–1926 гг. не расположило к ней местное население. По данным экспедиции специальной комиссии Института белорусской культуры выяснилось, что «местная интеллигенция считает себя смолянами, не русскими и не белорусами, при этом многие опрошенные отрицали само существование белорусов как отдельного народа и считали белорусизацию искусственным процессом» [5, с. 88].

Таким образом, белорусизация через введение в школах белорусского языка и открытие отдельных белорусских школ проводилась против желания местного населения. К 1928 г. в губернии насчитывалась 61 белорусская школа [5, с. 92].

Так как в Смоленской губернии белорусы проживали компактно, в регионе также проводилась политика коренизации. При этом

перед руководством стояла проблема целесообразности перевода всего документооборота на белорусский язык в губернии, находившейся в составе России [5, с. 98].

Анализ периодических изданий, проведенный П.С. Стуком, раскрывает особенности реализации национально-культурной политики на Витебщине. Витебская губерния стала частью БССР в 1924 г., т.е. в тот же год, когда началась белорусизация. Как и в других регионах республики, специфика мероприятий была непосредственно продиктована этнонациональным составом: в городском населении Витебска преобладали евреи и белорусы, а в сельском – белорусы и русские [7, с. 113]. В газетах широко распространялась информация об открытии и работе различных кружков по изучению белорусского языка, а также о недостатках в их работе.

Вторым направлением процесса белорусизации, освещавшимся в периодических изданиях, была работа национальных школ. К 1926 г. в Витебском округе 86% школ были белорусскими с обязательным преподаванием белорусского языка. Тем не менее многие представители других этнических групп выражали недовольство и нежелание изучать обязательный белорусский, при этом для желающих не хватало учебников [7, с. 114].

С 1925 г. в округе активно развивалась краеведческая деятельность, вышедшая за пределы научного круга. В рамках работы краеведческих кружков изучалась не только природа родного края, но и его история и этнография, в том числе собирались данные о диалектах белорусского языка. В частности, для желающих провести полевые исследования администрация кружка оформляла бесплатные железнодорожные билеты. Отмечалось, что сбор белорусских слов, особенно в сельской местности, среди крестьян, будет способствовать сохранению и развитию белорусского языка. О расписании лекций на исторические и краеведческие темы местного населения также узнавало из газет.

С трудностями сталкивались и процессы перевода на белорусский язык делопроизводства в округе, о чем подробно рассказывали корреспонденты местных изданий. Одной из наибольших проблем оказалась приходящая из центра документация на русском языке, что мешало полноценному переходу на белорусский местных органов власти [7, с. 117]. Распространению белорусского языка в центральных и районных учреждениях также способствовала активная политика коренизации, благодаря которой доля владеющих им работников в 1927 г. достигала 80%.

Подъем белорусской культуры и интереса ко всему белорусскому отразился в работе различных литературных, художественных, музыкальных, театральных клубов и обществ. Организуемые ими мероприятия пользовались большим успехом у населения, причем не только белорусского, но и других народов БССР, о чем свидетельствуют соответствующие газетные заметки.

Таким образом, анализируя периодические издания Витебского округа, автор смог проследить основные недостатки местной политики белорусизации: «нежелание руководства проводить запланированные мероприятия, недостаточно эффективная работа курсов, сложности при переводе делопроизводства на белорусский язык, сопротивление небелорусского населения (особенно в городах)» [7, с. 119].

В процессе проведения национально-культурной политики в БССР в 1920-х годах важную роль играло личное стремление каждого причастного человека к строительству белорусского национального государства. В частности, как отмечает Т.И. Баталко, заметное влияние оказало так называемое Заявление тридцати двух – документ, направленный группой активных белорусских коммунистов в адрес ЦК РКП(б). В нем подчеркивалось, что в сложившихся после Гражданской войны условиях для распространения коммунистических идей в сельской местности необходимо присвоить белорусскому языку статус государственного и использовать его как инструмент массовой просветительской работы [1, с. 95].

В продвижении идей белорусизации огромное значение имела работа, проводимая ее координаторами – В.М. Игнатовским, Д.Ф. Жилуновичем, А.В. Балицким и А.Г. Червяковым, которые не только планировали, но и активно претворяли в жизнь стремление к созданию нового белорусского общества. Автор отмечает, что среди интеллигенции белорусского происхождения было много противников белорусизации, они ссылались на необходимость создания общего советского пространства, интернациональность и т.д. Особенно это касалось школьных учителей и преподавателей вузов, которые были призваны непосредственно содействовать распространению белорусского языка. При этом были и обратные примеры, когда не белорусы отличались особым энтузиазмом в проведении национально-культурной политики [1, с. 97].

По мнению Т.И. Баталко, белорусизация стала возможностью для белорусов обрести свой, белорусский, национальный путь развития культуры, политики и экономики. Однако ситуация, сформировавшаяся в республике к 1920-м годам, не была должным образом

учтена при планировании рассматриваемой политики. Многовековое межэтническое взаимодействие с русскими на разных уровнях коммуникации (от бытового до управленческого) привело к укоренению русского языка, который считался более престижным («ученым» языком) и для многих был основанием для русской самоидентификации. Это стало серьезным препятствием при проведении мероприятий и удлинило сроки белорусизации [1, с. 96].

Тем не менее процесс подобного нацистроительства в БССР был уникальным в своей стремительности и интенсивности языковых и культурных трансформаций за столь короткий период времени (менее пяти лет). Особенностью также явился и тот факт, что этот процесс происходил внутри уже существовавшего государства, в то время как в абсолютном большинстве случаев формирование национального самосознания предшествует созданию национального государственного образования. Однако именно благодаря этому государство сохранилось, даже несмотря на непопулярность политики белорусизации среди большинства белорусов [9, с. 33].

Список литературы

1. *Баталко Т.И.* Особенности национально-культурной политики белорусизации (психологический аспект) // Народы и религии Евразии. – 2018. – Т. 14, вып. 1. – С. 93–100.
2. *Каляда І.У.* Беларусізацыя 1920-х гадоў: стварэнне савецкай сістэмы народнай адукацыі // Труды БГТУ. Серия 6. – 2021. – № 2. – С. 29–33.
3. *Каляда І.У.* Нацыянальна-культурная палітыка БССР у 1920-х гг. і нацыянальныя меншасці // Копытинские чтения – III : сборник статей Международной научно-практической конференции, Могилев, 28 февраля – 1 марта 2019 г. / под общ. ред. А.М. Авласовича. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – С. 65–67.
4. *Кимбор А.В.* Участие ЛКСМБ в проведении политики белорусизации // Рыжскі мірны дагавор 1921 г. у лёсах народаў усходняй і цэнтральнай Еўропы : матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, Мінск, 26 марта 2021 г. / отв. ред. А.Г. Кахановікі. – Мінск : Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, 2022. – С. 182–188.
5. *Кодин Е.В., Кобец О.В.* Беларусизация на Смоленщине, 1920-е годы. – Смоленск : Смоленский государственный университет, 2021. – 164 с.
6. *Крэнт Д.А.* Даследаванне нацыянальных меншасцей у Беларусі ў беларускай савецкай гістарыяграфіі 1920-х гг. // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. – 2019. – № 2(54). – С. 43–49.

7. *Стук П.С., Тетерев В.А.* Белорусизация на Витебщине на страницах местных газет // Віцебскі край. – Мінск, 2019. – Т. 4 : Матэрыялы IV Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Віцебскі край», прысвечанай 80-годдзю ўтварэння Віцебскай вобласці, 22 лістапада 2018 г., Віцебск. – С. 112–119.
8. *Яковлева Г.Н.* Анонимная культурно-бытовая анкета ЦБ Пролетстуда ЦСПСБ как источник по истории белорусизации конца 1920-х гг. // Актуальные проблемы источниковедения : материалы VI Международной научно-практической конференции, Витебск, 23–24 апреля 2021 года. – Витебск : Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2021. – С. 294–297.
9. *Markova A.* Language, identity, and nation: the special case of Belarusian state- and nation-formation // The journal of Byelorussian studies. – 2018. – Vol. 8, N 3. – P. 25–39.

О.В. Бабенко

**НОВЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ
О СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА (2022–2023)
(Обзор)**

В обзоре представлены зарубежные статьи, посвященные отдельным аспектам советско-польских отношений 1920–1930-х годов: восприятию Варшавой военной угрозы Польше со стороны Москвы в межвоенный период, коммунистической агитации среди польских военнопленных по окончании советско-польской войны 1919–1920 гг. и созданию советскими кинематографистами образа Польши как главного врага СССР. Авторы рассматриваемых публикаций делают упор на вражду и взаимную боязнь противоборствующих сторон.

Основополагающее значение имеет статья известного польского историка Войцеха Влодаркевича (Военный технологический университет в Варшаве) [3]. В ней анализируется оценка поляками военной угрозы Польше со стороны СССР в межвоенный период. Такая угроза признавалась реальной.

После заключения Рижского договора 18 марта 1921 г. возросло недоверие властей Польши к военным планам Советской России. Влодаркевич пишет, что польская разведка получила информацию о военных приготовлениях России [3, s. 50]. Кроме того, поляки были обеспокоены террористической деятельностью вооруженных отрядов на Восточных кресах (в Западной Беларуси, Западной Украине и в районе Вильно), предъявлением советской стороной прав на Восточную Малопольшу и поддержанием украинскими властями процесса выбора местными жителями гражданства.

Автор приводит слова маршала Ю. Пилсудского, произнесенные 3 декабря 1921 г. на заседании Военного совета, что в бу-

дущем году возможна война на Востоке, понимаемая польской стороной как агрессия Советского государства против Польши [3, s. 50]. В начале 1922 г. глава Генштаба Войска Польского генерал В. Сикорский подготовил мемориал (докладную записку), в котором подчеркнул, что Польша заинтересована в поддержании статус-кво для внутренней консолидации. Он признал, что военная угроза исходила не только от Советской России, но и от Германии. Это стало более очевидным после заключения в 1922 г. Рапалльского договора между Москвой и Берлином.

Влодаркевич отмечает, что в 1922 г. польские власти приняли стратегию безопасности страны, рассчитывая на систему коллективной безопасности и сотрудничество с союзническими государствами – Францией и Румынией [3, s. 50]. Важнейшим элементом национальной безопасности считалось Войско Польское. В 1926–1935 гг., по мнению автора, поляки старались обеспечить безопасность собственными силами, проводя независимую внешнюю политику [3, s. 50].

15 марта 1923 г. Совет послов Антанты признал восточную границу Польши, что было успехом польской дипломатии, который, однако, не означал получения международных гарантий границы. Влодаркевич считает, что в 1924 г. СССР проводил на международной арене недружественную политику в отношении Польши – распространял информацию о притеснениях национальных меньшинств польскими властями [3, s. 51].

В первой половине 1920-х годов вдоль восточной границы Польши были отмечены многочисленные акции диверсионных отрядов, часть из них нелегально проникла в Польшу с территории СССР. В 1924 г. польская сторона насчитала 189 диверсионных нападений и 28 акций саботажа, совершенных приблизительно тысячей диверсантов [3, s. 51].

Влодаркевич приводит также итоги конференции, состоявшейся 8 апреля 1925 г. в Генеральном штабе Польши. На ней обсуждался уровень внешней угрозы и было признано, что возросла опасность войны на два фронта – с Красной армией и Рейхсвером. В целях оказания сопротивления врагам было решено составить план расширения Войска Польского. Предполагалось также, что Россия «будет готова к войне весной 1928 г.» [3, s. 52].

Автор подчеркивает, что самой важной задачей для поляков было военное планирование [3, s. 52]. В 1926 г. Генеральный штаб решил, что Польша должна обладать хорошо вооруженной и обученной армией, стратегическими резервами, военной промышлен-

ностью, а также военной программой. Разрабатывались три оперативных плана: основной план войны на два фронта с Германией и СССР, а также планы, касающиеся войн с каждым из этих противников по отдельности. Были также подготовлены мобилизационные, транспортные и так называемые этапные планы (планы поэтапной подготовки к военным действиям). Польская сторона признала, что и Германия, и Советский Союз были сильнее Польши. Поэтому польский военный план включал тезис о ведении Польским государством оборонительной войны. Варшава предполагала, что в 1921–1926 гг. возможны три варианта внешней угрозы: «агрессия со стороны СССР или Германии, либо обоих великих соседей Польской республики» [3, s. 52].

В результате майского переворота 1926 г. к власти в Польше пришел маршал Пилсудский, который решил, что Варшаве следует придерживаться нейтралитета в отношении Германии и СССР, а также стараться поддерживать союзнические отношения с Францией и Румынией, чтобы сохранить мир. Влодаркевич полагает, что Пилсудский не был заинтересован в войне с Советским Союзом, «несмотря на то что считал эту страну внутренне слабой, нестабильной, переживающей экономические проблемы» [3, s. 53]. Он стремился к нормализации отношений с Германией и СССР. В то же время считал, что война с Советским Союзом может начаться через пять лет.

В связи с военным планированием поляков автор анализирует «Оперативное исследование для Восточного фронта», подготовленное в 1927 г. генералом Я. Ромером. В нем отмечалось, что численно Красная армия вдвое превосходит Войско Польское, которое, однако, способно быстрее провести мобилизацию, чем РККА. Мобилизация польских частей займет, по мнению генерала, 29 дней, а Красной армии – 50 дней [3, s. 53].

В 1929 г. Пилсудский оценил угрозу военной агрессии СССР против Польши как более реальную, чем раньше. В начале 1930-х годов политика маршала по нормализации отношений с Германией и СССР принесла свои плоды: в Германии изменилась внутренняя обстановка и внешняя политика, создались предпосылки к заключению договора о ненападении между Варшавой и Москвой. Последний был парафирован 25 января 1932 г. В том же 1932 г. Второй отдел Генерального штаба Войска Польского проанализировал внешнюю политику СССР и заключил, что ее главной чертой было стремление к поддержанию мира [3, s. 54].

Тем не менее Пилсудский не отказался от политики балансирования между Москвой и Берлином. Анализ польско-советских

отношений первой половины 1934 г., по мнению Влодаркевича, указывал «на их улучшение, а также на уменьшение угрозы Польской республике со стороны ее восточного соседа» [3, s. 54]. Но уже в ноябре того же года Пилсудский признал СССР более опасным государством для Польши, чем Германию. Причину этого он видел в том, что Советский Союз был «менее предсказуемым, а также в меньшей степени зависимым от Запада» [3, s. 55]. Поэтому польская сторона решила сосредоточиться на приготовлениях к возможной агрессии со стороны Москвы.

В 1936 г., когда, как пишет автор, положение в польской армии ухудшалось, новое руководство Войска Польского приняло решение о реализации шестилетнего плана его расширения и модернизации [3, s. 55]. План предусматривал формирование 10 резервных дивизий пехоты, расширение и обновление авиационного парка, рост производства вооружений, средств связи и саперного оборудования, а также изменение организационной структуры Войска Польского путем моторизации части кавалерии. В дальнейшем военное руководство намеревалось увеличить численность артиллерии, главным образом тяжелой, а также бронетанковых, инженерных войск и войск связи.

Во второй половине 1930-х годов увеличилась активность польской разведки, направленная на получение информации о военных угрозах. В 1937 г. было признано увеличение числа военнослужащих Красной армии, усиление ее боевой готовности на границе с Польшей. В следующем году поступили новые данные о расширении и развитии РККА. Во время Судетского кризиса Красная армия особенно активно концентрировала войска на советско-польской границе, а поляки в свою очередь усилили свои гарнизоны на Вольни и направили эскадрильи в Восточную Малопольшу. Влодаркевич проанализировал эти действия польских властей и пришел к выводу, что они оценили маневры РККА как демонстрацию военного потенциала СССР, а не как реальную угрозу безопасности Польши [3, s. 57].

В 1939 г. для Польши большую роль играли оперативные планы «Восток» и «Запад». Однако они «не в полной мере отвечали основам военного дела, а также не учитывали количественные и качественные отличия Войска Польского от Красной армии и Вермахта» [3, s. 57]. План «Восток», подготовленный в феврале 1939 г., предусматривал оттеснение Красной армии в два узких территориальных коридора к югу и северу от Полесья. Но Влодаркевич считает, что Красная армия была готова к нападению на Польшу еще в начале 1935 г. [3, s. 58].

Польская сторона систематически проводила анализ военной угрозы собственной безопасности, но если в феврале 1939 г. считалось, что главная угроза исходила от СССР, то с марта основным врагом была признана Германия. Автор подчеркивает, что польское военное руководство по непонятным причинам не обратило внимания на донесение подполковника дипломатической службы А. Шиманьского о возможном заключении советско-германского договора [3, s. 59]. Уже 23 августа 1939 г. был подписан пакт Молотова – Риббентропа вместе с хорошо известным секретным протоколом о разграничении «сфер интересов» в Центральной и Восточной Европе. Безопасность Польши оказалась под серьезной угрозой.

Накануне Второй мировой войны польская разведка получила сведения, подтверждавшие угрозу нападения СССР на Польшу. Влодаркевич констатирует, что в начале войны последняя оказалась в затруднительном положении: все силы Войска Польского были брошены на борьбу с Вермахтом, а на восточной границе находился лишь Корпус охраны пограничья [3, s. 59].

Публикация британского ученого Питера Уайтвуда (Йоркский университет Святого Иоанна) [2] посвящена тому, как большевики пытались насаждать коммунизм среди военнопленных поляков, оказавшихся в концлагерях Советской России (позднее – СССР) после окончания советско-польской войны. Делалось это в целях создания кадров польских революционеров, которые должны были вести коммунистическую пропаганду по возвращении на Родину. Использовались также польские гражданские лица и беженцы, оказавшиеся в Советском государстве, но приоритет отдавался военнопленным. По мнению Уайтвуда, это было связано с тем, что после поражения в советско-польской войне большевики потеряли надежду на экспорт революции в Западную Европу [2, p. 185]. Однако у них появилась возможность оказать идеологическое влияние на поляков.

Автор приводит сведения о численности польских военнопленных, содержащихся в советских концлагерях в первые месяцы после окончания советско-польской войны. Он утверждает, что не менее 22 778 польских военнопленных содержались в 27 лагерях на всей территории Советской России [2, p. 186]. Кроме того, он рассматривает и другие точки зрения по этому вопросу. Согласно одной из них, реальное число польских военнопленных составляло приблизительно 44 000. Согласно другим, оно варьировалось от нескольких тысяч до немыслимых чисел, а содержались они в более чем 60 лагерях [2, p. 187].

Уайтвуд отмечает, что советской стороне необходимо было подсчитать точное число польских военнопленных, чтобы в будущем обменять их на красноармейцев, содержащихся в польских лагерях [2, р. 187]. Однако она не торопилась с подсчетами, поскольку, как уже отмечалось, большевики намеревались вести коммунистическую пропаганду среди плененных поляков. Для достижения успехов в этой сфере нужно было продемонстрировать хорошее отношение к ним, и они действительно были признаны лицами «исключительной важности» [2, р. 187]. Одновременно польских офицеров обвинили в распространении слухов о плохом обращении с военнопленными в советских лагерях. На пропаганде среди военнопленных настаивали, в частности, Л.Д. Троцкий и Ф.Э. Дзержинский. Троцкий предлагал сделать из плененного врага «лучшего друга и единомышленника» [2, р. 187]. Пропаганда именовалась «культурно-просветительской работой» и была инициирована Польским бюро ЦК РКП(б), созданным в августе 1920 г. В лагерях вели пропагандистскую деятельность политические работники из партии большевиков: они читали лекции, распространяли советские и польскоязычные социалистические газеты. В одних лагерях пропаганда велась широко, в других были лишь намечены основные формы политической агитации.

Автор утверждает, что «культурно-просветительская работа» среди польских военнопленных ежедневно омрачалась проблемами [2, р. 188]. Из отдельных лагерей поступали жалобы на отсутствие надзора, насилие над заключенными, неполноценное питание и нехватку одежды. Кроме того, пропаганда нередко велась лицами, не знавшими советско-польских отношений и психологии поляка. Эти проблемы стали известны активистам РКП(б). Дзержинский еще в июле 1920 г. выступил за улучшение условий содержания военнопленных. Предлагалось также отделить польских солдат от офицеров, определить заключенных на работу в соответствии с их специальностями и разрешить им работать на фабриках за территориями лагерей. Там, где еще не было местных ячеек Польского бюро, они должны были появиться. Как утверждает автор, некоторые из этих рекомендаций были приняты партийной верхушкой [2, р. 189].

Трудности перемежались с успехами и улучшением отношения к заключенным. Так, в сентябре 1920 г. группа харьковских военнопленных-поляков была направлена на борьбу с Белой армией генерала Врангеля. А в конце 1920 г. польских военнопленных переместили из лагерей Советской Украины в другие регионы из-за

плохих условий содержания и огромного количества смертей вследствие болезней [2, р. 190].

В 1921–1922 гг. проходила репатриация пленных поляков. В этот период, 2 февраля 1921 г., было принято решение выплачивать польским рабочим, занятым в тяжелой промышленности и на фабриках, полную зарплату. Автор считает, что большевики старались таким образом соблюсти международные стандарты обращения с военнопленными [2, р. 192].

Заметное место в статье уделено болезням и насилию в концлагерях. Часть поляков поступила в лагеря, имея такие болезни, как, например, чесотка. Пространства некоторых лагерных помещений были весьма малы, поэтому в них не было условий ни для существования без болезней, ни для коммунистической пропаганды. В семи лагерях Московской, Тверской и Орловской губерний вспыхивали эпидемии. Случаи насилия выражались в избивании военнопленных, однако, как пишет Уайтвуд, жалобы поляков на это остались без внимания [2, р. 195].

В начале 1921 г. некоторые проблемы польских военнопленных еще не были решены, например, проблемы со снабжением в лагерях Владыкина и Ростова Великого. В казанском лагере у поляков не было одежды «по сезону», а в Самаре солдаты не были отделены от офицеров. Эти недостатки перечеркивали последние попытки большевиков создать из плененных поляков революционные кадры. К октябрю 1921 г. в Польшу вернулись 26 440 военнопленных, остальные выехали в 1922 г. Из них только 123 человека стали членами Польской коммунистической рабочей партии. Автор предполагает, что 3000 поляков могли остаться в Советской России (СССР) [2, р. 197].

Уайтвуд заключает, что проводящиеся в литературе параллели между советскими лагерями для польских военнопленных и сталинским ГУЛАГом преувеличены [2, р. 198]. По его мнению, большевики установили для пленных режим относительных преференций, особенно для офицеров. Такой угрозы для жизни, как в ГУЛАГе, в лагерях для военнопленных-поляков не было [2, р. 198].

В статье британского исследователя польского происхождения Стефана Лацного (Кембриджский университет) [1] анализируется создание в советском кино образа Польши как врага Москвы. Автор исходит из того, что после поражения в советско-польской войне Кремль боялся Варшаву как потенциального агрессора. Поэтому в 1925–1939 гг. в советском кино был создан такой злоедейский образ Польши, что вряд ли кто-то мог соперничать с ним по

уровню опасности для СССР [1, р. 60]. Из иностранных подданных поляки чаще других появлялись в советском кино межвоенного периода – приблизительно в 70 картинах (для сравнения: американские персонажи присутствовали в 23 фильмах, немецкие – в 19). Фильмы на польскую тему примечательны как своей многочисленностью, так и тем, что с 1925 по 1939 г. они выходили ежегодно. Причину создания в СССР большого количества антипольских фильмов автор статьи видит в многовековой антипатии между русскими и поляками, возникшей еще во времена соперничества России с Речью Посполитой, разделов Польши и потерпевших поражения польских восстаний XIX в. [1, р. 61].

Лацный подчеркивает, что из советских «киноврагов» только Польша имела протяженную границу с СССР и в прошлом подчинялась российским имперским властям¹ [1, р. 61]. В ходе советско-польской войны 1920–1921 гг. русские и поляки воевали за Восточные кресы. Этнические поляки и евреи составляли большинство городского населения этих земель. После поражения России в той войне польский вопрос, как утверждает Лацный, занял главное место в советской внешней и внутренней политике [1, р. 61].

Автор проводит мысль о том, что «фильмы на польскую тему демонстрировали перманентный страх советской стороны в отношении Польши как потенциального агрессора, создававшего военную и идеологическую угрозу для СССР на его западных границах» [1, р. 61]. Он отмечает, что советские кинематографисты в качестве средства выражения страха перед поляками использовали не только социальные, но и гендерные характеристики поляков, украинцев и белорусов: персонажи-поляки в фильмах того времени изображались как грубые мужчины, часто как насильники, в то время как украинцы и белорусы нередко представляли в образах слабых женщин, подвергшихся насилию, либо обездоленных крестьян-мужчин. Демонстрировались также идеологические различия между советской и польской моделями культуры. Лацный полагает, что эти кинематографические образы усложнили реальные советско-польские отношения межвоенного периода [1, р. 61].

Первые агитфильмы, в которых присутствовали поляки как классовые враги («враждебные капиталисты»), появились в 1920 г.

---

¹ Автор имеет в виду нахождение Царства Польского в составе Российской империи. – *Прим. авт.*

Однако после завершения советско-польской войны польская тема исчезла из советских фильмов на пять лет. Лишь в 1925 г. на экраны вышел антиклерикальный фильм Владимира Гардина «Крест и маузер», который стал образцом для советских кинорежиссеров, снимающих картины на польскую тему. С приходом к власти в Польше маршала Пилсудского в 1926 г. на советские экраны стали постоянно выходить фильмы, касающиеся Польского государства и поляков. А после подписания советско-польского пакта о ненападении в 1932 г. в СССР начали осуждаться картины, выставяющие поляков в негативном свете.

Особое внимание Лацный уделяет изображению в кино сексуального насилия представителей польских властей мужского пола над украинками и белорусками из пролетарской и крестьянской среды. Подобные сцены анализируются на примере вышеупомянутого фильма «Крест и маузер» и картины Юрия Тарича «До завтра» (1929). Автор считает, что такой художественный подход позволил советским кинорежиссерам продемонстрировать угрозу, исходившую от поляков, для украинцев и белорусов [1, р. 63]. При этом для создателей кинокартин была очень важна социальная составляющая сюжета. Так, в фильме Владимира Гардина «Кастусь Калиновский» (1927) показана борьба белорусских крестьян с польской шляхтой во время восстания 1863 г. Фауст Лопатинский снял картину «Кармелюк» (1931) о восстании украинских крестьян под руководством народного героя Кармелюка против польских помещиков в 30-е годы XIX в. А в фильме Эдуарда Аршанского «Соловей» (1937) детально изображено восстание белорусских крестьян против польской знати в 1790-е годы.

Лацный приходит к выводу, что советские кинофильмы на польскую тему были весьма противоречивыми. С одной стороны, они стремились донести до зрителя ту угрозу, которую представляла Польша для украинцев и белорусов. С другой – режиссеры одновременно преуменьшали эту угрозу, намекая на присущую полякам социальную слабость [1, р. 76]. Подобные фильмы создавались до начала Второй мировой войны. После ликвидации независимого Польского государства в сентябре 1939 г. польская агрессия против СССР сделалась невозможной.

Список литературы

1. *Lacny S.* Creating the Polish enemy on the Soviet screen, 1925–1939 // *Studies in Russian and Soviet cinema.* – 2023. – Vol. 17, no. 2. – P. 60–79.
2. *Whitewood P.* Failing to create revolutionaries: Polish POWs in Soviet captivity, 1920–21 // *Revolutionary Russia.* – 2022. – Vol. 35, no. 2. – P. 185–205.
3. *Włodarkiewicz W.* Zagrożenie bezpieczeństwa militarnego Rzeczypospolitej Polskiej przez Związek Radziecki w okresie międzywojennym // *Przegląd Wschodnioeuropejski.* – 2022. – T. 13, nr. 1. – S. 49–60.

Е.Н. Емельянова

**СССР И АФРИКА В 1920-е – 1930-е ГОДЫ:
ЗАРУБЕЖНАЯ И РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
(Реферативный обзор)**

Новая волна интереса к Африке в российской науке, связанная с укреплением политических и экономических отношений со странами этого континента, делает тему политики СССР в данном регионе в начальный период становления Советского государства особенно актуальной. В предлагаемом обзоре рассматриваются последние публикации российских и зарубежных авторов по этой теме.

Статья кандидата исторических наук И.А. Суздальцева [2] посвящена англоязычной историографии внешней политики СССР в Африке в 1920 – 1930-е годы. Автор затрагивает важную проблему укрепления советского влияния на этом континенте, которое в довоенный период во многом осуществлялось через Коминтерн и компартии стран-метрополий. Исследователь отмечает, что наибольшее количество работ по этой проблеме публикуется в США, Великобритании, Канаде, Австралии, Ирландии, ЮАР и Индии. Суздальцев выделяет три основных теоретических подхода в англоязычной историографии: *традиционалистский, ревизионистский и революционный*. Сторонники *традиционалистского подхода*, характерного в большей степени для исследователей из Великобритании и Канады, исходят из тезиса, что Коминтерн был орудием советской внешней политики и работал под тотальным контролем ВКП(б).

Представители *ревизионистского подхода* (в основном это американские историки) полагают, что Коминтерн был объединением коммунистических партий, обладающих значительной долей

самостоятельности в принятии внутренних ключевых решений (в различные периоды в разной форме и степени). Они также отмечают, что компартии имели возможность участвовать в управлении этой международной организацией. Подчеркивают положительный вклад Коминтерна в решение колониального и расового вопросов в первой половине XX в.

Революционный подход был представлен деятелями коммунистического движения, участниками событий 1920–1930-х годов, а также послевоенного периода. Здесь можно назвать труды члена Коммунистической партии Южной Африки (КПЮА) и деятеля профсоюзного движения Рэй Саймонс (в компартии с 1928 г.); ее супруга, доктора права и преподавателя Университета Кейптауна Джека Саймонса; члена ЦК ЮАКП (название южноафриканской компартии с 1953 г.), председателя парламентского комитета, заместителя министра, а с 2009 г. – министра торговли и промышленности ЮАР Роба Дэвиса. Будучи общественными деятелями, они, по мнению автора, оценивали работу компартии Южной Африки не с исторических, а с политических позиций. Их исследования не могут претендовать на научную объективность. В современной англоязычной историографии революционное направление практически не представлено.

В 1960–1970-е годы в западной науке наблюдался рост исследований по истории Коминтерна. В этот период значительная часть ученых (Р.А. Саймонс, Р. Дэвис и т.д.) критиковала его деятельность в Африке за то, что компартии в первый период своего существования недостаточно внимания уделяли расовой дискриминации и не привлекали в свои ряды негритянских рабочих. Исследователи отмечают, что Лига против империализма (создана в 1927 г.) не добилась значительных результатов. КПЮА не смогла организовать Народный фронт и преодолеть расовую неприязнь между партиями, а насаждение Коминтерном «21 условия» оказалось неприемлемым для социал-демократов и части коммунистов, которые покинули партию. Историки обращают внимание на катастрофические результаты политики создания «туземной республики». Этот лозунг был навязан КПЮА на VI конгрессе Коминтерна в 1928 г. [2, с. 219].

В то же время появляются публикации, чьи авторы положительно оценивают деятельность Коминтерна (Т. Дрейпер, С. Джонс и др.). Они отмечают значительный вклад коммунистов в антиколониальную борьбу и утверждают, что к концу 1920-х годов, благодаря политике Коминтерна КПЮА превратилась в партию,

основу которой уже составляли чернокожие. Суздальцев пишет, что, несмотря на решения VII конгресса о единстве действий со всеми антифашистскими силами и правительствами, Коминтерн не высказался за отказ от борьбы за свободу колоний. Коммунистическая партия Великобритании (КПВ) продолжала поддерживать антиколониальные движения [2, с. 219–220]. Стоит добавить, что в этот период Коминтерн уже не выдвигал революционные лозунги (например, уже не выступал за создание «туземной республики»).

Помимо вышеперечисленных сюжетов появляются новые взгляды на историю Коминтерна. Так, преподаватель Университета Йорка (Великобритания) Э. Дрю считает, что «большевизация» компартий с 1924 г., а также тактика «класс против класса», проводимая с 1928 по 1935 г., имели негативные последствия для КПЮА. Ее численность в результате раскола сократилась с трех тысяч членов в начале 1929 г. до ста человек к апрелю 1931 г. Те же процессы проходили в Алжирской коммунистической партии (АКП). К концу 1920-х годов большинство членов КПЮА составляли чернокожие, в то же время руководящие посты по-прежнему в основном занимали белые, что ставит под сомнение принцип расового равенства в компартии. Многие исследователи (Э. Дрю и др.) отмечают, что политика Народного фронта в Африке не учитывала национальную специфику – широкую неприязнь к умеренным социалистам, их демонизацию чернокожими коммунистами. В самой компартии шла постоянная борьба между сторонниками и противниками ориентации на Москву. О. Драчевич (Канада) утверждает, что политика Коминтерна была неэффективна, потому что ее проводили компартии метрополий, слабо заинтересованные в результативности антиколониальной борьбы [2, с. 220–221].

К. Морган (Манчестерский университет, Великобритания) в своей монографии «Международный коммунизм и культ личности. Вожди, трибуны и мученики при Ленине и Сталине» (2017 г.) исследует процесс сталинизации компартий. По мнению историка, он заключался в том, что во главе крупных коммунистических организаций были поставлены авторитетные лидеры, сосредоточившие всю полноту власти в своих руках и преданные неформальному руководителю Коминтерна И.В. Сталину. В ЮАР таким человеком стал Мозес Котане, избранный генеральным секретарем КПЮА в 1938 г. Это окончательно закрепило лояльность партии по отношению к Коминтерну [5, р. 42–43; 2, с. 220–221].

Н. Редферн (Манчестерский университет, Великобритания) пишет, что к концу 1930-х годов Коминтерн вообще прекратил

антиколониальную деятельность. Лига против империализма в 1937 г. была распущена [6, р. 51; 2, с. 220–221]. Как мы полагаем, это было связано с оформлением антифашистской коалиции.

К положительным последствиям деятельности Коминтерна англоязычные историки относят открытие в Африке вечерних школ и профсоюзов, издание газеты «Негритянский рабочий», обучение значительной части африканских коммунистов в Москве (в основном в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ)). Так, подготовке в КУТВ арабских студентов посвящена работа научного сотрудника Нью-Йоркского университета в Абу-Даби М. Кирасировой (США) [4]. Автор рассматривает подготовку коммунистических кадров для стран Востока, в том числе и Африки, анализирует особенности менталитета арабских студентов, их религиозность, способность воспринимать марксизм и советские нормы жизни. Кирасирова подчеркивает патернализм, с которым в Университете трудящихся Востока внушались коммунистические идеи, но в то же время отмечает, что КУТВ открывал для своих выпускников возможность участвовать в политической жизни стран Востока или, оставшись в СССР, заниматься переводами и научной деятельностью.

Одной из главных заслуг Коминтерна, по мнению некоторых западных историков, была борьба с колониализмом. Многие авторы (Э. Дрю, Э. Смит и др.) указывают, что коммунисты проводили масштабные кампании против империализма, за освобождение колоний. В 1927 г. был организован конгресс угнетенных наций в Брюсселе, проведены кампания в поддержку восстания в Конго-Вара в 1929 г., митинги против итальянского вторжения в Эфиопию в 1935 г.; в Египте, Тунисе, Алжире осуществлялась политика народного фронта и т.д. В 1920-е годы Коминтерн участвовал в создании двух организаций – Лиги против империализма (LAI) и Международного комитета профсоюзов негритянских рабочих (ITUCNW), что способствовало росту антиколониальной борьбы африканцев за свои права.

Идеи Коминтерна были востребованы чернокожим населением Африки и после его роспуска. Яркий пример – деятельность Нельсона Манделы. Й. Ханссен (Университет Торонто, Канада) отмечает, что под влиянием Коминтерна в Африке был создан ряд левых организаций: в Египте – «Рабочий авангард», «Народное освобождение», «Египетское движение за национальное освобождение»; в Судане – «Конгресс аспирантов», «Суданское движение за национальное освобождение» [2, с. 221]. Дж. Эли (Мичиганский

университет, США) и М. Уэст (Бингемтонский университет, США) считают, что большевистская революция и создание Коминтерна усилили антиколониальное движение и способствовали национальным восстаниям, в том числе в Южной Африке и Южной Родезии [2, с. 222]. При этом западные исследователи отмечают как отрицательное, так и положительное влияние Коминтерна и компартий на развитие событий на африканском континенте.

Зарождению российской африканистики в 1920-1930-е годы посвящена работа А.Б. Давидсона [1]. На основе архивных документов и информации, которую автор получил от исследователей того времени (Э. Шика, А. З. Зусмановича, М. Котане и Джона Маркса) ученый рассматривает историю изучения Африки в СССР. Особое внимание автор уделяет судьбам отечественных африканистов того времени.

Первый центр африканистики был создан советским правительством в системе коминтерновской организации. Автор считает, что африканистика возникла под знаменем идей мировой революции и была тесно связана с деятельностью Коминтерна. Поскольку в послевоенный период тема истории Коминтерна была запретной, многое Давидсон узнал из бесед с южноафриканцами Котане и Марксом, которые в начале 1930-х годов учились в Москве, а потом часто приезжали в Советский Союз.

Коммунистическая партия Южной Африки была создана в 1921 г. Ее представители, а также еще несколько африканцев приехали в Москву в начале 1920-х годов учиться в коммунистических университетах. В Коминтерне в этот период было создано негритянское бюро. В 1922 г. обсуждался вопрос о создании Колониального бюро. Африканскими вопросами занимались Англоамериканский и Восточный секретариаты. Создавались «негритянские комиссии». Исполнительный комитет Коминтерна (ИККИ) пытался объединить африканские проблемы с афроамериканскими.

В феврале 1927 г. в Брюсселе была создана Антиимпериалистическая лига, в которой приняли участие многие деятели Востока, ставшие потом лидерами крупных антиколониальных движений. Среди них были и африканцы, в частности сенегалец Ламин Сенгор. В дальнейшем Лига не стала особенно действенной организацией, да и вопрос об Африке до середины 1920-х годов в Коминтерне возникал редко. Все изменилось в 1928 г. на фоне сложной для СССР внутренней и внешнеполитической ситуации. VI конгресс Коминтерна (17 июня – 1 сентября 1928 г.) определил новую политику, в основе которой лежала «тактика нанесения

ударов по тылам западного империализма, одним из которых считалась Африка» [1, с. 73]. В связи с этим в Профинтерне в 1928 г. был создан Международный профсоюзный комитет негритянских рабочих. Предполагалось, что он будет действовать от лица африканцев США, чернокожего населения Вест-Индии и Черной Африки.

13 апреля 1929 г. провозглашена Программа по изучению Африки. Доклад по ней («К постановке марксистского изучения социально-экономических проблем “Черной Африки”»), автор – венгерский коммунист Эндре Шик) был прочитан в Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем (НИАНКП). Позднее он был опубликован в журнале «Революционный Восток». Давидсон полагает, что эта программа положила начало истории отечественной африканистики, и приводит основные темы программы: история Черной Африки; этнические и национальные группы, их взаимоотношения; хозяйственные уклады и их формы, состояние и тенденции дальнейшего развития; классовая дифференциация; столкновение империалистических интересов в Черной Африке; освободительные движения и организации угнетенных народов. Особое внимание уделялось французским и английским колониям, а также теме немецкого империализма в этом регионе. Рассматривались вопросы рабочего движения, туземной буржуазии и развития капитализма в земледелии африканских стран [1, с. 74].

Эндре Шик (1891–1978) был одним из первых африканистов в СССР. В России его звали Андрей Александрович Шийк. Во время Первой мировой войны он, как военнотрудовой австро-венгерской армии, попал в русский плен. После событий 1917 г. добровольно остался в России. Имел хорошее образование, которое получил еще в Европе. В 1930 г. у Шика вышла работа «Расовая проблема и марксизм», в которой широко использовались западные исследования, рассматривались известные тогда расовые теории и новая для того времени тема – «национальная идеология угнетенных наций и ее взаимоотношения с классовой идеологией» [1, с. 75]. Эта книга вызвала жаркие дискуссии.

Давидсон отмечает, что не все первые африканисты были связаны с учреждениями и организационными структурами Коминтерна. Но через них до середины 1930-х годов они пользовались активной поддержкой властей. В коминтерновском Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) для сбора и анализа материалов об Африке создали кафедру Африки, а в НИАНКП – Африканский кабинет. Среди их сотрудников были

политэмигранты из Германии, а также русские, эмигрировавшие в Южную Африку и вернувшиеся в СССР. Большую роль играли африканцы, приезжавшие на учебу в КУТВ и Международную ленинскую школу. Среди слушателей были и будущие африканские лидеры: Джомо Кениата – президент Кении после провозглашения ее независимости, Джордж Пэдмор – признанный идеолог panaфриканизма, Мозес Котане, Джон Маркс, Эдвин Мофутсаньяна – руководители коммунистического движения Южной Африки, Банколе Авуно-Реннер – известный общественный деятель Западной Африки.

В отличие от западной африканистики, концентрировавшейся тогда на изучении языков и стародавних традиций, наши исследователи, не имея большого опыта, стремились разглядеть в Африке появление новых социальных и политических сил. Результатом работы советских африканистов той эпохи стали книги, статьи, материалы двух конференций (1934 и 1935 гг.).

В 1936–1937 гг. начался разгром Коминтерна, положивший конец первому этапу советской африканистики. Давидсон объясняет это тем, что Коминтерн был связан с именами оппозиционеров: Зиновьева, Бухарина, Троцкого. Разгром оппозиции привел, по мнению автора, к ликвидации Коминтерна, которая началась со второй половины 1930-х годов. Еще одной причиной стало недоверие Сталина к иностранцам и тем, кто с ними был связан. Автор признает, что разгром африканистики не был целью сталинских репрессий. Но ученым тоже досталось. «Гонения начались еще в 1934 и 1935 гг. Тогда расстреляли и тех, кто возглавлял восточное и африканское направление в работе Коминтерна: П.А. Мифа, Л. Мадьяра, Г.И. Сафарова. Затем уничтожили Г.Е. Гернгросса, Г.К. Данилова, Н.М. Насонова и политэмигрантов из Южной Африки – братьев Рихтеров. Еще один политэмигрант из Южной Африки, Лазарь Бах, погиб в концлагере. Ф.С. Гайворонского арестовали... , потом выпустили, и он погиб в первом же бою в Отечественной войне... Судьбу Ильзы Карловны Рихтер и немецких политэмигрантов, сотрудничавших с московскими африканистами, выяснить не удалось... Арестовали ленинградца Кирилла Николаевича Лукницкого, специалиста по проблемам Эфиопии (в середине 1930-х годов в связи с итало-эфиопской войной им уделялось большое внимание и в политике, и в печати)» [1, с. 77]. Зусманович и Потехин были уволены из КУТВ в 1936 г. На свободе остались всего несколько африканистов, не принимавших активного участия в исследованиях. Работа над проблемами африканского континента фактически была приостановлена до середины 1950-х годов.

В 1937 г. арестовали и исключили из партии патриарха советской африканистики венгра Э. Шика. Но вскоре выпустили. «Правда, в партии его не восстановили, но после освобождения из Лубянки он, хоть и не сразу, получил работу в Институте истории Академии наук, а затем, с 1943 г., – в Институте этнографии. Работал вместе с востоковедами: А.А. Губером, И.М. Рейснером, Г.С. Кара-Мурзой, В.Б. Луцким, А.Ф. Мюллером, Б.Н. Захадером, Н.М. Гольдбергом. Вместе с ними подготовил “Новую историю колониальных и зависимых стран”. Э. Шик написал там разделы о Черной Африке. “Новая история” вышла в 1940 г. “Новейшая” была закончена летом 1941 г., но так и не была издана: война, не до того было», – пишет Давидсон [1, с. 78]. Шик готовился к защите диссертации в Москве, когда его 1 сентября 1945 г. отозвали на родину, в Венгрию. В 1958 г. он был назначен министром иностранных дел. После выхода в отставку Шик возобновил изучение истории Африки и завершил начатую им в Москве огромную «Историю Черной Африки». Было написано и издано на венгерском, английском и французском языках четыре больших тома. На русском языке эту книгу издавать не хотели и только по личному указанию Н.С. Хрущева стали готовить труд венгерского ученого к публикации. Но издать не успели: в 1964 г. Хрущев ушел в отставку, а вместе с ним потеряли силу все его обещания венгерскому руководству издать труд Шика.

Иван Изосимович Потехин (1903–1964) после демобилизации из армии в конце 1940-х годов организовал в Институте этнографии АН СССР маленькую группу исследователей, всего несколько человек, для изучения Черной Африки. Вышел из заключения Александр Захарович Зусманович (1902–1965). С ноября 1956 г. Давидсон работал с ним вместе в только что созданном отделе Африки Института востоковедения АН СССР. И от него автор впервые услышал, что африканистика возникла в Москве почти три десятилетия тому назад и что он, Зусманович, в 1934–1935 гг. руководил уже существовавшим тогда отделом Африки. Когда Давидсон на рубеже 1940-х – 1950-х годов решил заняться африканистикой, она была фактически представлена одним именем – Д.А. Ольдерогге. Остальным еще нужно было вернуться к научным исследованиям.

Второе рождение африканистики произошло в 1956 г., когда власть вновь осознала необходимость исследования Африки. Давидсон приходит к выводу, что «история начального периода отечественной африканистики убедительно показывает, как направления исторических, социальных и политических исследова-

ний могли по решениям советских властей создаваться и исчезать, причем настолько, что пропадала даже память о них» [1, с. 69]. Практически никто из африканистов 1920–1930-х годов не оставил воспоминаний. Поэтому в работе «Народы Африки», изданной под редакцией Д.А. Ольдерогге и И.И. Потехина в конце 1954 г., уже после смерти Сталина, не упомянуты ни работы тех прежних лет, ни имена погибших [1, с. 79]. Так что африканистика первого периода нуждается в дальнейшем изучении.

В статье доктора исторических наук, профессора НИУ «Высшая школа экономики» И.И. Филатовой «Африканистика в Коммунистическом университете трудящихся Востока (1929–1938)» [3] более подробно анализируются труды первых советских исследователей Африки, а также работа ученых в КУТВ в межвоенный период. Филатова рассматривает структуру африканистских подразделений КУТВ, учебный процесс и содержание курсов, предназначенных для студентов-африканцев, описывает быт и жизнь африканской молодежи в Москве. Исследователь отмечает, что КУТВ стал первым университетом в СССР, специально предназначенным для обучения студентов из стран Азии и Африки. Это были коммунисты и другие прогрессивные деятели, рекомендованные местными компартиями. КУТВ был создан в 1921 г. Первоначально предполагалось, что в нем будут готовить партийные кадры для советских республик Средней Азии и Кавказа. Но в 1923 г. для иностранных студентов с Востока был создан Спецсектор, и вуз перешел под руководство Коминтерна. В основном студентами африканской секции были члены КПЮА – единственной компартии этого континента, но принимались и представители других регионов, а также афроамериканцы.

В 1927 г. в КУТВ была образована Научно-исследовательская ассоциация по изучению проблем советского и зарубежного Востока. В 1929 г. на ее основе была создана Научно-исследовательская ассоциация национальных и колониальных проблем (НИАНКП), а в следующем году иностранная часть КУТВ сама была формально переведена под начало ассоциации. Но реально ассоциация оставалась исследовательским крылом КУТВ.

В 1936 г. весь Спецсектор был выведен из КУТВ и переименован в Отдел персонала. НИАНКП был переименован в Научно-исследовательский институт национальных и колониальных проблем (НИИНКП). Ему и подчинили бывший Спецсектор, а теперь Отдел персонала. В 1938 г., в годы репрессий, КУТВ был закрыт.

Филатова пишет, что студенты иностранного сектора КУТВ вынуждены были подчиняться строгой дисциплине и контролю со стороны преподавателей. Администрация КУТВ не без основания полагала, что студентами интересуются иностранные разведки, поскольку в вузе, как и в других школах Коминтерна, готовили будущих руководителей компартий. От студентов требовали конспирации и самоограничений, что вызывало протесты молодежи. Но в то же время администрация стремилась занять студентов в свободное время. Они не только учились, занимались научными исследованиями, проходили практику на предприятиях, для учащихся КУТВ организовывали вечера, экскурсии, походы в театры и кино.

Автор отмечает, что студенты сами становились объектом изучения. Преподаватели писали для них характеристики, отмечали наличие или отсутствие аналитических способностей у отдельных африканцев, идеологические взгляды, давали рекомендации о возможности продвижения в политической или научной сфере. Эти оценки влияли на дальнейшую карьеру обучающихся. Филатова анализирует учебные планы и программы в КУТВ. Отмечает, что образование было идеологизированным и направленным на подготовку кадров коммунистического движения для революционной, в том числе подрывной деятельности. Но существовали возможности и для научных исследований.

Поскольку никто из преподавателей КУТВ не был в Африке и не знал африканских языков, то педагоги активно привлекали студентов-африканцев к изучению социальных и экономических проблем африканских стран. Самые способные студенты даже публиковали статьи в журнале «Negro Worker», издававшемся Международным профсоюзным комитетом негритянских рабочих, еще одной коминтерновской организацией. Альберт Нзула и Джо-мо Кениата вошли в редколлегию этого журнала. Подобная практика повышала самооценку африканской молодежи и была важным фактором их социального роста. Такой подход к обучению на Западе стал применяться только в 1960–1970-е годы.

Филатова пишет, что некоторые курсы были новаторскими для своего времени. В них было много проблем, которые в те годы не изучались даже в лучших университетах мира. Западная африканистика исследовала тогда историю колонизации континента, то есть историю белого человека в Африке, и этнографию африканских племен. Европейские ученые считали негритянские традиции патриархальными и неизменными. Программа КУТВ была основана на

формационном подходе. Советские исследователи анализировали классовые структуры африканских обществ, методы колониальной эксплуатации и антиколониальные движения, экономику, политику и историю африканских стран. Таким образом, история Африки рассматривалась в развитии и с позиций африканцев, а не европейцев.

Что влекло студентов в Советскую Россию? Автор отмечает, что молодые африканцы не только знакомились с советским строем, учеба в СССР позволяла им занять более высокое положение в своих компартиях и национальном антиколониальном движении, получать помощь от Коминтерна. Мы бы сегодня сказали, что КУТВ и компартии играли роль социального лифта для африканцев, у которых в то время не было особых перспектив роста на родине. В КУТВ учились такие известные политические деятели, как будущий председатель Южноафриканской компартии Джон Маркс; лидер вооруженного антиколониального восстания в Кении, а позже первый президент этой страны – Джомо Кениата; южноафриканский коммунист и профсоюзный деятель Никин Собиа (Джек Хильтон) и др.

Африканский сектор КУТВ был фактически учебной кафедрой, где студенты из Африки и афроамериканцы изучали общеобразовательные предметы и дисциплины по различным странам. Но африканистика как научная деятельность, включающая проведение семинаров, дискуссий, работу в научной библиотеке и написание научных трудов, была сосредоточена в Африканском кабинете. В этой работе участвовали как преподаватели, так и студенты КУТВ и Международной ленинской школы.

Филатова повторяет часть информации, данной в статье Давидсона о первых африканистах, но представляет более подробный историографический анализ их трудов. Среди первых африканистов в СССР она тоже называет венгерского коммуниста Шика, дополняет, что он окончил Иезуитский колледж в Венгрии и защитил магистерскую диссертацию. Именно Шик руководство Коминтерна в 1928 г. предложило создать курс истории Африки для первой группы африканских студентов КУТВ.

В 1929 г. Шик написал программу изучения Африки, которая выше была упомянута при анализе работы Давидсона и которую российские ученые считают началом африканистики в СССР. Филатова акцентирует внимание на проблемах, поставленных в этом документе. Она указывает, что Шик в своей научной работе стремился выполнить основную задачу, поставленную Коминтер-

ном: определить состояние и тенденции развития африканской экономики и понять, насколько население Африки готово к революционным выступлениям. Поэтому Шика особенно интересовало наличие или отсутствие в африканских странах «туземного капитализма». Он считал, что африканские народы могут пойти по «некапиталистическому пути развития», то есть усилиями революционного правительства постепенно перейти к социализму. Эта идея, замечает Филатова, вполне соответствовала положениям доклада В.И. Ленина на II конгрессе Коминтерна. Недаром документ уделял большое внимание борьбе африканских народов против эксплуатации и колониализма. В целом программа опиралась на марксистскую теорию и предлагала изучать процессы экономической и социальной трансформации африканских обществ. Как отмечалось выше, это было новым для мировой африканистики того времени. Но исследования носили схоластический и примитивный характер, не учитывали деталей и цивилизационной специфики африканских обществ. Тем не менее программа заложила теоретические основы всей советской африканистики на период до 1980-х годов, когда ее методы уже никак нельзя было назвать новаторскими, да и о ней самой уже забыли.

Еще одним среди первых исследователей Африки был Г.Е. Гернгрос, публиковавшийся под псевдонимом Юг. Он был сыном генерала и в отличие от других советских африканистов получил блестящее экономическое и юридическое образование, знал три языка. Гернгрос обратился к истории Африки в 1926 г., когда начал сотрудничать с Институтом мирового хозяйства и мировой политики. Первая его книга «Империализм на Черном Континенте» вышла в 1929 г. Она была посвящена истории колонизации Африки и политике колониальных властей. Поскольку в ней не было марксистской основы, рецензент счел, что работа представляет собой «перефразирование заграничных буржуазных авторов». В 1931 г. вышли еще две книги Гернгроса: «Британские колонии в Восточной Африке» и «Южно-Африканский Союз. Очерки». В книге о южной Африке ученый, учитывая критику первой своей монографии, попытался использовать марксистскую теорию. Гернгрос писал, что «компартия Южной Африки призывает к “новому методу борьбы” – к антиимпериалистической революции, в основе которой лежит “аграрный вопрос” – борьба “негритянского освободительного движения” за землю» [цит. по: 3]. Немало места он уделил «независимой туземной республике» – лозунгу, который Коминтерн принял как основную цель для Компартии Южной Африки. Изложил и резо-

люцию VI конгресса по данному вопросу, и политические дискуссии об этом лозунге в самой партии. Во всех оценках Гернгрос теперь строго следовал теоретической и политической линии Коминтерна. Это был высокопрофессиональный анализ экономики и общественно-политической ситуации в Южной Африке. Филатова предполагает, что использование марксистского подхода в научной работе было вынужденной уступкой со стороны Гернгроса. Ученый был заинтересован в сотрудничестве с III Интернационалом. Оно началось в 1931 г., когда Гернгрос перевел на русский язык книгу советского и американского коммуниста, эмиссара Коминтерна в Южной Африке, Джорджа Кларка «Принудительный труд в британских колониях в Южной Африке». Небольшая брошюра справочного типа «Империализм и колонии» (1932 г.) стала последней книгой Гернгроса. Статьи он писал и позже. Филатова отмечает, что Гернгрос был самым знающим и выдающимся африканистом той эпохи. Но он оставался чужим в советской системе.

В отличие от него Шик был убежденным коммунистом, работал в Коминтерне, ему одно время даже собирались поручить руководство африканской секцией и Африканским кабинетом. Но все же первым главой этих двух учреждений в 1931–1933 гг. стал Н.М. Насонов, член Негритянской комиссии и глава Негритянского бюро Коминтерна. В 1930 г. вышла первая работа Шика по Африке – статья «Черная Африка на революционном пути», в которой автор анализировал колониальную систему в африканских странах. В 1930-е годы Шик работал над докторской диссертацией «История Черной Африки». Филатова отмечает, что если бы этот монументальный труд был опубликован в то время, он стал бы значимым вкладом в развитие мировой африканистики. Шик не только охватил историю всего Африканского континента, но и рассматривал африканцев не как субъект, а как объект исторического процесса. Он впервые попытался дать классовые характеристики доколониальных обществ, историю эксплуатации и угнетения как внутри этих обществ, так и извне. Собрал огромный материал об антиколониальном движении, о политических организациях в африканских странах и т.д. Но тогда Шик не успел подготовить диссертацию. Его четырехтомный труд увидел свет только в 1960-е годы на английском и французском языках, когда материал, по утверждению Филатовой, уже устарел и встретил критику даже со стороны левых историков. Шик тогда уже занимал высокие посты в социалистической Венгрии и времени на дальнейшую работу над книгой у него не было.

Еще два африканиста КУТВ – А. Потехин и И. Зусманович. Помимо многочисленных статей они в 1933 г. опубликовали совместно с Альбертом Нзулой монографию «Рабочее движение и принудительный труд в негритянской Африке». В ней дан анализ социальному и экономическому развитию континента. Но половина книги посвящена борьбе против колониализма от низших форм (крестьянских движений) до высших (профсоюзов и образования компартий). Авторы отрицали положительную роль «туземной буржуазии», считали ее неразвитой. Надеялись на скорую революцию в Африке.

Но в середине 1930-х годов линия Коминтерна кардинально изменилась. VII конгресс (1935 г.) вместо курса на революцию поставил первостепенную задачу борьбы с фашизмом и создание единого антифашистского народного фронта с реформистской социал-демократией и пацифистской буржуазией. А Зусманович и Потехин в статьях продолжали настаивать на левых взглядах. Еще один инцидент осложнил ситуацию. Студентка Зусмановича в КУТВ Джози Мпама представляла на VII конгрессе Южноафриканскую Компартию. Она выступила с речью, которую ей написали Зусманович и Лазарь Бах. Джози Мпама изложила левые взгляды своего учителя: выступила за «пролетарский», а не «народный» единый фронт и создание «туземной республики». Разразился скандал. Зусмановича отстранили от заведывания африканской секцией КУТВ и назначили на его место Потехина. Но вскоре обоих уволили с работы в КУТВ по обвинению в троцкизме. В конце 1936 г. заведующим африканской секции и кабинетом назначили Шика. Но ненадолго. Вскоре вся советская африканистика была разгромлена.

Конечно, отмечает Филатова, исследования первых африканистов были несовершенными и сильно идеологизированными. Да и сами исследователи 1920–1930-х годов были не очень подготовлены к научной деятельности. Но они заложили основы, на которых африканистика вновь начала развиваться во второй половине XX в. Большую роль в здесь сыграл Потехин, ему пришлось строить эту науку снова, сначала в Институте этнографии, а потом в Институте Африки, где он стал первым директором.

Анализ последних работ российских и зарубежных авторов дает представление об изучении Африки в СССР в 1920–1930-е годы. Большинство историков отмечают, что одной из важных причин зарождения африканистики в Советском Союзе была заинтересованность Коминтерна в исследовании социально-экономических,

политических проблем, расстановки классовых сил и революционном потенциале в африканских колониях. Первые африканисты использовали в своих исследованиях формационную теорию, что для того времени было новым словом в мировой исторической науке. Однако внешнеполитические интересы СССР и его усилия по созданию коалиции против нацистского блока во второй половине 1930-х годов требовали изменения тактики Коминтерна: создания народного фронта всех антифашистских сил, временного отказа от революционной политики в колониях. Большинство же советских ученых не учли этого факта и продолжали в своих работах придерживаться левых позиций. Итогом стали репрессии и закрытие сталинским руководством научных учреждений, занимающихся проблемами Африки. Африканистика в СССР возродилась только в середине 1950-х годов.

Список литературы

1. *Давидсон А.Б.* Первое поколение отечественных африканистов // Новая и новейшая история. – 2019. – Т. 63, № 5. – С. 69–80.
2. *Суздальцев И.А.* Оценки современными англоязычными историками политики Коминтерна в Африке // Восток (Oriens). – 2022. – № 5. – С. 217–226.
3. *Филатова И.И.* Африканистика в Коммунистическом университете трудящихся Востока (1929–1938) // История: электронный научно-образовательный журнал. – 2020. – Т. 11, вып. 8(94). – DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840011065-0>.
4. *Kirasirova M.* The «East» as a category of Bolshevik ideology and Comintern administration: the Arab Section of the Communist University of the Toilers of the East // *Kritika: explorations in Russian and Eurasian history*. – 2017. – Vol. 18, № 1. – P. 7–34.
5. *Morgan K.* International communism and the cult of the individual: leaders, tribunes and martyrs under Lenin and Stalin. – London : Palgrave Macmillan, 2017. – 347 p.
6. *Redfern N.* The Comintern and imperialism: a balance sheet // *Journal of labor and society*. – 2017. – N 20. – P. 43–60.

Микенберг Дж.Л.

**АМЕРИКАНКИ В КРАСНОЙ РОССИИ:
В ПОГОНЕ ЗА СОВЕТСКОЙ МЕЧТОЙ /
пер. с англ. Т. Азаркович. – Москва : НЛЮ, 2023. –
448 с. – (Гендерные исследования).
(Реферат)**

Джулия Л. Микенберг, профессор Миннесотского университета, специалист по истории культуры, исследует интересное, но малоизученное явление – массовое паломничество американцев в Советский Союз в 1920–1930-е годы. Ее монография основана на широком круге источников из архивов России, США и европейских стран, на значительном массиве научных работ. Хронологический охват материала – 1900–1930-е годы. Работа носит междисциплинарный характер, она выполнена на стыке гендерных исследований и истории России и СССР с начала XX в. до 1930-х годов, значительное место отведено биографиям американок в России. Монография состоит из введения, четырех частей, поделенных на главы, эпилога. В каждой главе есть одна или несколько ключевых фигур, вокруг которых строится повествование.

Во введении автор отмечает, что американок, приехавших в страну Советов, несмотря на различия в социальном происхождении, уровне образования, разные профессии, объединяет одно – стремление наравне с мужчинами строить новое общество, в котором не будет классов и классовой борьбы, а мужчины и женщины получают равные права. Историк подчеркивает, что русская революция оказала влияние на американских женщин, в том числе и на феминисток. Они высоко оценили новые законы, регламентирующие жизнь советской женщины. Например, в 1918 г. был разработан Семейный кодекс, облегчающий процедуру развода, исключалось понятие «незаконнорожденный», а женщина получала

оплачиваемый отпуск по уходу за новорожденным. Организация женотделов при комитетах компартии показывала, что большевики уделяют значительное внимание женскому вопросу.

Приехавшие в СССР американки, как показывают эго-документы, не были шокированы царящей разрухой и голодом, они списывали все это на переходный период к обществу всеобщего равенства. Их манила цель – освобождение женщины от бытовых забот и формирование нового типа женщины-труженицы. Однако, подчеркивает автор, на деле советские женщины сталкивались с ограничениями, новые законы исполнялись не всегда, недоставало яслей и детских садов, декретный отпуск зачастую не оплачивался. Американка Энн О'Хэр Маккормик отмечала, что советские женщины трудятся на равных с мужчинами на физически тяжелых работах, но что касается важных, ведущих должностей, то число женщин незначительно.

В первой части «Нежные революционерки и спасительницы детей» значительное место занимает биография Е.К. Брешко-Брешковской («бабушка русской революции») и описание ее поездки в США. Движимая идеалами, она позиционировала себя прежде всего как революционерка и лишь потом как жена и мать. Брешко-Брешковская говорила о важности моральной и материальной поддержки русской революции со стороны цивилизованных стран. Но, несмотря на теплый и даже отчасти восторженный прием, американцы не спешили оказать материальную помощь русскому революционному движению. В 1919 г. «бабушка русской революции» еще раз посетила США. Однако на этот раз прием оказался не таким теплым. Некоторые друзья и бывшие соратники отошли от нее: ведь она теперь рассказывала о злодеяниях и вероломстве большевиков. Американцы не хотели ей верить.

Вторая глава «Спасители детей и дети-спасители» посвящена помощи американских организаций беспризорным и голодающим детям в СССР. Автор отмечает, что многие американки вступали в различные организации и комитеты, так как это на первых порах было единственным способом попасть в закрытую страну. Историк пересказывает неопубликованный рассказ Луизы Брайант, основанный на реальных событиях. В Петрограде она встретила мальчика Серёжу (в действительности его звали Ваней), который потерял родителей в годы Первой мировой войны. Сердобольная американка пожалела очаровавшего ее ребенка и устроила в детский дом. Со временем нашлись родители мальчика, и история закончилась благополучно. Принимая деятельное участие в судьбе

русского мальчика, американская благотворительница тем самым ощущала свою связь с Россией, пишет Микенберг. И далее она продолжает: русские дети служили объектом сострадания, источником надежды, существенным стимулом, заставлявшим американок приезжать в большевистскую Россию. В глазах дам-благотворительниц, особенно представительниц американских левых, эти дети играли важную роль. Они были первым поколением, растущим в новых условиях революционной страны.

В помощи беспризорным, особенно в период голода 1921–1922 гг., важную роль сыграл Американский комитет Друзей на службе обществу (квакерская благотворительная организация, созданная в 1917 г.). Он помогал американкам попасть в бедствующую страну и оказать помощь голодным и нуждающимся. В 1919 г. был создан Чрезвычайный комитет американских женщин (ЧКАЖ). Комитет действовал на протяжении двух лет, внес свой вклад в развитие отношений между Россией и США. Члены ЧКАЖ собирали средства, проводили митинги и демонстрации с призывом нормализовать отношения между двумя странами и помочь обездоленным детям.

Наряду с ЧКАЖ действовали и другие организации. Правительственная Американская администрация помощи (ARA), Американский Красный Крест ставили своей сверхзадачей вызвать сочувствие к нуждающимся детям и одновременно продемонстрировать, что только США могут облегчить их страдания.

Большой вклад в гуманитарную помощь внесли английские и американские квакеры. В отличие от других религиозных гуманитарных объединений, квакеры (и это подчеркивается автором) стремились не только распространять свои взгляды, но и оказывали конкретную, реальную помощь голодающим детям.

Далее автор особо останавливается на деятельности американки Анны Дж. Хейнс, координировавшей работу американских и британских квакеров. В общей сложности она провела в России больше десяти лет. Она верила в то, что большевики заботятся о своем народе, что особенно заметно в их отношении к детям. Признавая лишения и бедствия русских детей, Хейнс видела в этом источник их роста и развития.

К середине лета 1921 г., в условиях разразившегося голода, который охватил 35 регионов с населением в 25 млн человек, правительство большевиков поняло, что им не обойтись без зарубежной гуманитарной помощи. Вскоре на этот призыв откликнулась Американская администрация помощи, возглавляемая Гербертом

Гувером. Он ставил перед сотрудниками амбициозные, политические задачи. Гувер считал, что если накормить голодных, то большевики отвернутся от коммунизма, а американцы проявят свой интернациональный дух. Не менее важным для него было продвижение американских интересов, поиски рынков сбыта американской продукции. Микенберг критически оценивает работу АРА. Ссылаясь на эго-документы, она пишет, что ее работники не уважали русский народ и правительство большевиков.

Далее автор обращается к деятельности писательницы и журналистки Анны Луизы Стронг, которая на протяжении ряда лет занималась гуманитарной помощью советским людям. Стронг выросла в семье квакеров и, по словам Микенберг, сменила одну религию на другую, уверовав в социалистические идеи. Она принимала участие в организации поездов с продовольствием, подбирала брошенных детей. В этих тяжких условиях произошел ее идейный переворот. Теперь жизненным идеалом стали для нее молодые, целеустремленные члены компартии. Наряду с этим она писала журналистские очерки и статьи, отсылала их в газеты США и Великобритании. Если англичане публиковали ее репортажи, то в США их не читали, отмечает историк.

В 1924 г. Стронг предложили создать комитет, состоящий из американцев, который курировал бы все детские колонии. Она стала рассылать обращения к самым разным людям в США. В их число входили светские львицы и священник-пацифист, директор средней школы и преподаватель математики. В том же году Стронг опубликовала очерк «Детская колония на Волге», где описывала, как воспитанники получают полезные навыки и приобщаются к труду. Главной целью работы коммуны была социальная адаптация брошенных и беспризорных детей. Стронг обращалась к американцам с призывом помочь деньгами, принять участие в волонтерской работе. Она не закрывала глаза на сложности жизни колонистов, им зачастую не хватало самых простых вещей: еды, одежды, средств личной гигиены. В 1943 г. вышел роман Стронг «Буйная река», в котором она описала свои впечатления о жизни и деятельности колонии.

Во второй части книги «Жизнь и работа в новой России: от Кузбасса до Москвы» Микенберг подробно описывает судьбы нескольких американцев, устроившихся работать на советских предприятиях или в газетах. Основное внимание привлекает судьба Рут Кеннелл. Вместе с мужем они приехали в Советскую Россию и поселились в американской автономной колонии «Кузбасс». По замыслу американцев, в ее

работе должны были сочетаться создание промышленного предприятия, организованного на американский манер, но с коммунистическим хозяйством. Они мечтали, что работа в колонии продемонстрирует международную солидарность и тем самым американцы убедятся в жизнеспособности советского строя. Согласно правилам колонии, американские рабочие давали клятву (текст был написан В.И. Лениным), обещая трудиться с максимальной отдачей, стойко переносить тяготы, невзгоды и лишения. В свою очередь советское правительство гарантировало страховку, отпуск и обучение колонистов. Но на деле все обстояло иначе. Добираясь до Кузбасса, американцы видели разоренную страну, население которой страдало от голода, разрухи и других неурядиц. Работать в колонии было непросто, колонисты конфликтовали с местными жителями, столкнулись с нехваткой жилья и чудовищными санитарными условиями, распрями между американскими рабочими и их соотечественниками – конторскими служащими. Тем не менее Рут восторженно описывала быт колонии и считала, что это пример настоящего коммунизма.

Постепенно, однако, в колонии накапливалось разочарование, американцы стали возвращаться на родину. Но Рут предпочла остаться еще на некоторое время, хотя и сталкивалась с такими же трудностями. Перед тем как уехать из Кузбасса, она опубликовала очерк «Конец “Кузбасса”». В нем она признавала, что социальный эксперимент колонии-коммуны не состоялся, но производство было налажено. Уставшая и разочарованная, она уехала в Москву, где нашла работу в Коминтерне.

В четвертой главе «Взгляды, прикованные к России» автор снова уделяет внимание деятельности А.Л. Стронг. Она создала газету, выходившую в России, но на английском языке. Стронг была сильным репортером, автором многих книг и статей по истории СССР. В своих произведениях она показывала положительные и вдохновляющие моменты из жизни страны. Стронг хотела создать независимую газету, где публиковались бы новости из жизни американских рабочих, трудившихся на советских предприятиях, в пике экономического кризису в США приводились данные о советских достижениях. Однако такая ситуация длилась недолго, руководство газеты сменилось, сотрудники, нанятые Стронг, были уволены. Вместо журналистских репортажей стали публиковаться переводы из советских газет.

В пятой главе выделяются сюжеты об Айседоре Дункан и Полин Конер, американских танцовщицах, приехавших в СССР. Дункан активно сотрудничала с советским правительством и создала

школу танцев для русских детей. Балерина ставила перед собой серьезные цели. Она хотела в своем танце показать достижения СССР и обучать детей-сирот танцевальным движениям, благодаря которым они могли бы раскрепоститься. Ее идеи были поддержаны Н.И. Подвойским, А.В. Луначарским и В.И. Лениным.

Конер получила приглашение от советского правительства и приехала в Москву в 1934 г. В письмах к родным она восторженно описывала советскую столицу как место, где можно творчески развиваться. Выступления были благожелательно встречены публикой и советским правительством. Ей предложили сотрудничество со школой балета Мариинского театра, а также продлили контракт, по которому она получала самую высокую оплату. Конер много гастролировала по стране, и ее представления вызывали восторженную оценку публики.

Дункан и ее коллеги – американские танцовщицы – романтически оценивали создание нового социального строя и надеялись поделиться с молодежью, особенно с молодыми женщинами, танцевальными методами, соответствующими новой эпохе, пишет в конце главы исследовательница.

Третья часть «Зрелищная революция» посвящена так и не состоявшемуся проекту фильма «Черные и белые». Для участия в съемках в СССР прибыли двадцать два афроамериканца, среди них восемь женщин. Идея фильма состояла в том, чтобы показать положение негров в Америке. По мнению Микенберг, американские артисты направлялись в Советский Союз, чтобы почувствовать себя в новых условиях, в государстве, где не было расизма. И действительно, артисты были доброжелательно встречены публикой, им показывали достижения советского строя, водили их в театры и на демонстрации. Однако проект фильма так и не был реализован.

Заключительная, четвертая часть посвящена проблемам и сложностям жизни американок в СССР 1930-х годов. Большой террор радикально изменил настроения общества. Теперь главенствовали тревога, страх и недоверие. Репрессии коснулись и американских иммигрантов. Несколько сотрудников «Moscow News» были расстреляны. В Издательстве литературы на иностранных языках одного из сотрудников арестовали прямо на рабочем месте. Только во время Великой Отечественной войны, когда США стали союзником СССР, в пропаганде снова стали использовать положительные стороны советской жизни, вернулся героический образ советской женщины, но уже с оружием в руках. Героиней этой части книги стала фотограф Маргарет Бурк-Уайт. Она была первой

иностранкой, получившей разрешение посетить линию фронта. Фотографии Бурк-Уайт задали тон, как правильно относиться к русским, сражавшимся с нацизмом.

Затем исследовательница переходит к фильмам, посвященным СССР, которые были сняты американскими киностудиями. На первый план выдвигались женщины-воины, отважно сражавшиеся на фронтах и трудившиеся в тылу. Новая советская женщина стала образом не только в кино, но и в документальных книгах, романах.

Развитию отношений между двумя странами способствовали Общество помощи России в войне и Национальный совет американо-советской дружбы. Эти и подобные им общества были призваны преодолеть негативное отношение к СССР. Национальный совет американо-советской дружбы развернул широкую деятельность. Благодаря его работе проводились выставки, показывались кинокартины, посвященные СССР. Поражают масштабы деятельности этой организации. Например, совет влиял на формирование учебных программ, пропагандировал разными способами книги и фильмы о советской стране. Женский комитет, организованный в рамках совета, отличался высокой активностью. Члены этого комитета ставили целью популяризовать достижения советских женщин, их методы воспитания детей, показывали вклад женщин, воюющих на фронте во имя победы.

В эпилоге автор обращается к сложной и малоизученной теме шпионажа американок в пользу русских. В то же время в Советском Союзе некоторых американок обвиняли в шпионаже в пользу США. Один из примеров – судьба А.Л. Стронг. В 1949 г. она была арестована советскими спецслужбами по обвинению в шпионаже. Ее выслали из страны, и только спустя пять лет советская сторона сняла в нее обвинения. На родине она столкнулась с тем, что американские коммунисты отвернулись от нее, а ФБР подвергло сомнению ее лояльность.

Но даже после всего пережитого она осталась верна своим идеалам и верила в СССР как в новое общество. В 1956 г. вышла ее книга «Сталинская эпоха», в которой она признавала, что в стране проводились массовые репрессии, но, по мнению Стронг, репрессированные не страдали сильно. Она считала Сталина параноиком, но оправдывала его тем, что репрессивными мерами он старался спасти дело революции.

В заключение Микенберг отмечает важность знакомства с данными о «новых женщинах», их надеждами, неудачами, с их верой в общество равенства.

Ю.В. Дунаева

М.М. Минц

**СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ:
ЗА ПРЕДЕЛАМИ ИСТОРИИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ
(Реферативный обзор)**

Участие СССР во Второй мировой войне – поистине необъятная тема, по ее историографии можно написать не одну книгу. Данный обзор охватывает лишь ограниченную выборку публикаций, вышедших в последние годы на русском, английском и немецком языках и посвященных различным «небоевым» ее аспектам. История боевых действий, вооруженных сил и военного искусства – необходимая составляющая военной истории в целом. Это относится и ко Второй мировой войне. Тем не менее нельзя не признать, что в методологическом отношении литература по этим вопросам довольно однообразна и направлена в основном на прояснение и уточнение событийной канвы интересующих нас процессов. То же можно сказать и об истории внешней политики и международных отношений периода войны. С другой стороны, как отмечают составители книжной серии «Исследования по социальной и культурной истории современных войн», издаваемой с 1999 г. Кембриджским университетом, «в последние годы область современной истории обогатилась исследованием двух параллельных историй. Это социальная и культурная история вооруженного конфликта и влияние военных событий на социальную и культурную историю». Книги, выпущенные в рамках серии, позволяют читателю ознакомиться с «плодами этой растущей области исследований, отражая как колонизацию военной истории культурными историками, так и ответный интерес военных историков к социальной и культурной истории, к общей выгоде для обеих сторон»¹. Публикации, представ-

---

¹ Studies in the social and cultural history of modern warfare // Cambridge University Press: [сайт]. – URL: <https://www.cambridge.org/gb/universitypress/subjects/>

ленные в данном обзоре, по большей части принадлежат именно к этому направлению, хотя и не относятся к упомянутой серии.

В качестве своеобразного введения в современную историографию Восточного фронта Второй мировой войны можно рассматривать изданный в 2020 г. сборник «Германо-советская война, 1941–1945: история и память», подготовленный коллективом немецких и российских историков под редакцией Ю. Заруского (1958–2019) и С. Штайнбахер [16]. Сборник содержит в общей сложности 12 статей, охватывающих такие вопросы, как советско-германские отношения в 1933–1941 гг., место Восточного фронта в истории Второй мировой войны, судьбы советских военнопленных, положение населения (в том числе евреев) на оккупированных территориях, память о войне в Германии, России и Украине.

Рассмотрим ряд работ, освещающих эти и некоторые другие вопросы более подробно.

Фронтная повседневность

Фронтные будни советских военнослужащих на протяжении четырехлетнего противоборства с нацистской Германией уже не раз становились предметом научного исследования. Б. Шехтер в монографии «Солдатские вещи: история Красной армии во Второй мировой войне через объекты» [21] обращается к этой теме под неожиданным углом зрения: он рассматривает материальную культуру Красной армии, ее эволюцию и влияние на самовосприятие солдат и офицеров, на осмысление ими собственного опыта. Его работа, таким образом, относится к истории вещей и продолжает своеобразный «материальный поворот», наметившийся в историографии в 2000-е годы, с характерным для него отходом от прежнего антропоцентризма в исследованиях и повышенным вниманием к истории материального мира как внешней среды, которая не только является фоном для исторических и культурных процессов, но и в известной степени определяет их характер и содержание.

Кратко описывая в предисловии, насколько сильно изменилась Красная армия с 1941 по 1943 год, автор заключает: «Данная книга рассказывает историю тех драматических изменений – из

отчаявшейся, отступающей массы в победоносную армию – с точки зрения солдатского опыта. [...] Это история, которая может быть должным образом рассказана только посредством объектов, которые следовало освоить, чтобы сделать победу возможной». Бойцы Красной армии, продолжает он, «должны были научиться чувствовать себя удобно и уверенно в своей непритязательной форме, глубоко зарываться в землю маленькими саперными лопатками и убивать, используя различные виды оружия» [21, р. XIII]. Шехтер не касается того, «как функционировало советское руководство и принимались решения. Вместо этого в центре данной книги находится вопрос о том, как эти решения выполнялись и воспринимались солдатами» [21, р. 250, note 7]. Он опирается на довольно обширный и разнообразный набор источников, включая внутреннюю документацию военного ведомства и политорганов, приказы, военные уставы и наставления, армейскую прессу, а также источники личного происхождения и художественную литературу, прежде всего «лейтенантскую прозу».

Автор также оговаривается, что хронологически его работа охватывает только боевые действия на Восточном фронте с 22 июня 1941 по 9 мая 1945 г. Кроме того, он ограничил свое исследование сухопутными силами Красной армии – отчасти из-за большого объема материала, отчасти из-за того, что «моряки и летчики имели дело с совсем иной материальной культурой, и их жизненный уклад довольно сильно отличался от наземных войск» [21, р. XXIV]. В монографии рассматриваются три комплекса проблем, так или иначе связанных с материальным окружением человека на войне: человеческое тело в армии, в том числе военная форма, пища и кухонная утварь (часть I книги); практики выживания на передовой, окопы и блиндажи, саперный инвентарь, оружие как инструмент убийства (часть II); вещевой мешок, личные вещи солдат и «трофеи» (часть III).

Тему фронтовой повседневности продолжает статья М. Лини «Эмоции и психологическое выживание в Красной армии, 1941–1942» [19], написанная в рамках истории эмоций и посвященная чувствам и переживаниям советских солдат и офицеров в первые 15 месяцев войны с Германией (июнь 1941 – ранняя осень 1942 г.), то есть в наиболее тяжелый для СССР период. Автор отмечает, что в историографии до сих пор продолжают споры о причинах, благодаря которым Советский Союз сумел устоять в начавшейся войне, несмотря на катастрофические поражения 1941–1942 гг., причем разные исследователи придают наибольшее значение раз-

ным факторам, объективным или субъективным. Для того чтобы оценить роль морального фактора в поражениях и победах Красной армии, необходимо специальное изучение того, как советские военнослужащие воспринимали и переживали свой фронтовой опыт. Статья основана на письмах и дневниках советских военных – главным образом младших офицеров, отличившихся более высоким уровнем образования по сравнению с рядовыми красноармейцами и в то же время постоянно находившихся вместе с ними на передовой, в отличие от старшего командного состава и генералов. Во вводном разделе содержится краткий, но емкий источниковедческий анализ этих материалов. По словам Лины, запрет на ведение дневников в действующей армии, вопреки распространенному заблуждению, соблюдался не строго, и хотя по сравнению с другими видами источников количество дошедших до нас дневников относительно невелико, речь тем не менее идет, как минимум, о сотнях, возможно, даже о тысячах. В самой статье используются 62 дневника [19, р. 319]. Автор рассматривает только опыт военнослужащих-мужчин, поскольку женское восприятие войны отличалось от мужского и требует отдельного исследования.

Блокада Ленинграда

Из многочисленных работ, посвященных блокаде Ленинграда, стоит отметить 950-страничный сборник «Побратимы» под редакцией Ю. З. Кантор [8] о судьбах ленинградцев, эвакуированных на Большую землю. Как отмечает Кантор в предисловии, жизнь блокадников в эвакуации до сих пор не становилась предметом системного и всестороннего исследования, хотя вывозились они в самые разные части Союза, многих ленинградцев это спасло от гибели, а эвакуация промышленных предприятий, научных учреждений и учебных заведений оказала значительное влияние на дальнейшее развитие соответствующих городов и регионов. Авторы сборника попытались представить целостную и достаточно подробную картину самого процесса эвакуации и последующего выживания ленинградцев на новом месте. Книга включает в себя в общей сложности 29 статей, 27 из них посвящены конкретным областям РСФСР, а также среднеазиатским республикам, которые также принимали эвакуированных. Во вводной статье Кантор рассматривается процесс эвакуации в целом, в заключительной статье И.А. Карпенко – возвращение из эвакуации.

Представляет интерес также историко-психологическое исследование М. А. Гулиной и Ф. В. Гулина [2] об отложенных последствиях военной травмы для тех жителей Ленинграда, которые застали блокаду еще детьми. Книга написана на материале более 120 интервью, собранных в рамках многолетнего проекта по изучению психологических последствий блокады, осуществлявшегося под руководством М. А. Гулиной с 2005 г. Авторы комбинируют сугубо психологический инструментарий с методами устной истории, в книге приводятся тексты использованных интервью. Издание, таким образом, может оказаться полезным не только для психологов, но и для историков, изучающих блокаду Ленинграда.

Плен

О советских военнослужащих, оказавшихся в немецком плену, существует уже довольно обширный массив литературы. Р. Отто и Р. Келлер в своей монографии [7] исследуют малоизвестную составляющую данной темы, а именно практику перевода советских солдат и офицеров из лагерей военнопленных в концентрационные лагеря, как с лишением статуса военнопленного, так и с сохранением такового. Книга представляет собой результат почти 30-летней работы, включая среди прочего большой исследовательский проект по уточнению имен и биографий советских узников Маутхаузена. Рутинный сбор необходимых сведений в германских и российских архивах, а также в архивах других постсоветских республик (не только по Маутхаузену, но и по другим концлагерям) сделал возможными более широкие научные обобщения.

Согласно Женевской конвенции 1929 г., попавшие в плен советские военнослужащие находились в ведении Вермахта и должны были содержаться в отдельных лагерях. Тем не менее около 100 тыс. человек на протяжении войны были переданы в концлагеря СС, где часть из них были убиты, другие использовались на принудительных работах [7, с. 15]. Как отмечается в книге, в историографии данная практика нацистов до сих пор почти не исследована, хотя и являлась грубейшим нарушением международного гуманитарного права [7, с. 15–16]. В качестве источников авторы использовали документы германского Федерального архива (включая Федеральный военный архив), трофейные немецкие документы в российских архивах, советские документы по военнопленным красноармейцам, документальные фонды мемориалов на месте бывших концлагерей и др.

В ходе этой работы Отто и Келлеру удалось в целом довольно подробно реконструировать систему обращения с военнопленными, переданными в распоряжение СС, заложив прочную основу для дальнейших изысканий в данной области. Неожиданностью для них стали такие открытия, как возможность подробно изучить движение сопротивления в концлагерях (несмотря на крайнюю скудость имеющейся источниковой базы), а также тот факт, что в концлагеря СС отправляли не только советских военнопленных, но и граждан других стран, хотя и в гораздо меньших количествах. Из последних чаще всего с этим сталкивались испанцы, служившие во французской армии, причем еще до начала операции «Барбаросса». Обращение с ними очень похоже на то, как в дальнейшем обращались с советскими военнопленными, поскольку испанцы также рассматривались нацистами как потенциальные коммунисты. В книге не затрагивается вопрос о медицинских опытах на советских военнопленных, так как данная тема требует специального исследования [7, с. 18–19]. В качестве приложения авторы приводят также краткий глоссарий важнейших терминов, знание которых позволяет избежать многих типичных ошибок при работе с источниками.

Еще одну малоизученную тему рассматривает О. И. Нуждин в монографии о советских генералах и старших офицерах (от полковника и выше, включая политработников полкового и бригадного звена, а также специалистов 1-го ранга), оказавшихся в плену [6]. Как отмечается во введении, данный вопрос, несмотря на всю его важность, до сих пор исследован лишь фрагментарно, в основном на уровне биографических справочников и развернутых биографий отдельных признанных героев (таких как Д. М. Карбышев) и антигероев (А. А. Власов), причем остается неизвестным даже количество высших офицеров, попавших в плен, равно как и обстоятельства пленения подавляющего большинства из них. Во многом это связано с характерными для советской идеологии предубеждениями в отношении бывших военнопленных.

Насколько можно судить по ссылкам, исследование выполнено в основном на основе немецких документов, хранящихся в РГВА, ЦАМО, Федеральном военном архиве Германии, и фотокопий немецких документов из Национального управления архивов и документации США. Также используются советские архивные материалы и крайне немногочисленные воспоминания советских военных, переживших плен. В приложении к книге приводится подборка протоколов допросов советских военнопленных.

Автору удалось выявить в общей сложности «порядка 485 командиров в звании полковника, около 20 командиров дивизионного и бригадного звена, столько же политработников от корпусного до бригадного комиссара, 46 полковых комиссаров, попавших в немецкий, финский, словацкий или иной плен» [6, с. 420]. Около десятка из них были захвачены тяжелоранеными и вскоре умерли от ран, но в значительной части случаев полковники и генералы сдавались в плен добровольно. Захватывая в плен раненых высших офицеров, немцы, как правило, оказывали им медицинскую помощь, некоторые благодаря этому остались в живых. Вместе с тем число явных перебежчиков (целенаправленно перешедших к противнику, а не просто оказавшихся в безвыходном положении) довольно невелико, автору известны всего семь или восемь таких случаев. Он отмечает также, что, вопреки распространенному стереотипу о немецкой пунктуальности и педантичности, немецкие документы по военнопленным составлялись часто крайне небрежно, даже с учетом содержащейся в них информации в доступной источниковой базе остаются значительные лакуны.

Оккупированные территории

В книге Ф. Экселер «Призраки войны» [17] рассматривается положение жителей Белоруссии в годы нацистской оккупации, а также влияние военного опыта, конфликтов и травм на повседневную жизнь граждан республики и отношения между ними в мирный период. Хронологически работа охватывает отрезок с начала XX в. (истоки многих межэтнических и других конфликтов времен Второй мировой войны лежат в предшествующих ей десятилетиях) до 1960-х годов. Территориальные рамки исследования включают в себя всю территорию Белоруссии, в том числе до 1945 г. – также и Белостокскую область, аннексированную Советским Союзом в 1939 г., но после войны возвращенную Польше.

Автор использует довольно обширную выборку источников, включая документы 16 белорусских, российских, германских, израильских, польских, украинских и американских архивов, советские газеты и публичные речи, а также значительный массив источников личного происхождения на русском, немецком, польском, английском и белорусском языках, в том числе интервью, которые удалось собрать ей самой в Беларуси, Израиле и Германии. Из архивных материалов активно используются документы партийных

органов и ряда государственных ведомств, кадровая статистика, отчеты сотрудников прокуратуры, а также документы немецкой оккупационной администрации и материалы судебных процессов над нацистскими преступниками в послевоенной Германии. Среди источников личного происхождения, наряду с воспоминаниями, дневниками и материалами устной истории, особую группу составляют «письма во власть».

Структура книги выстроена по проблемно-хронологическому принципу и включает в себя введение, шесть глав и послесловие. Автор последовательно рассматривает такие вопросы, как социально-политические процессы на территории будущей Белорусской ССР в начале XX в., германский оккупационный режим в 1941–1944 гг., Холокост, партизанское движение, положение гражданского населения оккупированных территорий, стратегии выживания, восстановление советской администрации в 1944 г. и в последующие годы, эволюция репрессивных практик государства по отношению к бывшим коллаборационистам в 40-е – начале 60-х гг. (включая эволюцию подходов к тому, кого следует считать коллаборационистом), социальные отношения в республике в период возвращения к мирной жизни, послевоенная политика памяти. Завершает книгу отдельная заметка, посвященная подсчетам людских потерь Белоруссии в годы Второй мировой войны.

Тему оккупации продолжает коллективная монография «Народ и власть» под редакцией Е. Е. Красноженовой и А. И. Корсак [5]. Авторы попытались «на основе архивных документов раскрыть сущность нацистского оккупационного режима на пограничной территории Северо-Запада России и Беларуси» [5, с. 4], территориально их исследование охватывает современные Ленинградскую, Псковскую, Новгородскую и Смоленскую области России, а также Витебскую область Беларуси. В фокусе внимания авторов – организация управления оккупированными территориями, положение гражданского населения, партизанское движение (историю городского подполья авторы не изучали) и методы борьбы с ним, увековечение памяти о погибших партизанах и мирных жителях, суды над военными преступниками. В приложении приводится подборка документов по теме исследования.

Источниковую базу работы составили фонды 15 российских и белорусских архивов, а также материалы Федерального архива Германии и Национального управления архивов и документации США, периодическая печать изучаемого периода, источники личного происхождения. Книга в целом довольно обстоятельная, но

носит чисто фактологический характер, авторы ограничились лишь первичным анализом собранных материалов без каких-либо обобщающих выводов. Возможно, это было связано с нехваткой времени, поскольку исследование проводилось по совместному гранту РФФИ и БРФФИ и сам текст явно писался в спешке.

Холокост

В 2019–2020 гг. одна за другой вышли сразу две большие работы на одну и ту же тему – о польских евреях, которые после раздела Польши между СССР и Германией в 1939 г. оказались на территории, оккупированной немцами, и бежали в бывшую Восточную Польшу, аннексированную Советским Союзом. Первой в 2019 г. увидела свет монография М. Нессельродта «Бежавшие от Холокоста: польские евреи в Советском Союзе, 1939–1946» [20], основанная главным образом на источниках личного происхождения, прежде всего на воспоминаниях польских евреев, проживавших в СССР в годы войны, – начиная с самых ранних записей, относящихся еще ко второй половине 1940-х годов, и заканчивая материалами, собранными и опубликованными после 1980 г. Нессельродт использует также художественные произведения, основанные на личном опыте их авторов, поскольку они нередко содержат подробности, отсутствующие в «традиционных» источниках. Во введении к книге приводится источниковедческий анализ использованных материалов [20, S. 26–35]. Хронологически исследование охватывает период с 1 сентября 1939 г. (начало германского вторжения в Польшу) до лета 1946 г. (в первой половине 1946 г. произошла репатриация в Польшу тех ее граждан, которые еще оставались в СССР, включая евреев) [20, S. 5–6]. Автора интересует не только то, «что польские евреи пережили в Советском Союзе», но и то, как они сами осмыслили пережитые ими катаклизмы [20, S. 5].

Годом позже появилась книга Э. Р. Адлер «Выживание на обочине: польско-еврейские беженцы в Советском Союзе во время войны» [13]. Адлер также использовала главным образом воспоминания бывших польских беженцев-евреев, но привлекла и обширный массив документальных источников. Она оговаривается, однако, что документальная база по теме исследования остается весьма ограниченной, поскольку основной массив документов хранится в бывших архивах советских органов госбезопасности,

которые по-прежнему малодоступны для историков, не только в России, но и в других постсоветских республиках.

Исследуемая группа беженцев была довольно большой: по оценке Адлер – не менее 100 тыс. человек [13, р. 2], по подсчетам Нессельродта – около 300 тысяч [20, S. 2]. В дальнейшем большинство из них были депортированы в отдаленные регионы СССР как неблагонадежные граждане ликвидированного польского государства (в их позднейших воспоминаниях обычно упоминается депортация в «Сибирь», однако в действительности польских евреев ссылали также на Дальний Восток, в Казахстан, на Урал и т.д.). Парадоксальным образом эта ссылка спасла их от гибели в первые месяцы начавшегося германского вторжения в Советский Союз в 1941 г. В том же году депортированные польские евреи были амнистированы, многим удалось перебраться в Среднюю Азию. Некоторые сумели покинуть СССР в 1942 г. вместе с армией Андерса. Более 200 тыс. человек после окончания войны были возвращены в Польшу [20, S. 2], откуда многие в дальнейшем эмигрировали в другие западные страны либо в Израиль. Как отмечают и Адлер, и Нессельродт, судьбы этих людей вплоть до недавнего времени по разным причинам почти не изучались историками. Их «реинтеграция» в исторический нарратив заставляет переосмыслить многие аспекты истории Польши, СССР, Второй мировой войны и Катастрофы европейского еврейства.

Из других изданий последних лет следует отметить также сборник «За пределами черты оседлости» под редакцией К. Брукса и К. Фефермана [15] – первую книгу на английском языке, целиком посвященную геноциду евреев на Северном Кавказе, до сих пор малоизученной странице истории Катастрофы. Как отмечают составители во введении, авторы сборника не стремились написать всестороннее исследование данной темы, но попытались осветить некоторые наиболее важные ее составляющие (история Северного Кавказа до Второй мировой войны, положение евреев в регионе к лету 1942 г., германское вторжение на Северный Кавказ в рамках операции «Блау», организация геноцида, отношение местного населения к убийствам евреев, стратегии выживания, Холокост в исторической памяти народов региона). Геноцид евреев авторы рассматривают не изолированно, а в более широком историческом контексте: как подчеркивается во введении, Северный Кавказ на протяжении новой и новейшей истории пережил несколько волн массового насилия, в том числе Кавказскую войну, Гражданскую войну в России, сталинские репрессии и Вторую мировую войну,

которые среди прочего нередко сопровождалась насилием по этническому признаку, включая переселение чеченцев на равнину еще в имперский период и сталинские депортации северокавказских народов. Убийства евреев стали составной частью этих процессов. Учитывая сложность проблемы, составители сборника постарались представить в нем максимально широкое сообщество историков как географически (в сборнике участвуют ученые из России, Израиля, Западной Европы и США), так и в отношении тематики исследований (в число авторов вошли специалисты не только по истории Холокоста как таковой, но и по военной истории, социологии, международным отношениям). Источниковую базу составили в основном советские архивные материалы, а также документы германских послевоенных судебных процессов и материалы устной истории. Местные архивы, по словам составителей, остаются по большей части недоступными для исследователей [15, p. 8].

Советский тыл

Как отмечается во введении к сборнику «Советский тыл, 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны» под редакцией Б. Физелер и Р. Д. Марквика, история тыла (не только в России) до недавнего времени оставалась преимущественно в тени истории боевых действий и требует дальнейшего внимательного изучения [12, с. 5–6]. Сборник, состоящий из введения и 17 статей, подготовлен по материалам международной конференции «Повседневная жизнь в годы войны: советский тыл 1941–1945 гг.», состоявшейся в Дюссельдорфе в 2014 г. Ее участники попытались рассмотреть ситуацию в советском тылу с точки зрения истории повседневности, в том числе исследовать взаимоотношения между государством и гражданами, механизмы государственного принуждения (как на производстве, так и, например, при организации кампаний по сбору средств для армии), соотношение между принуждением и искренним желанием граждан сделать все возможное для скорейшей победы над нацизмом. Помимо этого в статьях сборника анализируются и такие вопросы, как положение женщин, детей, рабочих, заключенных, пропаганда, вклад церкви в мобилизацию населения на борьбу с врагом, семейные отношения и даже советская мода военного времени. В завершающей статье Б. Бонвеча подводятся общие итоги совместного исследовательского проекта.

Чрезвычайно обстоятельный анализ ситуации в советском тылу на всем протяжении войны с Германией (в основном на материале крупных городов) предпринят в фундаментальной монографии В. З. Голдман и Д. Филцера «Крепость мрачная и грозная» [18]. Исследуемые социально-экономические процессы они рассматривают с двух точек зрения. С одной стороны, в книге подробно разбираются мероприятия советского государства по мобилизации экономики, эвакуации промышленных предприятий из европейской части СССР, снабжению населения продовольствием в условиях тотальной войны и т.д. С другой – изучается повседневный опыт простых советских граждан, включая их реакцию на решения властей, стратегии выживания и т.д. В методологическом отношении исследование, таким образом, относится к «новой политической истории». Работа основана на исключительно обширной источниковой базе, авторы проанализировали в общей сложности 24 фонда в четырех архивах (ГАРФ, РГАЭ, РГАСПИ, Научный архив ИРИ РАН). Региональные архивы они не изучали, однако довольно значительный материал о ситуации на местах содержится в выявленных ими документах центральных советских учреждений и органов, а также в документах ИРИ РАН и источниках личного происхождения.

Как подчеркивают Голдман и Филцер, победа советских войск над германскими армиями на Восточном фронте обеспечивалась многочисленными производственными цепочками в тылу, эффективное функционирование которых в свою очередь стало результатом совместных усилий государства и широких слоев населения. Авторы также приходят к выводу, что столь активное и деятельное участие граждан в работе по переводу экономики на военные рельсы невозможно объяснить простым принуждением: «Безусловно, на критических стройках и производствах военного времени использовался принудительный труд заключенных, а рабочие были привязаны к своим рабочим местам суровыми положениями строгих трудовых законов. Тем не менее данная книга показывает, что возможности государства осуществлять контроль посредством принуждения были ограничены и подавляющее большинство людей поддерживали военные усилия добровольно. Некоторые рабочие поначалу отказывались демонтировать и эвакуировать “свои” заводы, но гораздо больше рисковали жизнью, чтобы сделать эвакуацию возможной» [18, р. 9]. Суровость трудового законодательства отчасти компенсировалась отсутствием у местной администрации необходимых ресурсов, а зачастую и же-

лания применять эти законы по всей строгости, поэтому рабочие нередко рассматривали возможное наказание как меньшее из зол. Только в 1943–1944 гг. за самовольный уход с предприятий были осуждены около 700 тыс. человек, однако поймать удалось лишь 20% беглецов. При этом наиболее частой причиной побега являлись нестерпимые условия жизни и труда, с которыми нередко сталкивались лица, мобилизованные на работу в промышленности. По возвращении домой большинство беглецов поступали на местные предприятия или возобновляли работу в своем колхозе – иными словами, продолжали в меру сил трудиться на нужды войны. Возможности государственного принуждения, таким образом, имели свои пределы. Успехи советской военной экономики были бы недостижимы, если бы сами советские граждане в массе своей не были готовы к тяжелейшим усилиям и лишениям во имя победы.

Эффективность армии и тыла в некотором смысле изменялась в противофазе: если в 1941–1942 гг. властям удалось в общем успешно решить сложнейшую задачу по эвакуации предприятий из европейской части страны и развертыванию производства в удаленных от фронта регионах, то начиная с 1943 г., после победы под Сталинградом и окончательного перелома в ходе войны, производственные возможности тыла оказались на грани истощения. Сказались такие факторы, как нехватка рабочей силы, хроническое недоедание, по-прежнему крайне тяжелые условия жизни и труда и т.д., так что к началу 1945 г. советская экономика находилась в состоянии глубокого кризиса.

Таким образом, ситуация в советском тылу воспроизводится в книге во всей ее сложности. Авторы многократно оговариваются, что тяжелое положение населения тыловых областей в значительной степени было обусловлено объективными условиями тотальной войны и потерей обширных территорий в европейской части Союза с их промышленным и сельскохозяйственным потенциалом, и подтверждают это разнообразными статистическими данными. В то же время они описывают на многочисленных примерах и обратную сторону советской экономической мобилизации – бессистемность и непродуманность многих конкретных мер, которые не столько способствовали преодолению экономического кризиса, сколько дополнительно усугубляли его, и в целом пренебрежительное отношение политического руководства к нуждам и страданиям собственных граждан, рассматриваемых прежде всего в качестве потенциальной рабочей силы для оборонных заводов. Книга Голдман и Филцера обобщает результаты предшествующих изысканий по исто-

рии советского тыла во Вторую мировую войну и, несомненно, со-служит хорошую службу будущим исследователям.

Еще одной важной обобщающей работой (затрагивающей и сельскую местность) является монография М.С. Зинич [3]. Методологически она выполнена в рамках социальной истории и истории повседневности. Автор опирается на многочисленные публикации российских и зарубежных историков, вышедшие ранее главным образом на региональном материале; в своей собственной книге она постаралась собрать воедино и систематизировать эти наработки, проследить развитие интересующих ее процессов и тенденций в масштабах всего Союза. Она использует довольно разнообразный массив источников, включая нормативные акты, ведомственную документацию, статистические материалы, отчеты о настроениях населения, «письма во власть», дневники и воспоминания. Тематика работы отражает такие вопросы, как нормированное распределение продовольствия и товаров широкого потребления, практики выживания в городах, иностранная гуманитарная помощь, положение уязвимых групп населения (инвалиды, сироты) и семей фронтовиков, сбор денег и вещей в помощь армии (как относительно добровольный, так и принудительный), обеспечение жильем, медицинское обслуживание в городе и на селе, культурная жизнь.

Автор подчеркивает, что массовый патриотический подъем, готовность к лишениям и жертвам во имя победы были вполне искренними, поскольку такой уровень трудового энтузиазма и такие масштабы низовых инициатив по сбору помощи для армии, которые наблюдались в СССР во время войны, невозможно было бы обеспечить простым принуждением. Борьба против гитлеровской агрессии, таким образом, действительно объединила различные слои и группы населения, в том числе пострадавшие от сталинских репрессий в предшествующие годы, что стало одним из факторов, позволивших Советскому Союзу устоять в тяжелейшей схватке с Третьим рейхом. Вместе с тем складывается впечатление, что автор переоценивает добровольный характер многих низовых инициатив. Учитывая, что общественная жизнь в СССР довольно жестко контролировалась партией и подчиненными ей структурами (комсомол, профсоюзы и др.), вопрос о соотношении добровольности и различных форм принуждения во всевозможных массовых кампаниях, в том числе и в военные годы, нуждается в дополнительном исследовании.

Историю советских пенитенциарных учреждений в период Второй мировой войны анализирует У. Т. Белл [14], в основном на

материале Новосибирской области (в границах 1938 г., т.е. включая территории современных Кемеровской и Томской областей, образованных в 1943 и 1944 гг., соответственно). Его работа охватывает не только собственно исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ), но и колонии, а также спецпоселения и лагеря военнопленных. Автор отмечает во введении, что история ГУЛАГа в это время до сих пор исследована лишь частично как в российской, так и в западной науке. Кроме того, наиболее активно изучается опыт заключенных ИТЛ и спецпоселенцев, в то время как история исправительно-трудовых колоний известна гораздо хуже, хотя их доля в общей численности заключенных с 1 января 1941 по 1 января 1945 г. выросла с 22% до 51% и оставалась на этом уровне примерно до 1948 г., а по условиям содержания граница между колониями и лагерями была скорее формальной. Своей книгой Белл постарался частично заполнить эту лагуну на примере одного из российских регионов, который не относился к приоритетным с точки зрения союзного руководства, однако тем не менее был богат ресурсами, имел важное экономическое значение и содержал обширную и разветвленную систему лагерей, колоний и спецпоселков. Структура книги выстроена по тематическому принципу; автор последовательно рассматривает развитие западносибирских лагерей в предвоенный период, экономическую мобилизацию в годы войны, реакцию на начавшуюся войну со стороны заключенных и персонала, место и значение ГУЛАГа в советской военной экономике. Источниковую базу исследования составили документы лагерной администрации (включая как центральный аппарат ГУЛАГа, так и местные его структуры) и партийных органов, личные дела заключенных, а также воспоминания выживших лагерников. В общей сложности в книге используются документы восьми московских и сибирских архивов, включая негосударственные.

Труд узников ГУЛАГа применялся в самых разных областях. Заключенные и спецпоселенцы работали на военных заводах, производили снаряжение и продовольствие для армии, были задействованы на многих других промышленных предприятиях и стройках. Ценой, однако, была колоссальная смертность, самая высокая за всю историю сталинской пенитенциарной системы; при этом в экономическом отношении ГУЛАГ оставался убыточным, а объем продукции, произведенной за годы войны вольнонаемными рабочими, был несопоставимо выше. «Проще говоря, – заключает Белл, – как инструмент массовой мобилизации ГУЛАГ был по большей части не нужен, а его вклад [в победу] мог быть легко

достигнут другими путями» [14, р. 158]. Помимо бессмысленной гибели огромного количества заключенных следствием войны стала консервация ГУЛАГа, поскольку сталинское руководство, безразличное к человеческим жизням, окончательно уверилось в его мнимой «эффективности». Это привело к тому, что лагерная система продолжала существовать и развиваться также в послевоенные годы.

В ряде других работ проводится комплексный анализ ситуации в отдельных тыловых регионах. Так, исследование Е. Е. Красноженовой выполнено на материалах Нижнего Поволжья, прежде всего Сталинграда и Сталинградской области [4]. В сфере внимания автора находятся главным образом местные органы власти, включая перестройку их работы в военное время, мероприятия по укреплению тыла и обеспечению действующей армии (мобилизация и текущие призывы военнообязанных, воинский учет, народное ополчение и истребительные батальоны, помощь раненым и т.д.), а также обеспечение текущих потребностей населения (обеспечение жильем, продовольствием, медицинское обслуживание, работа учреждений культуры и пр.). Показано и то, как эти мероприятия властей отражались на положении самих советских граждан. В качестве источников используются фонды не только центральных (ГАРФ, РГАСПИ, РГАЭ), но и семи региональных архивов, а также опубликованные документы, периодическая печать, выступления партийных руководителей, «письма во власть», мемуаристика.

В описываемый период Нижнее Поволжье оказалось в непростом положении, поскольку численность городского населения резко выросла за счет эвакуированных, тогда как наличные ресурсы в условиях военного времени сократились до минимума, социальная сфера финансировалась по остаточному принципу. Кроме того, во время Сталинградской битвы часть территории региона была непосредственно охвачена боевыми действиями. Тем не менее даже с учетом всевозможных проблем, дополнительно усугублявшихся многочисленными злоупотреблениями, работу местной администрации в годы войны автор оценивает скорее положительно, отмечая в заключение, что «победа под Сталинградом была обеспечена работой местных органов власти крупнейшего региона РСФСР – Нижнего Поволжья» [4, с. 422].

Книга А. И. Репинецкого [10] посвящена истории города Куйбышева в период с октября 1941 по август 1943 г., когда он являлся фактически второй столицей СССР (автор предпочитает

именно этот термин встречающимся в историографии определениям «временная столица», «запасная столица» и др.). Сюда были эвакуированы многие высшие органы власти (Президиум Верховного совета СССР, часть аппарата ЦК ВКП(б), аппарат СНК СССР и др.), а также дипломатический корпус – один из важнейших определяющих признаков столицы государства в международном праве. Население города в результате эвакуации увеличилось почти в два раза, что резко осложнило положение с жильем и продовольственным снабжением. Кроме того, в городе были размещены 40 крупных военных заводов, в том числе эвакуированных. Репинский описывает самые разные стороны жизни Куйбышева в военные годы: функционирование высших органов власти СССР, работу дипломатических учреждений, оборонительные сооружения города, военный парад 7 ноября 1941 г., работу городских предприятий, вклад заключенных Безымянлага в строительство авиационных заводов и других объектов, культурную и повседневную жизнь горожан.

Как отмечается во введении, в послевоенные годы роль Куйбышева как второй столицы почти не освещалась в советской литературе. Автор связывает это с тем, что эвакуация из Москвы происходила в нелицеприятных для советского руководства обстоятельствах октября 1941 г., когда страна оказалась на грани военного поражения, а в 1950-е годы Куйбышев стал важным центром ракетной промышленности и вплоть до 1991 г. был закрыт для посещения иностранцами. Многие архивные документы, отражающие его функционирование в качестве второй столицы, не рассекречены до сих пор; частично восполнить этот пробел позволяет обращение к зарубежным источникам [10, с. 9–11].

События, описываемые в книге, оказали большое влияние на послевоенную жизнь Куйбышева. Несмотря на реэвакуацию части работников промышленных предприятий, его население в апреле 1945 г. насчитывало 600 тыс. человек против 390 тысяч в 1939 г. [10, с. 14, 264]. После окончания войны эвакуированные предприятия остались в городе, что предопределило траекторию его дальнейшего развития.

В работе И. М. Савицкого [11] показан вклад населения Западной Сибири в победу над Германией. В годы войны этот регион стал важным военно-промышленным центром Советского Союза, сюда были эвакуированы многие предприятия из европейской части страны. На территории Западной Сибири размещались многочисленные госпитали, формировались добровольческие соеди-

нения. Население региона приняло активное участие в военных заимках и в сборе средств через Фонд обороны СССР.

Из зарубежных публикаций представляет интерес также статья Р. С. Жаркынбаевой, А. С. Абдирайымовой и Г. Дадабаевой [22], посвященная эвакуационной политике советского руководства в годы войны (1941–1943) на примере эвакуации в Казахстан, куда были направлены около 1 500 000 человек из примерно 19–20 миллионов эвакуированных в восточные регионы Союза после германского нападения. Исследование основано на документах трех казахстанских архивов (Центральный государственный архив Республики Казахстан, Национальный архив Республики Казахстан, Архив президента Республики Казахстан) и двух российских (РГАСПИ, Центральный государственный архив Санкт-Петербурга). Особое внимание уделяется положению самих эвакуированных.

По наблюдениям авторов, основным приоритетом советской эвакуационной политики была эвакуация материальных ценностей, а не людей. Эвакуация населения в свою очередь строилась по строго иерархическому принципу: высшие руководители и представители номенклатуры подлежали эвакуации в приоритетном порядке. Население Казахстана к эвакуированным относилось в основном благожелательно; их тяжелые условия жизни были обусловлены общим дефицитом необходимых ресурсов. Реевакуация началась в 1943 г.; часть эвакуированных остались в Казахстане, обзавелись семьями и внесли свой вклад в послевоенное развитие республики.

Отношения с союзниками

Отношения между СССР и западными союзниками остаются предметом дискуссий и споров. Во многом это связано с тем, что еще до окончания Второй мировой войны советским руководством был взят курс на замалчивание вклада союзников в борьбу с державами «оси», а в послевоенный период советская историография фактически строилась на том, что разгром Третьего рейха был исключительной заслугой СССР, который обладал достаточными ресурсами, чтобы самостоятельно освободить всю Европу, включая Францию. Участие союзников в боевых действиях против Германии в рамках данной парадигмы традиционно оценивалось как недостаточное, а экономическая помощь Советскому Союзу со

стороны США и Великобритании – как незначительная и не оказавшая существенного влияния на ход и результаты советско-германского противоборства. Данная тенденция сохраняется и в сегодняшней России; тем бóльшей ценностью обладают работы, авторы которых стремятся к объективному анализу истории антигитлеровской коалиции, включая и неизбежные разногласия между ее участниками.

Так, Г.Г. Попов в своей монографии попытался прежде всего изучить влияние операций в Западной Европе и Северной Африке в 1939–1945 гг. на события на Восточном фронте [9]. Собственно ход боевых действий он подробно не рассматривает, его интересует главным образом распределение ресурсов Германии и Италии между отдельными театрами Второй мировой войны на разных ее этапах. Описываются в книге и поставки по ленд-лизу, но достаточно сжато. Автор использует в основном трофейные германские документы, хранящиеся в РГВА и ЦАМО, а также опубликованный журнал боевых действий ОКВ и некоторые другие материалы из российских, британских и американских архивов. Книга оформлена как популярное издание, но в действительности представляет собой оригинальную научную работу, хотя и несколько поверхностную.

Автор приходит к выводу, что вклад западных союзников в победу над Третьим рейхом в российской историографии существенно недооценивается. Вопреки сложившемуся мнению, наступательные операции Вермахта в 1939 – первой половине 1941 г. не были «легкими прогулками», они потребовали серьезного напряжения всех сил Германии и сопровождались значительными потерями; морская и воздушная война с Великобританией поглощала экономические ресурсы Рейха. В дальнейшем, уже после начала операции «Барбаросса», на боевые действия против союзников, а также на поддержание оккупационного режима в Западной Европе отвлекалось от трети до 40% военного потенциала Германии. Гитлер вынужден был тратить танки и горючее на операции в Северной Африке, для защиты от англо-американских воздушных налетов немцам приходилось снимать с Восточного фронта авиационные соединения и части ПВО. Союзные десанты на Сицилии, а затем и в Италии в 1943 г. заметно облегчили положение Красной армии во второй половине того же года; аналогичным образом высадка в Нормандии в 1944 г. способствовала успешному разгрому советскими войсками группы армий «Центр» в Белоруссии.

Вопрос, был ли СССР в состоянии отразить нацистскую агрессию без помощи союзников, не имеет, по мнению Попова, убе-

длительного ответа, однако, несомненно, последствия борьбы один на один с Германией были бы для нашей страны еще более катастрофическими, чем фактические итоги войны на Восточном фронте. Вместе с тем исследователь критикует и западных лидеров, особенно У.С. Черчилля, за излишнее недоверие к Советскому Союзу. При более тесном взаимодействии между СССР, США и Великобританией и более решительных действиях союзников в Западной Европе победа над Германией, по его мнению, могла быть достигнута уже в 1944 г.

Наконец, фундаментальная работа И.В. Быстровой [1] посвящена истории ленд-лиза и особенно деятельности в США советской Правительственной закупочной комиссии (ПЗК). Ее документы, хранящиеся в РГАЭ и лишь недавно рассекреченные, составили основную источниковую базу исследования наряду с находящимися в РГАСПИ личными фондами Сталина, В.М. Молотова и А.И. Микояна. Книга состоит из введения, пяти тематических глав и заключения. Автор последовательно рассматривает начало американских поставок в СССР по ленд-лизу, организацию поставок, а также, что немаловажно, их номенклатуру, объемы и динамику. В отдельной главе описывается жизнь и работа советских представителей в США. В приложении к книге приводятся сводные таблицы поставок в СССР из США и Великобритании с 1 октября 1941 по 15 сентября 1945 г.

Быстрова отмечает, что в 1941 г. объем поставок по ленд-лизу был относительно небольшим, но сам факт сотрудничества с Великобританией и тогда еще нейтральными США оказывал советским гражданам заметную психологическую поддержку. В дальнейшем объемы поставок неуклонно возрастали. Кроме того, непосредственное вовлечение Соединенных Штатов в войну в результате японского удара по Перл-Харбору «косвенным образом способствовало оттягиванию сил фашистской коалиции в сторону США и Великобритании»; полученная советской разведкой информация о подготовке японцев к нападению на Америку позволила Сталину перебросить войска с Дальнего Востока на Западный фронт, что сыграло важную роль в отражении немецкого наступления на Москву [1, с. 409]. Динамика поставок по ленд-лизу менялась по мере того, как развивались события на фронте и в тылу: в 1941 г. наибольшее значение для СССР имели поставки вооружения, военной техники и боеприпасов, однако с 1942 г. стали расти заявки на стратегическое сырье и промышленное оборудование, а в 1943–1945 гг. постоянно росли поставки продовольствия

и транспортных средств. Продовольствие составляло наибольшую долю от общего объема поставок на всем протяжении войны. Поставки тушенки (приготовленной по советской рецептуре) и других продуктов позволили существенно улучшить продовольственное снабжение Красной армии; работники ПЗК всегда рассматривали эти грузы как приоритетные. Комиссия была ликвидирована только в 1948 г.; после прекращения поставок по ленд-лизу в сентябре 1945 г. она продолжала заниматься закупками на коммерческой основе. Ее работники принимали участие в создании таких крупнейших современных международных финансовых институтов, как Международный валютный фонд и Всемирный банк.

Подводя итог, автор приходит к выводу, что поставки по ленд-лизу «способствовали не только победе СССР и его союзников по антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне, но и восстановлению и модернизации советской экономики с помощью американских материалов и передовой техники» [1, с. 429].

Список литературы

1. *Быстрова И.В.* Ленд-лиз для СССР: экономика, техника, люди (1941–1945). – Москва : Кучково поле, 2019. – 479 с.: ил.
2. *Гулина М.А., Гулин Ф.В.* Травма военного детства: блокада, эвакуация, оккупация: историко-психологическое исследование. – Москва : Изд-во Московского университета, 2021. – 335 с.
3. *Зинич М.С.* Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. – Санкт-Петербург ; Москва : Центр гуманитарных инициатив, 2019. – 348 с.: ил. – (Historia Russica).
4. *Красноженова Е.Е.* Власть и общество в годы Великой Отечественной войны: охрана тыла и решение повседневного-бытовых проблем населения. – Санкт-Петербург : Политех-Пресс, 2019. – 462 с.
5. Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и Северо-Запада России в 1941–1944 гг. / Е.Е. Красноженова, А.И. Корсак, Б.Н. Ковалев, С.В. Кулик, С.В. Кулинок, Е.А. Гребень, В.Г. Колотушкин ; под ред. Е.Е. Красноженовой, А.И. Корсак. – Санкт-Петербург : А-Плюс, 2022. – 536 с.: ил.
6. *Нуждин О.И.* Генералы и полковники РККА в плену в годы Великой Отечественной войны. – Санкт-Петербург : Алетейя ; Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2020. – 530 с.: ил. – (Независимый альянс).
7. *Отто Р., Келлер Р.* Советские военнопленные в системе концлагерей Германии / пер. с нем. Л.В. Ланника, Н.А. Власова ; под науч. ред. Е.Л. Киселевой. – Москва : Аспект Пресс, 2020. – 399 с.: ил. – (Труды Мемориала концлагеря Маутхаузен ; т. 14).

8. Побратимы: регионам, принявшим жителей блокадного Ленинграда, посвящается / отв. ред. Ю.З. Кантор. – Москва : РОССПЭН, 2019. – 951 с.: ил.
9. *Попов Г.Г.* СССР и Второй фронт. – Москва : Вече, 2019. – 511 с.: ил. – (Военные тайны XX в.).
10. *Репинцевский А.И.* Военная столица СССР, 1941–1943 гг.: очерки истории города Куйбышева в годы Великой Отечественной войны. – Самара : Научно-технический центр, 2021. – 269 с.: ил.
11. *Савицкий И.М.* Трудовая и общественно-политическая деятельность населения Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. – Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения РАН, 2020. – 212 с.: ил.
12. Советский тыл, 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны / отв. сост. Б. Физелер, Р.Д. Марквик. – Москва : РОССПЭН, 2019. – 383 с.: ил.
13. *Adler E.R.* Survival on the margins: Polish Jewish refugees in the wartime Soviet Union. – Cambridge : Harvard University Press, 2020. – XVIII, 433 p.: ill.
14. *Bell W.T.* Stalin's Gulag at war: forced labour, mass death, and Soviet victory in the Second World War. – Toronto : University of Toronto Press, 2019. – XVI, 266 p.: ill.
15. Beyond the Pale: the Holocaust in the North Caucasus / ed. by C. Brooks, K. Feferman. – Rochester : University of Rochester Press, 2020. – XVI, 303 p.: ill.
16. Der deutsch-sowjetische Krieg, 1941–1945: Geschichte und Erinnerung / hrsg. von J. Zarusky, S. Steinbacher. – Göttingen : Wallstein, 2020. – 292 S. – (Dachauer Symposien zur Zeitgeschichte ; Bd. 18).
17. *Exeler F.* Ghosts of war: Nazi occupation and its aftermath in Soviet Belarus. – Ithaca ; London : Cornell University Press, [2022]. – XVI, 344 p.: ill.
18. *Goldman W.Z., Filtzer D.* Fortress dark and stern: the Soviet home front during World War II. – New York : Oxford University Press, 2021. – 528 p.
19. *Lenoe M.E.* Emotions and psychological survival in the Red Army, 1941–42 // *Kritika*. – 2021. – Vol. 22, N 2. – P. 313–344. – DOI: 10.1353/kri.2021.0016.
20. *Nesselrodt M.* Dem Holocaust entkommen: polnische Juden in der Sowjetunion, 1939–1946. – Berlin ; Boston : De Gruyter Oldenbourg, 2019. – VII, [3], 389 S. – (Europäisch-jüdische Studien: Beiträge ; Bd. 44).
21. *Schechter B.* The stuff of soldiers: a history of the Red Army in World War II through objects. – Ithaca, N. Y. : Cornell University Press, 2019. – XXVI, 315 p.: ill. – (Battlegrounds: Cornell studies in military history).
22. *Zharkynbayeva R., Abdirayimova A., Dadabaeva G.* The evacuation policy of the Soviet Union during the Second World War // *The journal of Slavic military studies*. – 2020. – Vol. 33, N 3. – P. 403–419. – DOI: 10.1080/13518046.2020.1824110.

О.В. Бабенко

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФРОНТОВЫХ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ БРИГАД И ТЕАТРОВ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(Обзор)**

В настоящем обзоре представлены публикации современных российских исследователей, посвященные деятельности фронтовых художественных бригад и театров в годы Великой Отечественной войны. Бригады и театры сыграли огромную роль в поддержании боевого духа солдат и офицеров Красной армии. Артисты, выступавшие в их составе, на какое-то время возвращали бойцов к мирной жизни, дарили надежду на лучшее, вселяли в них веру в победу. В последнее время ученые все чаще обращаются к этой теме в связи с особой актуальностью патриотизма на фоне сегодняшнего противостояния России и Запада.

В статье Д.А. Авинникова (Московский областной педагогический университет) [1] рассматривается участие выдающегося оперного тенора Сергея Яковлевича Лемешева (1902–1977) во фронтовых бригадах. 22 июня 1941 г. в Большом театре он участвовал в премьере спектакля «Ромео и Джульетта». Несмотря на то что утром того же дня началась война, премьера прошла успешно.

15 октября 1941 г. вышло постановление ГКО об эвакуации Москвы. Театры также подлежали эвакуации. В годы Великой Отечественной войны действовало около 4000 художественных бригад, артисты показали 1 млн 350 тыс. спектаклей [1, с. 429]. Лемешев часто выступал перед бойцами, сидевшими в зале с автоматами. Они приходили послушать любимого певца перед отъездом на фронт. Лемешев много раз выступал на фронте уже в

первую военную зиму. Активный гастрольный график подорвал его здоровье: возобновилась болезнь легкого, полученная в ноябре 1941 г. Вскоре артисту потребовалась операция, и он остался фактически с одним рабочим легким, но со сцены не ушел. Вплоть до 1948 г. певец выходил на сцену с пневмотораксом. Авианников приходит к выводу, что «концертная деятельность Лемешева в годы Великой Отечественной войны – это образец мужества и самопожертвования артиста» [1, с. 432].

Статья Н.А. Балыкиной (военно-исторический музей «Юные защитники Родины», г. Курск) [2] посвящена московским фронтовым бригадам. 23 июня 1941 г. пленум ЦК профсоюза работников искусства принял постановление, в котором содержались такие слова: «Где бы ни находились части нашей Красной Армии и Военно-Морского Флота, работники искусств разделяют с бойцами фронтовую жизнь. Отныне наше искусство, как никогда, будет служить могучим и боевым средством победы коммунизма над фашизмом» [цит. по: 2, с. 92].

Уже в первые дни войны в Москве были сформированы бригады, насчитывавшие более 700 человек, они дали свыше 400 концертов на мобилизационных пунктах Московской области. Большое внимание уделялось военному и героическому репертуару, который оказывал огромное влияние на бойцов. Основные задачи фронтовых бригад были следующими: 1) обслуживание фронтовых воинских частей, войск МПВО и НКВД; 2) помощь армейской художественной самодеятельности; 3) организация обслуживания городских агитационных и мобилизационных пунктов; 4) организация общественных мероприятий с целью повышения идейно-политического и художественного уровня репертуара агитбригад; 5) руководство массовой политико-воспитательной работой [2, с. 93].

В составе фронтовых бригад наряду со взрослыми работали дети. В качестве примера Балыкина приводит выступления 13-летнего гармониста Сережи Коняева, сына полка 213-й танковой бригады. Автор приходит к выводу, что «артисты помогали поднимать боевой дух солдат, оказывали моральную поддержку советским солдатам и командирам, медсестрам и врачам: всем тем, от кого напрямую зависел исход войны» [2, с. 95].

Статья В.В. Котлецова (Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых) посвящена деятельности московских и ленинградских театров в условиях эвакуации в 1941–1942 гг. [3]. Он подчеркивает, что в годы Великой Отечественной войны театр играл «огромную социокультурную, воспита-

тельную и мобилизующую роль» [3, с. 18]. Особое внимание автор уделяет работе фронтовых бригад. Несмотря на их многочисленность, бригады не могли полностью удовлетворять потребности Красной армии. Поэтому наряду с бригадами, выступавшими на сборных пунктах, в госпиталях и систематически выезжавшими на фронт, некоторые театры создавали свои фронтовые филиалы. Из московских театров фронтовые филиалы имели Театр имени Вахтангова, театры им. Ленкомсомола и им. Моссовета. Так, например, бригада Театра имени Вахтангова состояла из 12 человек. Изначально у нее не было ни передвижной сценической установки, ни декораций, ни других необходимых вещей. По мере накопления фронтового опыта ее участники корректировали и расширяли свой репертуар. Актеры работали в любых условиях: при наступлении Красной армии и при ее отступлении. Работа Театра имени Вахтангова была отмечена в приказе генерала армии Н.Ф. Ватутина. Его актеры в годы войны поставили целый ряд высокохудожественных спектаклей, среди которых особое место занимали пьесы о Великой Отечественной войне, такие как «Фронт» А. Корнейчука, «Русские люди» К. Симонова, «Нашествие» Л. Леонова, «Песня о моряке» Н. Погодина и другие.

В целом в дни войны творческий уровень театров не снизился. Наоборот, критические условия существования позволили театральным коллективам добиться новых серьезных успехов. В Ленинграде все 900 дней блокады работал Театр музыкальной комедии. Эвакуированные актеры ленинградских театров вошли в состав трупп Театра Балтийского флота, Театра народного ополчения, ансамбля Театра оперетты под руководством Б. Бронской, концертно-шефских бригад. В свободное время артисты занимались военной подготовкой, женщины обучались на курсах медсестер, дежурили в яслях и детских садах. Эвакуация театральных коллективов способствовала их сохранению и «дальнейшему развитию сценического искусства как в столицах, так и в регионах» [3, с. 23].

В публикации Н.А. Макаровой (Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола) [4] рассматривается развитие марийского хореографического искусства во время Великой Отечественной войны на общем фоне состояния культуры Марийской АССР. Автор утверждает, что на фронт ушел почти весь мужской состав местных работников искусства и культуры [4, с. 115]. Марийский государственный театр драмы приобрел статус передвижного, а в его здании разместилась бóльшая часть творческих коллективов Йошкар-Олы, в том числе танцевальная группа Марийской государственной филармонии.

В первые дни войны при Маргосфилармонии были созданы две фронтовые концертные бригады под руководством музыканта П.С. Тойдемара. С сентября 1941 г. одна бригада начала концертную деятельность в воинских частях и на железнодорожном вокзале перед отправкой солдат на фронт. 8 февраля 1943 г. первая бригада во главе с Тойдемаром отправилась на фронт, а вторая под руководством А.И. Искандарова давала концерты в тылу, выступая в военных госпиталях, перед работниками железной дороги, жителями сел и деревень. Транспорта для перевозки артистов и реквизита не хватало, поэтому участники бригады преодолевали дальние расстояния пешком, возили костюмы на лошадях, а реквизит – на быках. Первая бригада за полтора года побывала на пяти фронтах: Карельском, Центральном, Западном, Брянском и 3-м Украинском. Концертными площадками артистам служили избы, сараи, машины, лесные поляны, блиндажи, овраги. Они дали свыше тысячи выступлений (в день проходило не менее четырех концертов в местах, расположенных на расстоянии нескольких километров друг от друга). Программа была насыщенной, интернациональной: звучали песни советских композиторов, танцевальные мелодии на марийских народных инструментах играл Тойдемар, русские, марийские, украинские, белорусские, молдавские и татарские танцы исполняли О.И. Кудрявцева, Е.Н. Данилова, Ю.А. Карелин и другие танцоры. Автор приходит к выводу, что «в военные годы работники культуры и искусств испытали много трудностей, но продолжали трудиться во имя победы» [4, с. 118].

Тему истории марийской культуры периода Великой Отечественной войны продолжает публикация Ю.Ю. Цыкиной (Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола) [9], в которой рассматриваются события марийской культурной жизни в годы Великой Отечественной войны, особенно деятельность фронтовых бригад. 21 июня 1941 г. исполнилось 20 лет со дня создания Марийской АССР. На следующий день началась война. Уже в первые ее дни Марийская Республика начала оказывать посильную помощь фронту. В числе добровольцев, ушедших на фронт из Йошкар-Олы, были 10 учащихся и выпускников музыкального училища, многие участники местного Ансамбля песни и пляски. В народное ополчение записался марийский композитор К.А. Смирнов.

Приказом Комитета по делам искусств при СНК СССР от 28 июля 1941 г. (№ 409) из числа безработных и эвакуированных актеров был создан хозрасчетный театральный коллектив, который в период от основания по 15 января 1942 г. поставил в Марийской

АССР 52 спектакля. В госпиталях было дано 5 шефских спектаклей для раненых красноармейцев. Основное место в театральном репертуаре отводилось спектаклям на патриотическую тему. Театры и концертные организации выступали перед бойцами и на мобилизационных пунктах.

В 1943 г. Марийским и Русским драматическими театрами, а также Марийской государственной филармонией было дано 383 концерта и спектакля на фронте. Как пишет Цыкина, наибольшей популярностью в воинских частях пользовались спектакли «Русский лес» и «Питомцы славы» [9, с. 101]. Вторая эстрадная бригада Маргосфилармонии с начала 1943 г. работала на фронте и вблизи него, где пробыла 7,5 месяца и дала концерты для огромного количества солдат и офицеров на Карельском, Центральном, Западном, Брянском и 3-м Украинском фронтах.

Активной была работа оргкомитета Союза композиторов Марийской АССР. Так, композитор К.Р. Гейст создавал музыкальные произведения патриотической направленности и участвовал в работе одной из фронтовых бригад в качестве аккомпаниатора. Над патриотическим репертуаром работали также А.И. Искандаров, Н.А. Сидушкина, К.А. Смирнов, Я.А. Эшпай и Л.Н. Сахаров, создававшие сольные песни, а также произведения для Ансамбля песни и пляски и квинтета домр.

Автор констатирует, что «фронтовые концертные бригады, артисты Русской и Марийской драмы, Кукольного театра, Маргосфилармония, Оргкомитет союза советских композиторов Марийской АССР, самодеятельные творческие коллективы, создавая и исполняя произведения антифашистской направленности, способствовали поднятию боевого духа, сплоченности, уверенности в победе и священной непримиримости по отношению к врагу у всех советских людей» [9, с. 104].

Статья Г.А. Митрофановой (музей-заповедник «Сталинградская битва») [5] посвящена возникновению передвижных фронтовых театров и концертных бригад в годы Великой Отечественной войны. Они создавались при содействии Всероссийского театрального общества (ВТО). Артисты работали на фронте в тяжелых условиях. Помимо ставших нормой выступлений с грузовика, в окопах и землянках либо на открытых полянах им приходилось выступать и шепотом, в случае если в лесу прятались немцы, и по телефону (для бойцов-связистов, которые не могли отойти от аппаратов). Артисты были не только собственно актерами, но и выполняли другие функции: директора, рабочего сцены и т.д. Каждый

из них имел, как минимум, две обязанности, например артиста и администратора, артиста и костюмера, артиста и парикмахера и т.д. Фронтвые бригады были созданы при большинстве ведущих театров страны.

В 1942 г. было принято решение о создании пяти фронтвых театров ВТО. Труппы формировались из актеров основных театров СССР, среди которых были Большой театр, Малый театр, Театр имени Вахтангова, Московский музыкальный театр имени К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко и другие. Артисты фронтвых театров прошли с солдатами Красной армии всю войну.

В 1943 г. в Москве состоялся творческий смотр работы фронтвых театров. Первое место занял фронтвой филиал Театра имени Вахтангова. В его репертуаре было два концерта и пять спектаклей. Артисты возили на фронт декорации, костюмы и осветительные приборы. В июле-августе 1942 г. театр находился на Юго-Западном и Сталинградском фронтах, где, несмотря на тяжелейшие условия пребывания, выступил 36 раз [5, с. 143].

Деятельность фронтвых театров координировал штаб, находившийся в Москве при Центральном доме работников искусств. В создании фронтвых театров принимали участие такие известные деятели культуры, как А.А. Яблочкина, Ю.А. Завадский, С.М. Михоэлс, А.А. Гончаров.

В начале войны Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина издал «Дневник театра на фронте», который вручался каждому артисту фронтвой бригады или театра. Таким образом, артисты не только выступали перед бойцами, но и вели дневники своей кочевой жизни в военное время.

Репертуар театров выстраивался исходя из особенностей боевой жизни конкретного подразделения. Во время спектакля или концерта менялись тексты и ситуации, писались экспромты и т.д. Часто артисты выступали в непосредственной близости от переднего края во время боевых действий.

Автор считает, что «фронтвые театры внесли свой особый вклад в Великую Победу советского народа над фашизмом» [5, с. 146]. Одно из главных предназначений театра – понять задачи времени и способствовать их решению. Артисты успешно выполнили свои цели, вдохновляя солдат на подвиги, привнося яркие краски в будни войны, помогая раненым бойцам.

М.С. Олейник (Центральный военно-морской музей, г. Санкт-Петербург) посвятила свою статью [6] работе художников на театре боевых действий. Отображение военных реалий на флоте и в

армии стало российской традицией с середины XIX в. в связи с появлением соответствующих картин И.К. Айвазовского, А.П. Боголюбова, Л.Д. Блинова, В.В. Верещагина, И.А. Владимирова. Художественная фиксация войн была продолжена и в годы Великой Отечественной войны. На IV пленуме ЦК Всесоюзного профессионального союза работников искусств (Рабис) 23 июня 1941 г. перед всеми учреждениями культуры была поставлена задача участия в организации художественных бригад для обслуживания фронта, в том числе формирование бригад художников по выпуску фронтовых плакатов и «окон РОСТА». В состав фронтовых бригад вошли лучшие мастера театра, эстрады и цирка, композиторы, художники и фотографы. Искусство стало средством пропаганды политики партии в период войны.

В эти же годы работали художники А.А. Дейнека, Н.С. Самокиш, Г.С. Верейский, Н.Г. Котов, Ю.М. Непринцев, А.А. Кротков и др. Их картины поступали в фонды музеев Вооруженных сил СССР. Анализ работы художников фронтовых бригад автор проводит на основе документов, фотографий, живописных и графических этюдов из фондов Военно-медицинского музея и Архива военно-медицинских документов. Олейник интересуется творчеством живописцев тех бригад, которые были сформированы по приказу начальника Главного военно-санитарного управления Красной армии Е.И. Смирнова.

В каждой художественной бригаде был один, а иногда и двое художников, а ее руководитель имел мандат Главного военно-санитарного управления (ГВСУ), «дававший право работать на любых фронтах и в округах» [6, с. 115]. На предложение начальника Военно-медицинского музея А.Н. Максименко работать в бригадах ответили художники Московского отделения Союза советских художников – Н.Н. Волков, Д.Н. Домагацкий, А.Т. Иванов, Н.Г. Козлов, Н.Ф. Короткова, Н.Г. Котов, Е.А. Львов, Ф.И. Невежин, Ю.Г. Нерода, Д.П. Павлинов, Н.С. Сергеев, Р.И. Синильникова, Н.Г. Яковлев. Перед ними «ставилась задача максимально правдиво и точно изобразить реалии медико-санитарной службы Красной Армии...» [6, с. 116]. Среди обязательных тем были общие виды дивизионных медицинских пунктов, медико-санитарных батальонов, полковых медицинских пунктов, полевых подвижных госпиталей, работа приемно-сортировочных отделений. Наибольшее значение, по мнению автора, «имели выполненные с натуры зарисовки сцен выноса раненых с поля боя и процесса оказания медицинской помощи» [6, с. 116]. Интересны также картины на следующие темы:

массово-политическая работа, эвакуация, на прифронтовой дороге, раздача пищи, выступления участников художественной самодеятельности в прифронтовых госпиталях.

Художественные бригады работали на многих фронтах Великой Отечественной войны: Брянском фронте, Ленинградском, 1-м и 3-м Белорусских, 1-м и 4-м Украинских, Карельском, Западном фронтах, в 45-й армии. Поэтому они охватывали широкий географический диапазон. Для каждой поездки оформлялось предписание в ГВСУ, составлялся подробный маршрут. Художник отправлялся сначала в штаб санитарного управления фронта. После получения назначения он выезжал в указанную ему часть, согласовывая свои действия с командованием части. За перемещение членов бригады отвечал ее начальник, имевший на руках мандат ГВСУ. Маршрут передвижения мог меняться по инициативе самих художников, желавших попасть в интересные места и отобразить наиболее содержательные моменты. Так, работавший на Брянском фронте акварелист Н.Н. Волков изображал санэвакуацию на самолетах, «подробно прорисовывая принцип доставки раненого в специальной капсуле...» [6, с. 117].

Автор подчеркивает, что художники, работавшие на фронте, не выделяли отдельных эпизодов или лиц [6, с. 117]. Колоссальная работа, проводившаяся в госпиталях, была общим делом. Красная армия продвигалась на Запад, освобождая оккупированные территории. 22 июля 1944 г. были освобождены узники люблинского концлагеря Майданек. На этюдах И.А. Ершова – констатация фактов: «Вид на первое поле с караульной вышки концлагеря “Майданек”», «Крематорий после пожара», «Кремпецкий лес. Братская могила». В то же время Олейник пишет, что, несмотря на поставленные перед художниками задачи, они «рисовали в первую очередь красоту мира» [6, с. 119]. Так, Н.Г. Котов написал пейзаж с голубым небом и искрящимся белым снегом фронтовой дороги Карельского фронта («Мурманск», 1944). А в этюде Н.П. Бектеевой «Налет вражеских самолетов, г. Молодечно» (1944) наряду с военными реалиями прописаны яркие рапсовые поля и голубое небо.

Олейник констатирует, что, работая на фронтах Великой Отечественной войны, художники становились участниками военных наступательных операций – Крымской, Восточно-Прусской, Висло-Одерской и Пражской [6, с. 120]. Те живописные произведения, которые они создали, являются значимыми документами о работе медико-санитарной службы. За период с 1942 по 1945 г.

художники, работавшие во фронтовых бригадах, создали более 900 произведений.

Статья А.В. Сергеевой-Зинкиной (Чувашский государственный институт культуры и искусств, г. Чебоксары) [7] посвящена деятельности фронтовых концертных бригад в годы Великой Отечественной войны. Как пишет автор, работники культуры оказались «мобилизованными и призванными» войной с первых ее дней [7, с. 342]. Их деятельность была неоценимым и важным вкладом в разгром врага. Решения о работе народных художественных коллективов, театров, филармоний и цирков принимались в зависимости от обстоятельств. С одной стороны, здесь наблюдалась государственная поддержка творческих кадров, а с другой – в соответствии с законами военного времени пришлось резко сократить финансирование этой отрасли и ликвидировать целые творческие коллективы, которые не пользовались популярностью у широкой публики.

Театрам рекомендовалось подчинить свою работу обслуживанию частей Красной армии, мобилизационных пунктов и госпиталей. Необходимо было также сделать репертуар более злободневным. Кроме того, театральным коллективам предписывалось разбиваться на несколько групп для работы в полевых условиях, они и стали фронтовыми концертными бригадами.

Сергеева-Зинкина прослеживает основные виды деятельности артистов в условиях войны на примере судьбы чувашского певца народного артиста СССР Максима Дормидонтовича Михайлова (1893–1971). Он выполнял следующие виды деятельности: 1) работа в оперной труппе Большого театра, эвакуированного в Куйбышев; 2) участие в съемках фильмов-конcertов, предназначенных для показа красноармейцам; 3) выступления перед советскими воинами в различных частях армии и флота по всей стране; 4) участие в так называемых ночных концертах перед гражданским населением. Последние были сверхплановыми выступлениями артистов, проходившими в театрах после спектаклей в ночное время с целью сбора средств для фронта. Такими концертами джаз-оркестр Леонида Утесова заработал деньги на истребители «Веселые ребята», Лидия Русланова собрала средства на «катушки», а артисты Свердловского театра музыкальной комедии – «на производство двух танков» [7, с. 343].

На протяжении всей войны велось обсуждение работы фронтовых концертных бригад, их руководители выступали с отчетами. Сергеева-Зинкина ознакомилась с этими отчетами в РГАЛИ. В них часто поднимается вопрос о репертуаре, артистов

критикуют за непонимание политического значения работы в Красной армии, «упрекают в однообразии концертных номеров» [7, с. 344]. Упоминались жанры, которых не хватало в работе фронтовых бригад: клоунада, сатирический фельетон, музыкальный фельетон и др. Предписывалось вместо романсов «второстепенных» композиторов П.П. Булахова, А.Л. Гурилева и А.Е. Варламова исполнять классические произведения П.И. Чайковского и Н.А. Римского-Корсакова, а наименее содержательные рассказы А.П. Чехова заменить на сочинения Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.А. Некрасова. Высказывались пожелания развивать жанры конференса – индивидуального и парного. Эти задачи успешно выполняли артисты Ансамбля песни и танца Юго-Западного фронта Юрий Тимошенко и Ефим Березин (будущие Тарапунька и Штепсель), которые в образах банщика Мочалкина и повара Скалкина выступали с сатирическими скетчами и пародиями на Гитлера.

Сергеева-Зинкина проследила, как менялся репертуар фронтовых бригад в ходе войны: удельный вес пропагандистских патриотических вещей снижался, возрастала доля классических сочинений [7, с. 345]. В песенном репертуаре возобладали народная и советская лирическая песня. Увеличилось количество бригад из национальных республик со своим материалом на родных языках.

Многие артисты, выступавшие на передовой, погибли или пропали без вести, не все фамилии есть в опубликованных списках. Некоторые из них не осознавали нужность своей работы, а рвались на фронт в другом качестве. Образцом мужества была Клавдия Шульженко, отказавшаяся эвакуироваться из блокадного Ленинграда. Она осталась в городе и создала свой ансамбль, с которым давала концерты на заводах, в воинских частях и госпиталях.

Автор констатирует, что из «артистов фронтовых бригад» сложилось поколение блистательных актеров, режиссеров, деятелей культуры, а многие литературные, музыкальные (например, Седьмая симфония Дмитрия Шостаковича) произведения, созданные в эти годы, вошли в сокровищницу искусства XX века» [7, с. 346].

В статье Н.И. Таирова (Казанский государственный университет культуры и искусств) [8] рассматриваются проблемы организации и проведения поездок концертных бригад Татарстана на фронт. Свой вклад в победу внесли многие деятели культуры республики. Некоторые ушли на фронт. На войне погиб композитор, автор балета «Шурале» Фарид Яруллин, а актер Татарского академического театра

им. Г. Камала Ахмет Абдрашитов в январе 1942 г. пополнил ряды Красной армии, оставив театральный коллектив.

Артисты выступали перед ранеными в госпиталях. Но самым почетным и важным направлением работы были выступления перед бойцами на фронте. Выезды на передовую осуществлялись в составе делегации Татарской АССР и фронтовых концертных бригад. Последних в Татарстане было более 15. На фронты Великой Отечественной войны выезжали такие артисты и музыканты, как М. Булатова, Ф. Бикинин, Л. Бердникова, Р. Зиганшина, Е. Лисецкая, М. Сафин, Ф. Туишев и др.

С начала ноября по 18 декабря 1942 г. на Карельском фронте находилась артистическая бригада под руководством В.А. Байкалова. За полтора месяца она дала 105 концертов. Летом-осенью 1943 г. одна из бригад выступала на Северо-Западном фронте. В нее входили актеры Татарского драматического театра им. Г. Камала Р. Зиганшина и И. Гафуров. Они выступали как чтецы и танцоры. З. Измайлова исполняла татарские и русские песни.

Поездки на фронт были связаны с риском для здоровья и жизни. Некоторые артисты получили ранения, увечья. А артист Татарской филармонии А. Бендецкий скончался в госпитале от тяжелого ранения. Автор полагает, что «выступления артистов республики укрепляли во фронтовиках веру в торжество справедливости, содействовали Великой Победе над коварным врагом» [8, с. 351].

В публикации Е.Р. Шашковой (Санкт-Петербургский университет промышленных технологий и дизайна) [10] рассматривается начало и особенности деятельности фронтовых бригад. Работники театра и эстрады с первых дней войны оказывали помощь в поддержании боевого духа солдат и веры мирных жителей в победу. Автор приводит в качестве примера появление нового «секретного оружия» во время блокады Ленинграда – Седьмой симфонии Шостаковича. В дни блокады многие музыканты умерли. По радио объявили о поиске и регистрации оставшихся в живых музыкантов. Немцы же возлагали большие надежды на быстрое взятие осажденного города. Они заранее напечатали билеты на банкет, который должен был состояться в Ленинграде 9 августа 1942 г. Впоследствии именно на этот день было назначено первое исполнение Седьмой симфонии Шостаковича. Симфония потрясла публику. Музыка Шостаковича сумела выразить «веру в победу, жертвенность, безграничную любовь к своему городу и стране» [10, с. 1204].

Первой фронтовой концертной бригадой стала труппа Малого театра под руководством Н.А. Анненкова. 22 июня 1941 г. она оказалась в Волынской области, вошедшей фактически в зону боевых действий, но решили не отменять гастролы. Артисты сформировали выездной театрально-концертный коллектив, выступавший в прифронтовых районах и военизированных учреждениях тыла [10, с. 1204].

Коллективы фронтовых бригад насчитывали в среднем от 12 до 25 человек. Поначалу они обходились без реквизита и оборудования, а выступления представляли собой сборные концертные программы. Впоследствии роль сцены выполнял грузовик с откидными бортами, вокруг которого рассаживались на земле фронтовики.

Бывало, что, приехав на место выступления, бригада уже не заставала бойцов и уезжала с последними санитарными эшелонами. Они помогали медработникам и сиделкам, когда не хватало рук, хоронили умерших, поднимали дух раненых.

Артисты внесли материальный вклад в оборону Ленинграда. Они собирали деньги на танки, бронепоезда, оружие и закупку медикаментов. Как пишет автор, «выездные фронтовые бригады помогали отвлечься от смерти и ужаса, от переживания за своих родных, оставшихся дома» [10, с. 1205]. Именно они давали надежду на светлое будущее.

Список литературы

1. *Авинников Д.А.* Мирный подвиг артиста: С.Я. Лемешев в составе фронтовых бригад Большого театра // 75-летие Великой победы: память, уроки, противодействие фальсификациям : сборник статей участников международной онлайн-конференции, посвященной празднованию 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Москва : Московский государственный педагогический университет, 2023. – С. 426–432.
2. *Балыкина Н.А.* Фронтовые московские бригады // Патриотическое воспитание в системе высшего образования: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 77-й годовщине начала наступления советских войск в битве под Москвой. – Москва : Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», 2018. – С. 91–95.
3. *Котлецов В.В.* Деятельность столичных театров в условиях эвакуации на начальном этапе Великой Отечественной войны // Гуманитарный научный вестник. – 2021. – № 6. – С. 18–24.
4. *Макарова Н.А.* Марийское хореографическое искусство во время Великой Отечественной войны // Современное искусство: актуальные проблемы и

- перспективы развития в социокультурном пространстве : сборник научных трудов VI Международной научно-практической конференции / под ред. Г.Н. Петрова. – Чебоксары : Плакат, 2019. – С. 115–118.
5. *Митрофанова Г.А.* Фронтовые театры: искусство и война // Военно-исторические аспекты жизни юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации : материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. – Волгоград : Сфера, 2019. – С. 141–146.
  6. *Олейник М.С.* Фронтовые бригады: от передовой к подлинной «художественной документации» // Идеи и идеалы. – 2018. – Т. 2, № 3(37). – С. 113–124.
  7. *Сергеева-Зинкина А.В.* О деятельности фронтовых концертных бригад во время Великой Отечественной войны // Духовно-нравственное и патриотическое воспитание молодежи : сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Чебоксары : Чувацкий государственный институт культуры и искусств, 2020. – С. 342–347.
  8. *Таиров Н.И.* Из истории фронтовых концертных бригад Татарстана // Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в судьбах народов и регионов : сб. ст. / отв. ред. А.Ш. Кабирова. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, 2015. – С. 347–352.
  9. *Цыкина Ю.Ю.* Марийская музыкальная культура в годы Великой Отечественной войны // Духовная жизнь российских региональных сообществ: история, традиции, современность : сборник статей IV Международной научной конференции 2015. – Казань : Казанский государственный архитектурно-строительный университет, 2015. – С. 98–105.
  10. *Шашкова Е.Р.* Фронтовые бригады: искусство и война // Война и мир в отечественной и мировой истории : материалы международной научной конференции : в 2 т. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2020. – Т. 2. – С. 1202–1209.

**«СОВЕТСКАЯ ДРЕВНОСТЬ»: ЛЮДИ, УЧРЕЖДЕНИЯ,
КНИГИ И НАУКА О ДРЕВНОСТИ В СССР /
отв. ред. С.Г. Карпюк. – Москва :
Институт всеобщей истории РАН, 2021. – 493 с.
(Реферат)**

Коллективная монография посвящена изучению и преподаванию истории Древнего мира в Советском Союзе. Рассматриваются формирование структуры научных и образовательных учреждений, связанных с исследованиями в данной области мировой истории и ее преподаванием, судьбы амбициозных научных проектов, призванных продемонстрировать достижения советской исторической науки, а также жизнь и творческий путь ряда крупных отечественных ученых-антиковедов. Монография состоит из 13 глав, объединенных в четыре раздела, в которых нашли отражение темы и идеи, обсуждавшиеся на ежегодных (начиная с 2015 г.) конференциях «Советская древность».

Первый раздел «Подготовка кадров и советские мегапроекты 1930-х годов» открывается главой, в которой А.М. Скворцов рассматривает проблему подготовки в 1920–1930-е годы кадров высшей квалификации по античной истории. Как отмечает автор, после прихода к власти большевиков в стране продолжал действовать по инерции так называемый институт оставленных для подготовки к профессорскому званию. Впрочем, уже к 1923 г. эта во многом стихийная практика прекращается. Более того, предпринимается попытка отделить высшее образование в университетах от подготовки научных сотрудников. Поскольку университеты теперь готовили не ученых, а главным образом преподавателей для школ, при высших учебных заведениях создаются специальные научно-исследовательские институты, которые в 1924 г. объединяются в Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов (РАНИОН) (с. 11).

Процесс подготовки научных кадров в области антиковедения автор рассматривает на примере Института истории РАНИОН в Москве, созданного при факультете общественных наук, который в свою очередь был образован на базе историко-филологического факультета МГУ. В отличие от университетов, где практически никакой градации по научным заслугам не проводилось, в Институте имело место ранжирование ученых в зависимости от количества научных трудов. При этом, как подчеркивает А.М. Скворцов, наличие научных сотрудников 2-го и 1-го разрядов, а также категории действительных членов, можно считать новизной лишь с точки зрения названий. В сущности новая иерархическая система была идентична дореволюционному делению на «оставленных для подготовки к профессорскому званию», магистров и докторов наук (с. 15). Уровень требований к научным сотрудникам 2-го разряда стремились сделать аналогичным тому, который предъявлялся к «оставленным» при университетах до революции. Однако реализовать такой подход в полной мере оказалось сложно ввиду отсутствия новейших зарубежных публикаций и прекращения практики зарубежных стажировок. Из новых требований к диссертационным исследованиям в РАНИОН общим правилом стала проверка на их соответствие марксистской теории.

С 1932–1933 гг. наблюдается отказ от «экспериментов» предшествующих лет в организации учебных и научных учреждений. В университетах снова вводится специализация, а кафедра как структурное подразделение отныне выполняет не только педагогические, но и научные функции. В 1934 г. были восстановлены ученые степени, что в перспективе должно было повысить уровень подготовки научных кадров высшей квалификации. При этом относительная свобода в наполнении содержательной стороны процесса обучения позволяла научным руководителям «старой» школы проводить дореволюционные стандарты и требования, предъявляемые при аттестации соискателей ученых степеней (с. 51–52).

Процесс формирования «правильных» положений в науке о древности рассматривается в главе 2, написанной С.Г. Карпюком и С.Б. Крихом, на примере реализации в 1930-х годах грандиозного проекта по созданию 30-томной советской «Всемирной истории», шесть томов которой планировалось посвятить истории Древнего мира. Выход ее в свет должен был стать своего рода отчетом о достижениях исторической науки к четверти столетия существования советской власти и зримым результатом преобразований, связанных с учреждением в 1937 г. Академии наук СССР. Анализ

факторов, способствовавших тому, что этот амбициозный проект вначале потерпел неудачу, но в итоге увенчался успехом (хотя и был реализован гораздо позднее, в 1950–1960-е годы, и в существенно менее объемном варианте), позволяет понять общую тенденцию и глубинные особенности становления советского взгляда на древнюю историю, а также специфические черты функционирования сообщества историков в предвоенный период. Как отмечают авторы, вопреки распространенному, но являющемуся на самом деле продуктом мифологизации представлению, советская историческая наука никогда, и особенно в ранний период (до непосредственного сталинского вмешательства), не была монолитной ни в плане концепций и теорий, ни в плане организационных особенностей. В течение 1930-х годов это разнообразие, сейчас иногда трактуемое как потенциально плодотворный вариант развития советской науки, оказалось резко сведено к минимуму. Были отобраны идеи, признанные обязательными, и учреждены организации, которые должны были стать за них ответственными. В результате сформировался научный «мейнстрим» в советской историографии, но доминирующим он стал только в послевоенный период, что, впрочем, даже тогда не привело к полной унификации советской исторической науки (с. 57–59).

В конце 1930-х годов работа над многотомниками расценивалась как первоочередное задание недавно созданного Института истории АН СССР. В главе 3 М.Н. Кирсанова описывает ход работ над посвященными древности (от палеолита до X в. н.э.) первыми томами «Истории СССР». Реализация проекта была прервана войной, и накануне ее начала были напечатаны только сигнальные экземпляры двух томов. Однако это издание примечательно тем, что здесь впервые была предпринята попытка на обширном материале показать историю народов СССР в древности, применив к ней теорию общественно-экономических формаций. Впрочем, как считает автор, реализацию этой задачи трудно признать удачной. Анализ структуры и содержания томов показывает, что разработка теоретических положений явно не была сильной стороной советских ученых в конце 1930-х годов. Особенно ярко это проявилось в дискуссиях относительно социально-экономического строя Древней Руси. Более того, многие сюжеты древней истории народов СССР были еще очень слабо изучены в отечественной науке. Для написания ряда глав было крайне трудно найти компетентных авторов. Вместе с тем имелись и определенные достижения. В первую очередь это касается представленных в томах результа-

тов археологических исследований, заметно интенсифицировавшихся в рассматриваемый период в разных районах СССР (с. 173).

Раздел II «Война и мир (древний)» содержит пять глав, посвященных тому, как политическая ситуация в Европе и в СССР накануне и во время Второй мировой войны отражалась на изучении древней истории и деятельности советских историков. С.Г. Карпюк и О.В. Кулишова (глава 1) рассматривают контакты советских и германских ученых-антиковедов в 1939–1941 гг., перед началом Великой Отечественной войны, когда после подписания советско-германского договора о ненападении антифашистская и антинемецкая риторика исчезает из официального дискурса. Как показывают авторы, на фоне меняющихся идеологических установок советские ученые и руководители науки, несмотря на резко негативное отношение к нацистскому режиму в Германии, стремились сохранять, по мере возможности, научную корректность. Определенную роль в этом, по их мнению, сыграл неприятный осадок, оставшийся от «патриотической полемики» историков-античников в период Первой мировой войны (в частности, между М.И. Ростовцевым и Э. Мейером, как наиболее яркий пример). Вероятно, отчасти и поэтому советские исследователи античности пытались придерживаться строго научного подхода к трудам немецких коллег в 1939–1941 гг. (с. 203).

В главе 2 А.А. Вигасин и С.Г. Карпюк рассказывают о судьбе практически полностью подготовленного трехтомного издания «Истории культуры», первый том которого был посвящен культуре первобытного общества, Древнего мира и Средних веков. Это был один из целого ряда характерных для СССР второй половины 1930-х – начала 1940-х годов масштабных научно-издательских проектов в области гуманитарного знания. Само их появление, как отмечают авторы, было следствием восстановления преподавания «гражданской» истории, воссоздания университетских кафедр и основания научных институтов в 1934–1936 гг. «Резкий идеологический поворот, одним из проявлений которого было осуждение так называемой “школы Покровского”, постепенный отход от социологических схем и возврат к традиционным методам работы историков, означал завершение периода “революционного натиска”. И если официально говорилось о полной победе социализма, то реально наступала эпоха реставрации, имперского стиля, ампира» (с. 217). Макет издания был подготовлен в 1941 г., но из-за начала войны оно не было осуществлено, и книга была незаслуженно забыта. Напечатать ее после войны оказалось совершенно

невозможно по причине трагической судьбы ряда авторов, погибших на войне или в результате послевоенных репрессий (с. 233).

О последних годах жизни академика Сергея Александровича Жебелева (1867–1941) речь идет в главе 3, написанной С.Г. Карпюком совместно с О.В. Кулишовой. Один из ведущих отечественных специалистов по истории античного Северного Причерноморья трагически погиб в блокадном Ленинграде в самом конце 1941 г. Авторами опубликованы и прокомментированы материалы академического заседания памяти С.А. Жебелева, которое состоялось в эвакуации, в Ташкенте, в январе 1942 г.

В главе 4 на основании архивных материалов А.М. Скворцов описывает подготовку и процедуру защиты в 1943 г., в самый разгар войны, докторской диссертации А.В. Мишулиным – заведующим сектором древней истории Института истории АН СССР. Материалы дела о защите позволяют оценить сформировавшуюся в общих чертах к концу 1930-х годов в СССР систему аттестации научных кадров и ее нормативно-правовую базу, а также рассмотреть предшествующий период биографии историка, когда происходило его становление как советского ученого.

Глава 5 (автор – М.В. Поникаровская) посвящена жизни и деятельности известного ленинградского филолога-классика и историка античности Ивана Ивановича Толстого¹ в 1941–1945 гг. Выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, свою научную деятельность он начинал с изучения древностей Северного Причерноморья, связанных с культурами древнегреческих божеств на Боспоре, в Ольвии и Херсонесе. После защиты в 1918 г. диссертации продолжил работу в Петроградском университете в качестве профессора классической филологии, являясь также сотрудником постоянной комиссии по изучению юга России при Российской академии истории материальной культуры. В 1938 г. И.И. Толстому была присвоена учения степень доктора филологических наук без защиты диссертации, а в январе 1939 г. общим собранием Академии наук СССР он был утвержден в звании члена-корреспондента по отделению общественных наук. Научно-исследовательская деятельность ученого в эти годы была сконцен-

---

¹ И.И. Толстой (1880–1954), сын Ивана Ивановича Толстого (1858–1916), графа, археолога, государственного и общественного деятеля, почетного члена Императорской Академии наук, вице-президента Императорской Академии художеств, министра народного просвещения (1905–1906), городского головы Санкт-Петербурга (1913–1916).

трирована главным образом на вопросах, связанных с историей древнегреческой литературы.

В апреле 1942 г. И.И. Толстой вместе с семьей был эвакуирован в Казань, где и оставался вплоть до возвращения в Ленинград в июле 1945 г. В Казани он приступил к разработке темы «Язык гомеровского эпоса», исследуя, как писал сам ученый, «грамматику, языковую картину гомеровского текста, реликты древнейших форм, искусственные формы, хронологические дифференциации синтаксиса и т.д.» (цит. по: с. 312). Постепенно литературоведческие и фольклористические темы в его работе уступали место проблемам языкознания и эпиграфики, что в известной мере стало возвращением к тематике его ранних, дореволюционных исследований. С точки зрения И.И. Толстого, важнейшей обязанностью национальных академий в области классической филологии является научная публикация античных текстов, найденных на территории той или иной страны (с. 317).

В трех главах раздела III «Всемирное потепление: от холодной войны к оттепели» рассматриваются некоторые аспекты взаимодействия советской историографии древности с внешним миром в конце 1940-х – 1960-е годы. Так, в главе, написанной А.В. Ашаевой, сопоставляется риторика передовых статей советских и американских журналов по древней истории в эпоху холодной войны. Как показывает автор, существование двух противоположных социально-экономических систем предопределило их противостояние не только в военно-политическом, но и в культурном плане, заставив даже историков античности «включиться в культурное соревнование с целью актуализации и обоснования возникшего противостояния». При этом, отмечает А.В. Ашаева, как советские, так и американские ученые «обратились к античной истории как к некому архетипу, в котором можно было обнаружить явные черты сходства с современностью» (с. 320–321). В результате и те и другие создавали собственные политизированные версии античной истории явно конфронтационного характера. В частности, противостояние США и СССР, которое на Западе осмысливалось как противостояние «демократии и свободы», с одной стороны, и «тоталитаризма» – с другой, нередко ассоциировалось с конфронтацией между Афинами и Спартой. Отождествление США с Афинами, тогда как в роли Спарты, естественно, выступал СССР, положило начало целому направлению американской государственной политики в области пропаганды, выразившейся в стремлении представить действия

США как повторение в новых исторических условиях политического опыта Афин (с. 323–324).

Ответ СССР на использование Западом античного наследия в пропагандистских целях был симметричным, а сама риторика противопоставления Запада и Востока на материале античной истории в СССР и США обнаруживает определенное сходство. Примечательно, однако, ее отсутствие в советских журналах 1946–1947 гг., а также публикация в «Вестнике древней истории» переводов статей американских ученых без каких-либо оценочных пояснений, что соответствовало общей политике Советского Союза по отношению к союзникам в эти годы (с. 333).

Н.К. Спиченко в главе 2 «Французский взгляд на советскую историографию 1950-х гг.» анализирует две статьи французского исследователя Пьера Гачича (1957 и 1960 гг.), которые представляют собой научные обзоры статей, опубликованных в течение десяти лет (до 1957 г.) в «Вестнике древней истории». Особое внимание он уделяет работам Н.А. Машкина, А.Б. Рановича, А.Д. Дмитриева, Е.М. Штаерман и Г.Г. Дилигенского, посвященным социальным классам в западных провинциях Римской империи, главным образом в римской Африке, а также проблеме упадка городов в этом регионе. Как и следовало ожидать, главным упреком в адрес советских исследователей является их марксистский подход, при котором классовая борьба служит «универсальным ключом к проникновению в тайны истории» (с. 342). Отмечая хорошее знание советскими историками источников по рассматриваемым темам и умение работать с ними, П. Гачич вместе с тем полагает, что идеологическая запрограммированность часто мешает им непредвзято интерпретировать фактические события и преодолевать прочно установившиеся стереотипы. В целом, отмечает Н.К. Спиченко, появление статей с критическим анализом советской историографии следует рассматривать в русле общей тенденции роста внимания к работам советских историков со стороны западного научного сообщества.

Американский взгляд на советскую историографию античности конца 1950-х – начала 1960-х годов представлен С.Г. Карпюком и О.В. Кулишовой в главе 3 на примере работ канадско-американского антиковеда и слависта Хью Грэхема (1924–1994). Как отмечают авторы, интерес к советским исследованиям этих лет следует рассматривать в контексте несомненных успехов СССР в сфере науки в тот период, и прежде всего в такой наукоемкой сфере, как космонавтика. Выдвинутый в стране лозунг «дог-

нать и перегнуть Америку» воспринимался вполне серьезно, в первую очередь самими американцами. Поэтому отнюдь не случайно то, что на рубеже 50–60-х гг. XX в. американские научные журналы часто открывались обзорами советских публикаций по античной истории. Одним из таких обзоров стала опубликованная на страницах журнала *Classical World* (апрель 1961 г.) статья Грэхема, сыгравшего значительную роль в распространении на Западе идей советских историков древности. Грэхем отмечает ряд преимуществ советских античников над американскими, в частности, их более широкий исторический кругозор, однако оговаривается, что партийный контроль и ограничение контактов с зарубежными учеными мешают им занять ведущие позиции в мире в этой области исторической науки (с. 358).

В разделе IV «Учреждения и люди» О.В. Метель рассматривает эволюцию институциональной структуры советской академической и вузовской науки о Древнем мире в 1920–1980-е годы, анализируя как общие параметры функционирования советских научных учреждений, так и их вклад в разработку той или иной исследовательской проблематики. Сведения о деятельности институтов АН СССР и кафедр советских университетов и пединститутов, связанных с изучением древневосточных и античных обществ, позволяют понять «повседневные практики взаимодействия научного сообщества, властных структур и иных акторов историографического процесса» (с. 373). При этом О.В. Метель отмечает несостоятельность экстерналистского подхода к истории советской науки, получившего широкое распространение в отечественной историографии в 1990–2000-е годы, когда советское научное сообщество рассматривалось преимущественно как объект властных воздействий. Реальное положение советских исследователей, полагает автор, было все же несколько иным, и нередко ученым удавалось оказывать весьма серьезное влияние на развитие науки в стране, используя партийно-государственные структуры для решения собственных научных задач.

Завершает раздел глава, написанная А.Б. Шарниной. В ней представлена научная биография профессора, доктора исторических наук Лии Менделевны Глускиной (1914–1991) – одного из крупнейших советских историков античности, специалиста по социально-экономической истории Афин классического периода и проблеме кризиса греческого полиса.

В целом, как отмечает в заключение С.Г. Карпюк, эволюция изучения, преподавания и бытования истории Древнего мира в

СССР прошла несколько этапов. 1920-е годы были временем, когда начинал формироваться «кадровый костяк» руководителей и специалистов в данной области, активная деятельность которых пришлась на середину XX столетия. В 1930-е годы были созданы институциональные основы изучения и преподавания древней истории (кафедры на исторических факультетах университетов и педагогических институтов, сектора в научно-исследовательских институтах АН СССР, специализированный научный журнал «Вестник древней истории»). Все эти учебные и научные учреждения не прерывали свою деятельность даже в экстремальных условиях Великой Отечественной войны и продолжают функционировать до сих пор. В конце 1930-х годов «было “реабилитировано” дореволюционное образование и установлен определенный баланс между новыми веяниями, основанными на марксистской идеологии, и старыми подходами» (с. 480). После идеологических кампаний середины XX в. наступившая эпоха оттепели сопровождалась значительным ослаблением идеологических и административных ограничений. Тем самым были созданы условия для достаточно глубокой интеграции советской науки о древности в мировую науку. И именно в этот период престиж советской исторической науки достигает максимально высокого уровня, заключает автор (с. 481).

А.Е. Медовичев

Сьвидер К.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ
И МЕХАНИЗМЫ РАСПАДА СОВЕТСКОГО СОЮЗА
(Реферат)**

Świder K. Ekonomiczne przyczyny i mechanizmy rozpadu Związku Radzieckiego // Roczniki nauk społecznych. – Lublin, 2018. – Т. 10 (46), N 3. – S. 77–90.

В статье польского ученого Конрада Сьвидера (Институт политических исследований Польской академии наук) рассматривается экономическая составляющая процесса распада СССР. Статья написана на основе опубликованных источников на русском языке, русско- и польскоязычной историографии, переведенных на польский язык исследований западноевропейских авторов. Сьвидер исходит из того, что коммунистическая экономика оказалась неэффективной и неконкурентоспособной по сравнению с капиталистической. Советская хозяйственная модель была сильно идеологизирована, что делало экономику неэластичной. Средства производства являлись собственностью государства, а жесткая централизация сводила на нет предпринимательские инициативы.

Социалистическая экономика не была однородной в структурном отношении: в ней доминировала тяжелая промышленность, что приводило к преобладанию военно-промышленного комплекса в ущерб легкой промышленности. Следствием такого положения дел стал постоянный дефицит товаров широкого потребления, а также некоторых пищевых продуктов. Официального сектора услуг как такового не было, а образовавшуюся в результате брешь пытались заполнить государственные учреждения.

В СССР практически не изобретались технологические инновации, что стало особенно очевидным на фоне революции в

сфере информатики, случившейся на Западе в 1970-е годы (только в области космической кибернетики Советскому Союзу удалось добиться равной позиции). Отставание Москвы было обусловлено в том числе и догматизмом, согласно которому промышленная эпоха должна была стать последним этапом технического развития человечества, а постиндустриальная эпоха не признавалась вовсе.

После смерти И.В. Сталина в 1953 г. власть в СССР частично перешла к партийной номенклатуре, которая осуществляла контроль над экономикой. С отстранением от власти Н.С. Хрущева в 1964 г. номенклатура усилила свои позиции, но уже не была единым организмом, а представляла собой «лоскутное одеяло» из групп, имевших разные интересы (с. 78). Тем не менее автор считает, что в СССР с 1960-х годов имел место и управлял государством «номенклатурный консенсус» (с. 78).

После ухода из жизни Л.И. Брежнева в 1982 г. произошли изменения в сфере организации экономики. Кроме того, начался процесс «эмансипации региональной (республиканской) номенклатуры», обусловленный прежде всего экономическими факторами (с. 79). Появлялись неформальные политические группы, способствовавшие ослаблению государственного управления и децентрализации контроля над экономикой.

В советский период менялись механизмы центрального планирования, а такие определения экономики, как «централизованная» и «плановая», расходились с действительностью. Автор считает, что в СССР господствовала не плановая, а «согласованная» экономика (с. 79). В условиях отсутствия права на собственность был создан компенсирующий его квазирыночный гибрид, своеобразный «бюрократический (административный) рынок» (с. 79). Началась всеобщая кооперация номенклатурной сферы, криминалитета и обычных граждан. На бюрократическом рынке органы власти и обычные люди торговали самой властью, карьерой, привилегиями и льготами, положением в обществе.

В конечном счете предметом торга стало само существование СССР. В этом государстве власть была распределена неравномерно между отдельными иерархическими структурами, что приводило к соперничеству между разными номенклатурными кланами. Автор пишет, что выходцем из одного такого клана – днепропетровской «мафии» – был Брежнев (с. 80). Республиканская номенклатура стала искать возможность исполнять экономические, политические и военные функции. С участием государственных структур СССР были проведены экономические аферы, возникли коррупция

и организованная преступность. Сьвидер считает, что негативные явления в сфере политики и экономики, рожденные в недрах КПСС, способствовали «углублению и без того высокой степени деморализации советского общества, значительная часть которого рассматривала партию как одну большую мафиозную либо организованную преступную группировку» (с. 80).

Автор поднимает вопрос о том, какой фактор оказывал решающее влияние на общественно-экономическую ситуацию в СССР – идеологическая и кадровая политика или экономический курс. Организационно-материальную базу советской государственности составили кадровые и экономические изменения идеологического характера. После смерти В.И. Ленина контроль над государством перешел в руки Секретариата партии под руководством Сталина. Секретариат навязывал обществу и контролировал общественно-экономические процессы и кадровую политику. В годы «оттепели» наступила эмансипация промышленной номенклатуры, которую намеревался контролировать Хрущев.

СССР имел статус промышленной империи, однако не выработал метода перехода количества в качество. Социально-экономические процессы в нем носили экстенсивный характер. Увеличение выпуска промышленной и сельскохозяйственной продукции было связано не с ростом производительности труда, а с увеличением сырьевой базы и ареала сельскохозяйственных культур. В сельском хозяйстве возможности экстенсивного развития довольно быстро достигли своего предела, что вызвало его кризис. В то же время власти СССР создали целую систему административных привилегий для тяжелой промышленности, особенно для военно-промышленного комплекса. Автор считает, что механизмы управления экономикой в СССР «делали невозможной его успешную гонку за Западом» (с. 82).

Концепция «развитого социализма» была идеологией индустриальной эпохи. Догматизм позволял советской элите видеть СССР в будущем только как промышленную империю. Кремль не сделал выводов из мирового топливного кризиса 1970-х годов и не смог предвидеть постиндустриальной технологической революции, особенно в сфере информатики. Информатизация в СССР охватила в основном военный сектор, а о компьютерах для частных лиц не было и речи. Сьвидер считает, что одним из факторов, ускоривших распад СССР, была неспособность советских элит к переводу на свою почву революции в сфере информатики.

В 1980-е годы организационно-экономический кризис в СССР зашел уже слишком далеко. После смерти Брежнева

Ю.В. Андропов распорядился, чтобы в АН СССР был подготовлен доклад о состоянии экономики советского государства. В результате весной 1983 г. появился так называемый Новосибирский отчет, созданный Новосибирским институтом экономики под руководством Татьяны Заславской. В нем был сделан акцент на освобождении работников из-под контроля государственной власти. Основными дефектами экономической системы были признаны снижающиеся темпы роста национального дохода, неспособность к созданию необходимых условий для работников социально-экономической сферы, неэффективность административных методов руководства. Этот «тайный» отчет стал известен советскому обществу, а затем попал на Запад, где вызвал большой интерес.

Критике советской экономической системы были посвящены закрытые семинары экономиста А.Г. Аганбегяна (впоследствии советника М.С. Горбачева по вопросам экономики) в 1965 г., а также выступление академика В.А. Трапезникова в 1982 г. Кроме того, в 1962 г. появилась концепция «рыночного социализма» Е.Г. Либермана, которая предусматривала увеличение автономии предприятий и позволяла им получать прибыль, предназначенную прежде всего для выплат премий работникам.

Сьвидер считает, что вся советская общественно-государственная конструкция представляла собой систему взаимно саботирующих друг друга звеньев. Советское государство должно было контролировать труд и потребление. Потеря контроля над рабочей силой грозила серьезными последствиями.

В июне 1983 г. Верховный совет СССР принял закон «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями». Трудовой коллектив должен был нести ответственность за производительность труда и дисциплину. Зачастую он был единственным автором и исполнителем плана работы.

С назначением М.С. Горбачева Генеральным секретарем был взят курс на ускорение и перестройку. Считалось, что можно повысить эффективность экономики за счет расширения самостоятельности непосредственных исполнителей работы. Многие сектора экономики и даже отдельные республики СССР перешли на хозрасчет, что вызвало деградацию административных методов управления. В конце 1980-х годов экономические реформы стали частью политической игры, которую вели соперничавшие между собой силы: руководство КПСС, региональная партийная бюрократия и промышленная номенклатура. Трудовые коллективы стали

осуществлять реальный контроль над продукцией, планом работы и даже собственной администрацией, результатом чего было ухудшение дисциплины. Однако в некоторых регионах руководители смогли поставить себя выше трудовых коллективов, установив с ними дружеские отношения и создавая себе популярность, особенно перед выборами. В итоге в 1990-е годы значительную роль в руководстве постсоветской России разных уровней сыграл слой появившихся перед распадом Советского Союза «крепких хозяйственников», как, например, мэр Москвы Ю.М. Лужков.

К началу 1990-х годов экономический кризис в СССР сделался более очевидным. К концу 1991 г. советская экономика находилась в катастрофическом положении, по выражению автора, «в состоянии клинической смерти» (с. 86). Макроэкономические показатели свидетельствовали о банкротстве СССР: прежний рост экономики обернулся резким падением (-11%), внешний долг увеличился с 10 млрд 500 млн долларов США в 1985 г. до 52 миллиардов в 1991 г., золотой запас уменьшился с 2500 до 240 т, экспорт нефти снизился с 1 млрд 172 млн баррелей до 511 миллионов, курс доллара вырос с 60 коп. до 90 руб. (с. 86).

Сьвидер приходит к выводу, что «зигзагообразная» стратегия советских экономических реформ была продиктована не только опасениями руководства СССР перед непредсказуемыми результатами быстрых решений, но и проистекала из необходимости учета реакции на них общества, что было нововведением советской политической культуры. В 1989–1990 гг. на Донбассе, в Кузбассе и Воркуте прошли забастовки шахтеров, продемонстрировавшие «недовольство пролетариата реформами, что уже нельзя было проигнорировать либо подавить силой» (с. 88). Экономика ощущала на себе последствия двойной игры, которую вели представители власти – Горбачев против КПСС, Б.Н. Ельцин против Горбачева, республики против центра, КГБ против Горбачева и Ельцина. Распад страны сделался неотвратимым. В этих условиях был поднят вопрос о перераспределении государственной собственности. Однако российская политическая элита не имела единого мнения о методах перехода к капитализму. В конечном счете номенклатура начала осуществлять так называемую приватизацию, на деле означавшую «приватизацию путем захвата» (с. 88). Автор считает, что она соответствовала ленинской логике, предусматривавшей процесс «экспроприации экспроприаторов» («грабь награбленное») (с. 88).

О.В. Бабенко

Салливэн Ч.Дж.

**РОДИНА: СОВЕТСКАЯ НОСТАЛЬГИЯ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(Реферат)**

Sullivan Ch.J. Motherland: Soviet nostalgia in the Russian Federation. – [Singapore] : Palgrave Macmillan, 2022. – IX, 164 p.

Чарльз Дж. Салливэн – британский исследователь, специализируется в области истории России и бывших советских республик; в 2014–2022 гг. преподавал в Назарбаев Университете (Астана, Казахстан). Реферируемая монография основана на докторской диссертации автора, защищенной в 2014 г.

В книге анализируются причины того, почему и в какой степени российские граждане испытывают ностальгию по Советскому Союзу. Базируясь на результатах общенационального обследования «Левада-центра» и собственного полевого исследования, проведенного в нескольких регионах России (материалы опросов, интервью и др.), Ч.Дж. Салливэн раскрывает материальные и культурные причины возникновения чувства ностальгии по СССР, представляющего, на его взгляд, определенный вызов для российского правительства.

Монография состоит из семи глав (первая является введением) и краткого эпилога. Во введении дан обзор исследовательской литературы о ностальгии как научном концепте, а также анализ серии социологических работ, изучающих ностальгию по СССР. Во второй главе «Тоска по СССР» описываются группы населения, особенно склонные к ностальгии. Глава 3 «Экономический бедлам» написана на материале Самарской области. В главе анализируется ситуация в 1990-е годы; показано, как российские

граждане справляются с хаотическим социально-экономическим порядком. Образ Второй мировой войны в массовой памяти рассматривается в четвертой главе «Социальное сплочение» (на примере Волгоградской области). В главе 5 «Славные дни» описывается отношение этнических меньшинств к Советскому Союзу (на материале Татарстана). Шестая глава «Политика прошлого и настоящего» посвящена ухудшению отношений между Россией и странами Запада в последние годы и попыткам российского правительства использовать историческую память в политических целях. Наконец, в главе 7 «Неуверенность в будущем» показано, как современные российские граждане живут буквально среди руин Советского Союза; анализируются различия между понятиями «Родина-мать» и «Отечество».

Во введении автор определяет проблему, поставленную в работе, вначале в общем плане: как народные воззрения относительно различия прошлого от настоящего влияют на современную политику? Поднимая этот вопрос, он анализирует особый тип ностальгии, а именно ее «советскую» разновидность в Российской Федерации. 25 декабря 2021 г. исполнилось 30 лет с момента официального роспуска Союза Советских Социалистических Республик. Написанию книги, отмечает Салливэн, предшествовала диссертация, в которой он стремился найти ответ на вопрос: до какой степени российские граждане тоскуют по СССР и почему они стремятся вернуться к былой системе? В годы учебы в Университете Джорджа Вашингтона (Вашингтон, США) автор заинтересовался политикой бывшего СССР. Идея книги возникла в 2008 г. во время путешествия в Волгоград. Тогда его жена, татарка, уроженка Казани, сопровождая его в путешествии в город, ранее носивший имя Сталина, в какой-то степени подсказала ему тему для диссертации. Город, не похожий на Москву или Петербург в культурно-историческом отношении, произвел огромное впечатление прежде всего благодаря тому, что он как бы застыл в своем героическом прошлом: «Волгоград поражает посетителей своей значимостью не только для России, но и в мировом контексте. Проходя по улицам, видя многочисленные танки, военные самолеты, изрешеченные пулями дома, памятники героям Сталинградской битвы (1942–1943), нельзя не почувствовать глубинной привязанности города к советскому прошлому. Волгоград стоит как современная версия Карфагена, но с одним радикальным отличием. Здешние защитники эту битву выиграли. По сей день Волгоград служит капсулой времени, показывающей великий исторический подвиг

России, и свидетельством того, до какой степени город, названный именем Сталина, определил геополитические контуры современной эпохи. Главной достопримечательностью города является мемориальный комплекс Мамаева кургана. Тяжелейшие бои велись на этом участке земли в ходе Сталинградской битвы. По мере того как посетители поднимаются на этот грандиозный комплекс, они проходят мимо разнообразных статуй, барельефов, увековечивающих военную победу Советского Союза над нацистской Германией в Великой Отечественной войне (1941–1945). На вершине посетитель лицом к лицу встречается с колоссальной статуей “Родина-мать зовет”» (с. 1–2).

Так возникла идея изучения смысла ностальгии по СССР в современной России. Возможно, самый интересный аспект ностальгии как предмета обсуждения в политической науке состоит в том, что она не имеет четкого определения. С. Мендельсон и Т.П. Гербер¹ утверждают, что «советская ностальгия тормозит демократическую перспективу в России» (с. 2). Не определяя этот концепт, они сосредоточиваются на том, как вспоминают Сталина, на народных мнениях о демократии и авторитаризме и американской помощи, которая может способствовать развитию демократических ценностей, особенно среди молодежи. Подобным же образом, обсуждая сталинистский период, Т. Шерлок² утверждает, что советская ностальгия не слишком распространена среди молодежи. Хотя он цитирует данные опросов, но предмет ностальгии трактует поверхностно. В своей работе он ограничивается рассмотрением того, как русские воспринимают Сталина и как их правительство трактует сталинский период. Л. Вэй³ утверждает, что чувства советской ностальгии в России помогают поддерживать правящий режим под руководством президента В. Путина. Указывая на противоречивый характер подобного определения, Салливэн ставит вопрос: «Если российские граждане стремятся к возврату в СССР, то как подобные чувства могут помочь его преемнику? И что такое советская ностальгия?» (с. 3). Обращаясь

---

¹ *Mendelson S.E., Gerber Th.P.* Soviet nostalgia: an impediment to Russian democratization // *The Washington quarterly*. – 2005–2006. – Vol. 29, N 1. – P. 83–96.

² *Sherlock Th.* Confronting the Stalinist past: the politics of memory in Russia // *The Washington quarterly*. – 2011. – Vol. 34, N 2. – P. 93–109.

³ *Way L.* The lessons of 1989 // *Journal of democracy*. – 2011. – Vol. 22, N 4. – P. 18.

к работе С. Бойм¹, он концептуализует ностальгию как чувство, которое ориентирует на возврат в специфическое «место» или «время» в прошлом. Бойм характеризует ностальгию как «мятеж против современной идеи времени» и как «побочный эффект телеологии прогресса» (цит. по: с. 3). Имея в виду такое определение, ностальгия порождает одновременно позитивную оценку прошлого (под влиянием памяти и личных воспоминаний) и негативную оценку настоящего (как результат сравнения трудностей настоящего с идеализированным образом прошлого). Говоря об идеализированном прошлом, Ф. Дэвис² замечает, что «эти ностальгические чувства почти никогда не смешиваются с чувствами, которые мы называем негативными», поскольку они обычно возникают в ответ на недовольство настоящим и беспокойство о будущем (цит. по: с. 3–4).

Обращаясь к результатам собственных исследований, автор реферируемой книги констатирует, что значительная часть российского населения сохраняет чувства ностальгии по Советскому Союзу. При этом они особенно ностальгируют по одной особенности бывшего СССР, которую Салливэн определяет западным термином «государство благосостояния». В книге ставится вопрос: является ли такое отношение к прошлому результатом пропаганды подобных чувств российским правительством? Другими словами, задача состоит в том, чтобы определить, существует ли какая-либо связь между тем, как Советский Союз подается в российских СМИ сегодня, и тем, как российские граждане относятся к СССР. В поле зрения автора оказались российские газеты, телевидение и «Левада-центр».

В итоге автор на основе собственных исследований приходит к выводу, что чувства «советской ностальгии» процветают независимо от того, каким образом СССР изображается в медиа. Это в свою очередь дискредитирует гипотезу, что ностальгия по СССР сохраняется благодаря правительственной пропаганде. Разумеется, российское правительство (как и любое другое) подчеркивает некоторые аспекты прошлого, принижая другие, по чисто политическим соображениям. Таким образом, утверждает Салливэн, «чувства советской ностальгии по своей природе являются подлинными,

---

¹ *Boym S. The future of nostalgia. – New York : Basic Books, 2001. – XIX, 404 p.: ill.*

² *Davis F. Yearning for yesterday: a sociology of nostalgia. – New York : Free Press, 1979. – XII, 146 p.*

а не просто искусственно насаждаются российским правительством» (с. 19).

Память о Советском Союзе жива в сегодняшней России. О ней напоминают мемориалы в честь победы во Второй мировой войне, памятники Сталину, Ленину и другим деятелям, вплоть до сувенирных лавок, которые встречаются повсеместно. Почему? Потому ли, что российским гражданам и политикам нравится вспоминать прошлое? Иначе говоря, является ли это результатом российской пропаганды? Некоторые исследователи обращаются к самым противоречивым аспектам российской истории. Так, К. Смит утверждает, что российское правительство склонно к «государственническому подходу» в оценке советской истории (особенно сталинского периода) с акцентом на «укрепление государственной власти». Напротив, Шерлок, хотя и считает, что российское правительство «использует историю как орудие национальной политики», отмечает, что Кремль в последнее время отошел от взгляда, что сталинизм был первоначально следствием враждебного международного окружения.

Автор формулирует несколько вопросов, задаваемых им в ходе опросов: чувства сожаления о коллапсе СССР; чувства гордости и стыда по отношению к СССР; реставрация СССР; возвращение КПСС. Используя результаты опросов читателей основных газет и зрителей ведущих каналов телевидения, он приходит к выводу: в то время как ни одна из ведущих газет не коррелирует позитивно ни с одним из выделенных им аспектов советской ностальгии, ведущие телеканалы (особенно Первый канал) позитивно коррелируют с большинством из них. Таким образом, если российское правительство стремится пропагандировать чувства «советской ностальгии» через телевидение, то подобная стратегия скорее эффективна. Однако важно подчеркнуть, что приводимые результаты указывают не на причину, а скорее на существование позитивной корреляции между некоторыми телеканалами и различными аспектами «советской ностальгии».

Чувства советской ностальгии, считает автор, созрели независимо от того, как Советский Союз изображается в российской печати и на телевидении. Материалы опросов, представленные в книге, показывают, что если российское правительство стремится распространять подобные чувства среди граждан, то это пока ему не слишком удается. Сказанное относится и к попыткам представить в благоприятном свете такие фигуры, как Ленин, Сталин, Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев, Ю.В. Андропов и М.С. Горбачев. Трудно настаивать на том, что чувства «советской ностальгии»

обязаны своим существованием только усилиям государства. Напротив, подобные чувства являются подлинными в том смысле, что они опираются на материальные соображения (невыгодные сравнения социальной политики советского времени с нынешней). Само их наличие подчеркивает кризис легитимности сегодняшнего правительства, которое прилагает усилия по формированию и распространению собственного исторического нарратива, оказывая влияние на СМИ и на преподавание в школах, подчеркивая одни аспекты прошлого и затеняя другие. Если многие россияне испытывают чувства ностальгии по СССР, то это вовсе не значит, что большинство верит в то, что в России однажды наступит коммунизм или что Советский Союз будет восстановлен.

Как эти настроения влияют на сегодняшнюю политику? Подобный вопрос может быть поставлен по отношению к ностальгии не только советской, но и любой другой. В поисках ответа на него исследователи могут приобрести более целостное понимание того, как перцепции прошлого могут выявить либо кризис легитимности правящего режима, либо их потенциальное влияние на будущее политическое развитие. Что касается России, то исследования автора показывают, что огромное большинство российских граждан считают возврат к советскому прошлому невозможным, но при этом нынешнее состояние социальной политики оценивают как неадекватное. Опираясь на такое понимание ностальгических чувств, автор исследует степень, в какой нынешний правящий режим испытывает кризис легитимности. Несмотря на трудности жизни в России, многие приспосабливаются к ним, и ностальгия не мешает оценить различные возможности сегодняшнего дня.

Оценивая психологический эффект, причиненный распадом СССР, С. Ушакин¹ утверждает, что россияне вынуждены были образовать «коллективную реальность», коренившуюся в понятии «Утраты» (Loss), прежде всего того, что относится к «утраченной культуре и ценностям». Это побудило Салливэна попытаться выяснить, что именно они утратили и что хотели бы вернуть, но не могут. Проводя свои собственные полевые исследования, Салливэн сосредоточился на терминах *отечество* (fatherland) и *родина* (motherland). В общем употреблении первое, по его мнению, акцентирует «политическое чувство», тогда как второе содержит внутреннюю привязанность к некоей целостности (страна, регион,

---

¹ Oushakine S. The patriotism of despair: nation, war and Loss in Russia. – Ithaca : Cornell univ. press., 2009. – P. 1–2.

город, деревня), которые в ходе полевых исследований, естественно, различаются. «В одном из моих интервью в Волгограде я установил, что концепция родины “утратила все свое значение” после распада СССР. В другом интервью в Казани смысл “родины” был раскрыт глубже: “У меня теперь нет родины. Я привык думать, что если со мной что-то случится, обо мне позаботятся. Я больше не чувствую себя защищенным, и если это так, то у вас нет родины”» (с. 128–129). Советская Родина сохраняла связь между гражданином и государством, но теперь эта связь утрачена.

Обсуждая «происхождение ностальгии» в общем смысле, Р. Питерс утверждает, что индивиды с чувством ностальгии жаждут вернуться в «потерянный рай». Нынешний политический режим страдает от кризиса легитимности из-за того, что большинство российского населения считает, что правительство не справилось в попытках эффективно обеспечить ему адекватную социальную защиту. Напротив, большинство россиян верят, что советское правительство обеспечивало должную социальную защиту. «В этом смысле отношения между советским гражданином и государством отражает “архетипический идеал” или “утраченный рай”, который многие россияне желали бы вернуть»¹.

Большинство россиян и сегодня отмечают советские праздники – такие как День защитника Отечества 23 февраля, Международный женский день 8 марта, День Победы 9 мая, а некоторые даже годовщину Октябрьской революции 7 ноября. Но что они думают о новых праздниках, таких как День России 12 июня, День Конституции 12 декабря и День Национального единства 4 ноября? В ходе интервью 51 из 70 ответили, что регулярно отмечают Новый год, День Победы, порой добавляя Международный женский день, как самые важные праздники, но ни один не назвал в качестве таковых новые даты. При этом россияне очень хорошо знали даты советских праздников. В целом многие россияне очень мало думают о нововведенных праздниках, явно предпочитая жить по старому советскому календарю. Однако степень их привязанности к советскому прошлому значительно шире. Отсюда автор делает вывод, что граждане Российской Федерации продолжают «жить среди руин их прежней целостности. Нет нужды говорить, что это служит постоянным напоминанием о прошлом... Хотя многим городам вернули их прежние наименования, среди них

---

¹ *Peters R. Reflections on the origin and the aim of nostalgia // Journal of analytical psychology. – 1985. – Vol. 30, N 2. – P. 137–138.*

осталось немало названий в честь советских вождей» (с. 131). Более половины опрошенных (43 из 70) выражали чувства сожаления о распаде Советского Союза. Также половина из них считала, что восхищение русских Советским Союзом либо возросло, либо осталось постоянным в ходе истекших десятилетий, и только 21 – что оно уменьшилось. Такие результаты свидетельствуют о распространении недовольства существующим социально-экономическим порядком. Другими словами, многим кажется, что СССР навсегда останется реликтом прошлого (так считают 47 из 70 респондентов); они не верят в его восстановление потому, что нынешняя правящая элита не стремится осуществить подобную инициативу.

Соглашаясь с тем, что реставрация СССР невозможна, автор приводит слова С. Бойм о том, что прошлое невозможно вернуть к жизни, ведь, если такая попытка случается, то «прошлое переделяется по образу настоящего или желаемого будущего...»¹. Большинство россиян, независимо от их ностальгии по Советскому Союзу, разделяют это чувство, но почему они так считают? Отчасти причина состоит в том, что, несмотря на недовольство статус-кво, многие не хотели бы переворота существующего порядка, опасаясь хаоса, сопровождающего подобные перемены. Их, особенно пенсионеров, больше заботят существующие выплаты, нежели участие в уличных протестах.

Кроме того, несмотря на добрые воспоминания о СССР, большинство не хотело бы полного возврата в это прошлое. На вопрос: как бы они реагировали на реставрацию коммунизма советского типа, только 12 из 70 интервьюированных ответили позитивно. Лишь 17 реагировали негативно, а оставшиеся 23 ответили, что это невозможно. Эта тенденция связана с тем, что в последнее время укреплялась политическая система вместе с экономикой. К тому же люди вполне сознают огромное количество проблем, связанных с прошлым, как и новые возможности доступа к товарам массового потребления (пища, одежда, хозяйственные товары и пр.).

В теоретическом плане автор видит свою работу как вклад в понимание того, как феномен ностальгии действует в социальном и научном контексте, прежде всего в области политики памяти. Исследования в этой области имеют тенденцию фокусироваться на роли исторического наследия и его влияния на политические проблемы, а также на то, как политические элиты манипулируют историческими событиями в своих целях.

---

¹ *Boym S. Op. cit. – P. 354.*

По отношению к историческому наследию такие исследователи, как К. Дарден и А. Гржимала-Буссе¹, придерживаются тезиса, что специфические процессы, имевшие место в прошлом, могут пребывать в спящем состоянии, но затем окажут значительный эффект. В качестве примера, связанного с распадом СССР, они указывают на причину того, почему некоторые советские республики на западных границах СССР выбрали отделение. Она, по их мнению, заключалась в том, что обитатели этого региона уже развили сильное национальное сознание через массовое школьное образование еще до советского правления. Напротив, ни одна из республик Средней Азии не сделала этого, поскольку национализм фактически не существовал в этом регионе до советского правления.

В связи с тем, как политические элиты манипулируют историческими событиями, О. Шевел² в своем исследовании об Испании и Украине обращается к проблеме «разделенной исторической памяти». В частности, он утверждает, что способ, каким правительство избирает трактовку некоторых спорных исторических тем (гражданская война 1936–1939 гг. в Испании, деятельность Организации украинских националистов), может оказать влияние на процесс формирования государства и нации в данной стране. Так, испанское правительство избрало присоединение к «демократической памяти» о гражданской войне, тогда как украинское правительство предпочитает важность «общей исторической памяти», причем последнее перешло в острое соперничество элит, превратившее проблему исторической памяти в политическое «поле сражения».

В отличие от этих авторов, сосредоточенных на элите, Салливан анализирует проблему исторической памяти через призму масс. «Ностальгия по СССР» среди россиян связана с сильным чувством народного недовольства существующим положением вещей, хотя сегодня немногие питают надежды на лучшее будущее. Социальные службы прошлого воспринимаются как то, что россияне хотели бы вернуть, в то время как им предлагают опираться на собственные инициативы. В этом смысле наследие советского «государства благосостояния» оказывает влияние на

---

¹ Darden K., Grzymala-Busse A. Literacy, nationalism and the communist collapse // World politics. – 2006. – Vol. 59, N 1. – P. 83–115.

² Shevel O. The politics of memory in a divided society: a comparison of post-Franco Spain and post-Soviet Ukraine // Slavic review. – 2011. – Vol. 70, N 1. – P. 137–164.

современную российскую политику (с. 141). Изучение ностальгии составляет часть большого поля исследований касательно возможностей использования исторического наследия. Ностальгия говорит о прошлом на «общем языке», она возникает всякий раз после переворота, перелома в общественно-политическом развитии. Важно знать больше о том, как простой человек переживает перемены, пересматривает собственную идентичность и оценивает настоящее сквозь призму прошлого.

Т.М. Фадеева

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Апанасенок Александр Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН. Электронная почта: apanasenok@yandex.ru.

Бабенко Оксана Васильевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН. Персональная страница: <http://inion.ru/ru/about/personalities/babenko-oksana-vasilievna/>.

Богомолов Игорь Константинович – кандидат исторических наук, заведующий отделом истории ИНИОН РАН. Персональная страница: <http://inion.ru/ru/about/personalities/bogomolov-igor-konstantinovich/>.

Дунаева Юлия Вячеславовна – старший научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН. Электронная почта: jvd@inbox.ru.

Емельянова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН. Электронная почта: e.n.emelyanova@mail.ru.

Любин Валерий Петрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН. Персональная страница: <http://inion.ru/ru/about/personalities/liubin-valerii-petrovich/>.

Медовичев Александр Евгеньевич – ведущий редактор отдела истории ИНИОН РАН. Персональная страница: <http://inion.ru/ru/about/personalities/medovichev-aleksandr-evgenievich/>.

Милиц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН. Персональная страница: <http://inion.ru/ru/about/personalities/mints-mikhail-mikhailovich/>.

Петрухина Дарья Валерьевна – научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН. Персональная страница: <http://inion.ru/ru/about/personalities/petrukhina-daria-valerievna/>.

Фадеева Татьяна Михайловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН. Персональная страница: <http://inion.ru/ru/about/personalities/fadeeva-tatiana-mikhailovna/>.

**СТО ЛЕТ СССР :
СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ**

Сборник обзоров и рефератов

Оформление обложки С.И. Евстигнеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка Л.Н. Синякова
Корректор С.Е. Шелимова

Подписано к печати 26 / XII – 2023 г.
Формат 60x84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 9,3 Уч.-изд. л. 8,7
Тираж 300 (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 231

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88, литера У